

ISSN: 2686-9152

НАУКА И РЕАЛЬНОСТЬ SCIENCE & REALITY

№ 1 (25)
2026

научно-практический журнал

16+

НАУКА И РЕАЛЬНОСТЬ SCIENCE & REALITY

zhurnalnir.ru

Научно-практический журнал
№ 1(25) ♦ 2026

Scientific-practical journal
No 1(25) ♦ 2026

Учредитель: Беянина Елена Юрьевна (г. Омск, Россия)

Founder: Elena Belyanina (Omsk, Russian Federation)

Издается с апреля 2020г. Периодичность – 4 раза в год.

Published since April 2020. Issued four times a year.

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Регистрационный номер ЭЛ № ФС77 – 78274 от 06.04.2020г.

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor) Registration number EL No. FC77 – 78274 dated 06.04.2020.

Журнал постатейно размещается в системе РИНЦ на основании Договора № 105-03/2020 от 17 марта 2020г.

The journal is placed article by article in the RSCI system based on Agreement No. 105-03 / 2020 dated March 17, 2020.

Главный редактор:

Беянина Е. Ю., кандидат педагогических наук
Выпускающий редактор, корректор, компьютерная верстка: Беянина Е.Ю.

Chief Editor:

Belyanina E.Y., Candidate of Pedagogical Sciences
Managing editor, proof-reader, computer-aided makeup: Belyanina E.Y.

Рукописи подвергаются редакционной обработке. Точки зрения авторов и редакционной коллегии могут не совпадать.

Manuscripts are subjected to the editorial processing. The viewpoints of the authors and the editorial board may not coincide.

Ссылки на журнал при цитировании обязательны.

References to the journal citation are required.

Журнал печатной версии не имеет.

The journal does not have a Printed version.

ISSN: 2686-9152

Учредитель журнала: Белянина Елена Юрьевна (г. Омск, Российская Федерация)

Главный редактор:

Белянина Елена Юрьевна

кандидат педагогических наук,

Редакционная коллегия:

Грушецкая Ирина Николаевна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры психолого-педагогического образования ФГБОУ ВО Костромской государственной университет

Зайцев Павел Леонидович

доктор философских наук, профессор, директор школы академического и проектного развития ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

Ищенко Оксана Владимировна

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления и управления персоналом, БУ ВО «Сургутский государственный университет»

Лепешев Дмитрий Владимирович

кандидат педагогических наук, академик Академии педагогических наук Казахстана, руководитель научно-исследовательской лаборатории «Инклюзивное образование и нейроразнообразии» НАО Кокшетауский университет им.Ш. Уалиханова

Патласов Олег Юрьевич

доктор экономических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, профессор кафедры экономики и финансов ФГБОУ ВО Министерства сельского хозяйства РФ «Российского государственного университета народного хозяйства им. В.И. Вернадского» (Московская область), профессор кафедры Экономики и управления персоналом ЧУОО ВО Омская гуманитарная академия, эксперт Рособнадзора, Федеральный эксперт научно-технической сферы РФ, Агентства стратегических инициатив; лицензированный эксперт Независимого агентства аккредитации и рейтинга, Независимого казахстанского агентства по обеспечению качества в образовании, Независимого агентства по аккредитации и экспертизе качества образования (РК).

Чертвов Роман Александрович

кандидат технических наук, доцент, Институт нефти и газа ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет».

Шумилова Елена Аркадьевна

доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой дефектологии и специальной психологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».

Щербинина Ольга Станиславовна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры психолого-педагогического образования ФГБОУ ВО «Костромской государственной университет».

Chief Editor

Belyanina Elena Yuryevna

Candidate of Pedagogical Sciences

Editorial Board:

Grushetskaya Irina Nikolaevna

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Psychological and Pedagogical Education, Kostroma State University

Zaitsev Pavel Leonidovich

Doctor of Philosophy, Professor, Director of the School of Academic and Project Development. Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin

Ishchenko Oksana Vladimirovna

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of State and Municipal Administration and Personnel Management, Surgut State University.

Lepeshev Dmitry Vladimirovich

Candidate of Pedagogical Sciences, Academician of the Academy of Pedagogical Sciences of Kazakhstan, Head of the Research Laboratory «Inclusive Education and Neurodiversity» of the NLS «Kokshetau University named after Sh.Ualikhanov»

Patlasov Oleg Yuryevich

Doctor of Economics, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Economics and Finance of the Vernadsky Russian State University of National Economy (Moscow Region), Professor of the Department of Economics and Personnel Management Private Establishment an Educational Institution of Higher Education «Omsk Humanitarian Academy», Expert of Rosobrnadzor, Federal expert of the scientific and technical sphere of the Russian Federation, Agency for Strategic Initiatives; licensed expert of the Independent Agency for Accreditation and Rating, Independent Kazakhstan Agency for Quality Assurance in Education, Independent Agency for Accreditation and Examination of the Quality of Education (RK).

Chertov Roman Aleksandrovich

Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Institute of Oil and Gas of the Ugra State University

Shumilova Elena Arkadyevna

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Defectology and Special Psychology, Kuban State University

Shcherbinina Olga Stanislavovna

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Psychological and Pedagogical Education of the Kostroma State University

Дата выхода в свет 17.03.2026

тел. редакции: +7 913 610 3123

e-mail: belyanina_eu@mail.ru

адрес журнала в сети «Интернет»: <https://zhurnalnir.ru>

СОДЕРЖАНИЕ**ПЕДАГОГИКА. ПСИХОЛОГИЯ
(PEDAGOGY. PSYCHOLOGY)**

<i>Абитаева А.М., Лепешев Д.В.</i> МОНИТОРИНГ АДАПТАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОФИЛАКТИКИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ДЕЗАДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ С ОСОБЫМИ ПОТРЕБНОСТЯМИ.....	6
<i>Акишева А.К., Исимбаев Е.Т., Жакай Ж.А., Темирбекова Д.С.</i> УСПЕШНОСТЬ И РЕАЛИЗАЦИЯ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ РАЗНЫХ ВОЗРАСТНЫХ КАТЕГОРИЙ.....	11
<i>Лепешев Д.В., Цхай Е.Ю.</i> НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОДИТЕЛЬСКОГО И ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА В РАЗВИТИИ СИСТЕМЫ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	19
<i>Чаканова С.Ж., Бабаханов Б.Б.</i> ИНТЕГРАЦИЯ ПЛАТФОРМЫ VEGEMOT.AI В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ	28
<i>Сатпаева Ж.А., Мирзахметова Ч., Есенаман А.Р.</i> СПОСОБЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ГЛАГОЛОВ	42
<i>Чаканова С.Ж., Рахматжонова Ю.Н.</i> YANDEX GPT КАК ИНСТРУМЕНТ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ В ОБРАБОТКЕ ТЕКСТА.....	47
<i>Кукубаева А.Х., Молдыбаева Ж.Т.</i> ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ БУЛЛИНГА В ПОДРОСТКОВОЙ СРЕДЕ	56
<i>Сейдуалиева А.Н., Альдибекова Ш.Н.</i> КОЛЛАБОРАТИВНАЯ СРЕДА И ТЕХНОЛОГИИ EDTECH: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ В ПОДГОТОВКЕ УЧИТЕЛЯ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ	64
<i>Адамова Г.М., Маннабова З.Д.</i> ИНТЕРАКТИВНЫЕ ЦИФРОВЫЕ ПОМОЩНИКИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ГРАМОТНОСТИ И ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЫ	70
<i>Адамова Г.М., Жунаева Н.Т.</i> РОЛЬ ИИ СЕРВИСОВ В РАЗВИТИИ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ И АНАЛИЗА ЛИТЕРАТУРНЫХ ТЕКСТОВ.....	79

**ЭКОНОМИКА. УПРАВЛЕНИЕ
(ECONOMY. MANAGEMENT)**

<i>Гаджиева Н.А.</i> ПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И АНАЛИЗ СУЩЕСТВУЮЩИХ ПРОБЛЕМ....	88
<i>Маммедова А.В., Маммедов С.Д.</i> ЦИФРОВИЗАЦИЯ И РАЗВИТИЕ БРЕНДОВ В ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ АЗЕРБАЙДЖАНА.....	92
<i>Новрузова З.Р.</i> ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕДИА: ЗНАЧЕНИЕ КОММУНИКАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ	98

**ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
(LINGUISTICS AND LITERARY STUDIES)**

<i>Батаева Ф.А., Беспяева А.О.</i> СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК	106
<i>Батаева Ф.А., Жунусбекова А.Б.</i> СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ В РОМАНЕ ДЖЕКА ЛОНДОНА «ПРИБОЙ КАНАКА» И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК.....	110
<i>Батаева Ф.А., Кабулова Ж.Ж.</i> ЛЕКСИЧЕСКИЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ДЕТСКОЙ ПОЭЗИИ С РУССКОГО НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АГНИИ БАРТО	114
<i>Батаева Ф.А., Тюменева Р.А.</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АТРИБУТИВНЫХ ПРИДАТОЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В РОМАНЕ Т. ДРАЙЗЕРА «АМЕРИКАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ» НА РУССКИЙ ЯЗЫК	119
<i>Батаева Ф.А., Мухамедина А.А., Сембаева Г.Т., Приступна Е.Н.</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ В ПРОИЗВЕДЕНИИ У. ТЕККЕРЕЯ «ЯРМАРКА ТЩЕСЛАВИЯ» НА РУССКИЙ ЯЗЫК	123
<i>Батаева Ф.А., Шаригат А.</i> ИЗУЧЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ И ТРАНСФОРМАЦИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ КАЗАХСКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК....	128
<i>Батаева Ф.А., Джармуханова А.Б.</i> ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРОИЗВЕДЕНИЯ УИЛЬЯМА УИЛКИ КОЛЛИНЗА «ЖЕНЩИНА В БЕЛОМ»	132
<i>Аббасова С.Г., Исмаилова Е.М.</i> КРИТЕРИЙ ЧИТАТЕЛЯ В КРИТИЧЕСКОМ РАССУЖДЕНИИ.....	137

Алиева В.С. ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ РОДНОГО ЯЗЫКА В АКАДЕМИЧЕСКОМ ПИСЬМЕ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: НА МАТЕРИАЛЕ ПИСЬМЕННЫХ РАБОТ АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ СТУДЕНТОВ, ИЗУЧАЮЩИХ АНГЛИЙСКИЙ КАК ИНОСТРАННЫЙ 144

ИСТОРИЯ

(HISTORY)

Назыкенова Б.С., Ельжанова Е.Т. РЕКОНСТРУКЦИЯ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА И ВЕРОВАНИЙ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА: СОПОСТАВЛЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ 155

Березка Д.М., Серкпаев М.О. ДЖУНГАРСКАЯ УГРОЗА И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ВНЕШНИХ КОНТАКТОВ КАЗАХСКОГО ХАНСТВА 161

Разина В.С., Бекишев К.О. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЙ КАЗАХСКО-ДЖУНГАРСКИХ ВОЙН: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ . 172

Нуртаева Т.Ж., Серкпаев М.О. БАТЫРЫ СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА В ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ И НАРОДНЫХ ПРЕДАНИЯХ 176

Науkenов Р.В., Ельжанова Е.Т. ГОРОДСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО КАЗАХСТАНА 186

Черкасова К.И., Ельжанова Е.Т. ДРЕВНЕТЮРКСКОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ОДИН ИЗ КЛЮЧЕВЫХ КОМПОНЕНТОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ..... 190

Шолимова А.Г., Ельжанова Е.Т. ИДЕОЛОГИЯ САКСКОГО ВОИНА..... 194

Исмаилова Г.Т., Ельжанова Е.Т. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ МОДЕЛИ УЛУСА ДЖУЧИ 198

Тагиева А.Р. ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ КНИГОПЕЧАТАНИЯ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ 202

СТРАНОВЕДЕНИЕ

(COUNTRY STUDY)

Байрамова У.Ю. ПАРЛАМЕНТ ВЕЛИКОБРИТАНИИ 207

Тагиева М.И. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ И РЕСПУБЛИКОЙ УЗБЕКИСТАН..... 212

Байрамова Л.И. ТУРИЗМ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ 220

ПЕДАГОГИКА. ПСИХОЛОГИЯ (PEDAGOGY. PSYCHOLOGY)

УДК 378

Научная статья

МОНИТОРИНГ АДАПТАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОФИЛАКТИКИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ДЕЗАДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ С ОСОБЫМИ ПОТРЕБНОСТЯМИ

Абитаева А.М., Лепешев Д.В.

НАО «Кокшетауский университет им. Ш.Уалиханова»

(г.Кокшетау, Республика Казахстан)

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты психологической оценки адаптации студентов с особыми потребностями в условиях инклюзивного высшего образования. Обосновывается значимость системного мониторинга адаптационных процессов как инструмента профилактики академической дезадаптации. Представлены факторы успешной адаптации, включая социальную поддержку, эмоциональное состояние, стрессоустойчивость и доступность образовательной среды. Предложены рекомендации по совершенствованию системы психологического сопровождения в вузе.

Ключевые слова: инклюзивное образование, адаптация студентов, обучающиеся с особыми потребностями, психологическая диагностика, стрессоустойчивость, социальная поддержка, высшее образование.

Для цитирования: Абитаева А.М., Лепешев Д.В. Мониторинг адаптационных процессов как инструмент профилактики академической дезадаптации студентов с особыми потребностями // Наука и реальность. 2026. № 1 (25). С. 6–10.

MONITORING OF ADAPTATION PROCESSES AS A TOOL FOR PREVENTING ACADEMIC MALADJUSTMENT IN STUDENTS WITH SPECIAL NEEDS

Abitaeva A.M., Lepeshev D.V.

Shokan Ualikhanov Kokshetau University

(Kokshetau, Kazakhstan)

Abstract. The article discusses the theoretical and practical aspects of the psychological assessment of adaptation of students with special needs in the context of inclusive higher education. The importance of systematic monitoring of adaptation processes as a tool for preventing academic maladjustment is substantiated. The factors of successful adaptation, including social support, emotional state, stress resistance, and accessibility of the educational environment,

are presented. Recommendations for improving the system of psychological support at the university are proposed.

Keywords: inclusive education, student adaptation, students with special needs, psychological diagnostics, stress resistance, social support, higher education.

For citation: Abitaeva A.M., Lepeshev D.V. Monitoring of adaptation processes as a tool for preventing academic maladjustment in students with special needs // Science & Reality. 2026. no. 1 (25). pp. 6–10. (in Russian).

Введение.

Современное высшее образование развивается в русле инклюзивной парадигмы, ориентированной на обеспечение равного доступа к обучению для различных категорий студентов [1; 2]. В нормативных документах Республики Казахстан, включая Закон РК «Об образовании» и Концепцию развития инклюзивного образования, подчёркивается необходимость создания условий для полноценного участия обучающихся с особыми потребностями в образовательном процессе [3; 4].

Расширение образовательных возможностей сопровождается необходимостью формирования среды, способствующей интеграции обучающихся с особыми потребностями (ОП) в академическое и социальное пространство вуза [4; 5]. В этих условиях особую значимость приобретает системная психологическая оценка процессов адаптации.

Актуальность исследования определяется тем, что период начала обучения в вузе связан с интенсивной академической и социальной перестройкой личности [2; 3]. Для обучающихся с инвалидностью или ограничениями здоровья данный этап может осложняться дополнительными барьерами — архитектурными, информационными и коммуникативными [8; 15]. Недостаточная адаптация способна привести к снижению учебной мотивации, росту тревожности и социальной изоляции [1; 6].

Основная часть.

Проблематика инклюзии в высшей школе не ограничивается обеспечением физической доступности образовательной инфраструктуры. Она предполагает формирование психологически безопасной среды и развитие инклюзивной академической культуры [4; 5; 11]. В данной системе особая роль принадлежит психологической службе вуза, осуществляющей диагностику и сопровождение адаптационных процессов [3].

Адаптация в образовательном контексте рассматривается как динамичный процесс приспособления личности к новым академическим и социальным условиям [3]. В её структуре выделяются когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты [2]. Психологическая адаптация проявляется в стрессоустойчивости, саморегуляции и адекватной самооценке [1; 14], тогда как социальная адаптация связана с включённостью в студенческое сообщество [2; 12].

Студенты с особыми потребностями могут сталкиваться с дополнительными стрессогенными факторами: необходимостью освоения новой инфраструктуры, зависимостью от ассистивных технологий и риском стигматизации [8; 15]. Однако наличие особых образовательных потребностей не означает снижения интеллектуального потенциала; трудности чаще обусловлены несоответствием образовательной среды индивидуальным возможностям обучающихся [5; 10].

Анализ научных исследований позволяет выделить ключевые факторы успешной адаптации:

- социальная поддержка со стороны семьи и преподавателей [2; 12];
- эмоциональное состояние и уровень тревожности [1; 6];
- психологическая устойчивость и субъективное благополучие [6; 14];
- доступность образовательной среды и инклюзивная культура вуза [4; 7; 10];
- использование ассистивных технологий [15].

Комплексное взаимодействие этих факторов определяет характер включения студента в образовательный процесс.

Психологическая оценка адаптационных процессов должна носить комплексный характер и сочетать количественные и качественные методы исследования [3; 4]. Количественные инструменты обеспечивают объективность и возможность статистического анализа, тогда как качественные методы позволяют учитывать индивидуальный опыт обучающегося [3].

К числу наиболее распространённых диагностических методик относятся:

- шкалы академической и социальной адаптации [3];
- опросники тревожности и стрессоустойчивости [1];
- методики диагностики учебной мотивации [14];
- шкалы субъективного благополучия [6].

Дополнительно применяются интервью и наблюдение, позволяющие выявить субъективные трудности адаптации [4]. Использование комплексной диагностики соответствует международным рекомендациям по инклюзивному образованию [7; 8].

В проведённом исследовании установлено, что большинство обучающихся демонстрируют средний уровень академической адаптации. У части студентов выявлен повышенный уровень тревожности. Обнаружена положительная корреляция между уровнем социальной поддержки и успешностью адаптации, что согласуется с данными зарубежных и отечественных исследований [2; 12; 14]. Студенты, активно использующие ассистивные технологии, демонстрируют более высокий уровень уверенности в собственных возможностях [15].

Полученные результаты подтверждают, что психологическая устойчивость и социальная поддержка выступают значимыми предикторами успешной адаптации [1; 6]. Наличие инклюзивной инфраструктуры снижает уровень стрессовой нагрузки [7; 10].

На основе анализа теоретических и эмпирических данных предлагаются следующие практические рекомендации:

- Проведение диагностики адаптации в начале и середине учебного года [3].
- Разработка индивидуальных планов психологического сопровождения [4; 11].
- Организация тренингов по стресс-менеджменту и развитию навыков саморегуляции [1; 14].
- Развитие системы наставничества и кооперативного обучения [12].
- Повышение психологической компетентности преподавателей [5; 11].
- Формирование устойчивой инклюзивной культуры в вузе в соответствии с национальными стратегическими документами [9; 10].

Заключение.

Психологическая оценка адаптации студентов с особыми потребностями является важным элементом функционирования инклюзивной образовательной среды. Комплексное применение диагностических методов позволяет своевременно выявлять риски дезадаптации и разрабатывать адресные программы сопровождения [3; 4].

Результаты исследования подтверждают значимость психологической устойчивости, социальной поддержки и доступности образовательной среды как факторов успешной интеграции обучающихся [1; 7; 10]. Реализация системного мониторинга адаптационных процессов соответствует международным и национальным стратегиям развития инклюзивного образования [7; 9].

Перспективы дальнейших исследований связаны с внедрением цифровых инструментов мониторинга адаптации и развитием междисциплинарных моделей сопровождения студентов в системе высшего образования [14; 15].

Список источников

1. UNESCO. Guidelines for Inclusion: Ensuring Access to Education for All. – Paris: UNESCO, 2017.
2. World Health Organization. World Report on Disability. – Geneva: WHO, 2011.
3. Закон Республики Казахстан «Об образовании». – Астана, действующая редакция.
4. Концепция развития инклюзивного образования в Республике Казахстан до 2030 года. – Астана, 2021.
5. Андреева Г.М. Социальная психология. – М.: Аспект Пресс, 2018.
6. Реан А.А. Психология адаптации личности. – СПб.: Питер, 2016.
7. Бодров В.А. Психологический стресс: развитие и преодоление. – М.: ПЕР СЭ, 2015.
8. Психология инклюзивного образования / под ред. Н.М. Назаровой. – М.: Академия, 2020.

9. Семаго Н.Я., Семаго М.М. Теория и практика инклюзивного образования. – М.: Аркти, 2018.
10. Джонсон Д.В., Джонсон Р.Т. Cooperative Learning in Higher Education. – New York, 2019.
11. Селигман М. Новая позитивная психология. – М.: София, 2014.
12. Shah S., Lewis J. Assistive Technology in Higher Education. – London: Routledge, 2021.
13. Айтпаева А.С., Ермекбаева Г. Инклюзивная практика в вузах Казахстана. – Алматы, 2022.
14. Lopez S., Snyder C.R. Positive Psychological Assessment. – Washington: APA, 2018.
15. Brown S., Hesketh A. The Mismanagement of Talent. – Oxford: Oxford University Press, 2020.

Абитаева Айнаш Мейрмановна, магистрант, НАО «Кокшетауский университет им. Ш. Уалиханова» (г. Кокшетау, Республика Казахстан).

Abitaeva Aynash Meirmanovna, Master's Student, Shokan Ualikhanov Kokshetau University (Kokshetau, Kazakhstan).

: ainash.1973@list.ru

Лепешев Дмитрий Владимирович, кандидат педагогических наук, ассоциированный профессор, академик Академии педагогических наук Казахстана, руководитель научно-исследовательской лаборатории «Инклюзивного образования и нейроразнообразия», НАО «Кокшетауский университет им. Ш. Уалиханова» (г. Кокшетау, Республика Казахстан).

Lepeshev Dmitry Vladimirovich, candidate of pedagogical sciences, Associate Professor, Academician of the Academy of Pedagogical Sciences of Kazakhstan, Head of the Research Laboratory of Inclusive Education and Neurodiversity, Shokan Ualikhanov Kokshetau University (Kokshetau, Kazakhstan).

ORCID: 0000-0002-9256-1571

: d_Lepeshev@mail.ru

Дата поступления: 05.03.2026

© Абитаева А.М., Лепешев Д.В., 2026

УСПЕШНОСТЬ И РЕАЛИЗАЦИЯ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ РАЗНЫХ ВОЗРАСТНЫХ КАТЕГОРИЙ

Акишева А.К., Жакай Ж.А.
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
Исимбаев Е.Т.
Казахский университет технологии и бизнеса им. К.Кулажанова
Темирбекова Д.С.
Школа-гимназия № 80 им. С.Сейфуллина
(г.Астана, Республика Казахстан)

Аннотация. В данной статье освещены ключевые аспекты реализации инклюзивного образования с точки зрения разных возрастных групп. Проведён опрос, анализ которого выявил отношение респондентов к инклюзии, её сильным сторонам и возможным сложностям. Обозначены основные факторы, действующие на успешность инклюзии: подготовка педагогов, наличие необходимых ресурсов, адаптация учебных программ и формирование инклюзивной инфраструктуры.

Ключевые слова: Инклюзивное образование, учебные программы, инклюзия, дети с ограниченными возможностями здоровья, дети с особыми образовательными потребностями, педагог, тьютор, дефектолог, полная интеграция, частичная интеграция, индивидуальный подход, социальная жизнь, возрастные категории.

Для цитирования: Акишева А.К., Исимбаев Е.Т., Жакай Ж.А., Темирбекова Д.С. Успешность и реализация инклюзивного образования с точки зрения разных возрастных категорий // Наука и реальность. 2026. № 1 (25). С. 11–18.

THE SUCCESS AND IMPLEMENTATION OF INCLUSIVE EDUCATION FROM THE PERSPECTIVE OF DIFFERENT AGE CATEGORIES

Akischeva A.K., Zhakai Zh.A.
L.N. Gumilyov Eurasian National University
Isimbaev E.T.
K. Kulazhanov Kazakh University of Technology and Business
Temirbekova D.S.
School-gymnasium No. 80 named after Saken Seifullin
(Astana, Kazakhstan)

Abstract. This article highlights the key aspects of the implementation of inclusive education from the point of view of different age groups. A survey was conducted, the analysis of which revealed the respondents' attitude to inclusion, its strengths and possible difficulties. The main factors influencing the success of inclusion are outlined: teacher training, availability of necessary resources, adaptation of curricula and the formation of an inclusive infrastructure.

Keywords: Inclusive education, curricula, inclusion, Children with disabilities, Children with special educational needs, teacher, tutor, defectologist, full integration, partial integration, individual approach, social life, age categories.

For citation: Akisheva A.K., Isimbayev E.T., Zhakay Zh.A., Temirbekova D.S. The success and implementation of inclusive education from the perspective of different age categories // Science & Reality. 2026. no. 1 (25). pp. 11–18. (in Russian).

Инклюзивное образование представляет собой систему обучения, при которой образовательные учреждения создают условия для совместного обучения всех детей, независимо от их физических, интеллектуальных, социальных, эмоциональных и других особенностей.

Концепция инклюзивного образования — это совершенно новая концепция, которая породила феномен уважения к достоинству, присущему всем людям. В соответствии с концепцией достоинства, присущего всем людям, подчеркивается активное участие всех людей в жизни общества, независимо от их особенностей. Система инклюзивного образования считает, что если ребенок не может обучаться, то проблема кроется в системе образования, а не в ребенке с ООП. Образование несет ответственность за организацию преподавания таким образом, чтобы удовлетворялись потребности всех детей. Успех любой образовательной программы зависит от готовности учителей и их отношения. Инклюзивная учебная программа признает необходимость того, чтобы школы были организованы с учетом индивидуальных различий учащихся и проявляли гибкость, позволяющую всем учащимся достигать своих целей. Внедрение инклюзивной учебной программы потребовало ряда изменений в современной практике преподавания, содержании учебной программы, процедурах оценки и имеющихся ресурсах на уровне школы, без которых цель обеспечения качества образования останется недостижимой [1].

В этой области образования свои труды посвятили такие исследователи, как Рамазанова С.С. [2], Жубакова С. С., Байменова Б.С. [3], Шалабаева Л. И., Кулбаев А. Т., Умирбекова А. Н., Шакирова А.Д. [4].

Как отмечает доктор педагогических наук, профессор Москвина Альфия Валеевна термин инклюзивное обучение, используемый в международной практике, подразумевает более глубокий подход: ребенку предоставляется не только возможность учиться в обычной школе, но и создается адаптированная образовательная среда с необходимыми поддерживающими услугами [5]. Инклюзивное образование требует от образовательных учреждений адаптивности и готовности принимать во внимание индивидуальные

потребности каждого ученика. Важно, чтобы инклюзивная среда способствовала социальному взаимодействию и развитию навыков общения между всеми учениками.

Для того чтобы понять, как представители разных возрастных групп воспринимают включение детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) в общеобразовательную среду, было проведено исследование в виде опроса. Его целью стало изучение отношения общества к инклюзивному образованию, предпочтений в формах интеграции, а также понимание того, как опыт взаимодействия с детьми с ОВЗ влияет на мнение о его успешной реализации. В исследовании приняли участие 43 респондента, которые поделились своими взглядами на преимущества, трудности и необходимую поддержку для развития инклюзивного образования. Рассмотрим ключевые результаты опроса и сделаем основные выводы.

Среди участников опроса были представлены различные возрастные группы, что позволяет учесть разнообразие мнений по теме инклюзивного образования. Основную часть респондентов составила молодёжь в возрасте 18–25 лет, а также представители среднего возраста (26–45 лет) и старшей категории (46 лет и старше). Такой разброс возрастов даёт возможность оценить отношение к инклюзии как со стороны более молодой и прогрессивной аудитории, так и более зрелых людей с жизненным и профессиональным опытом.

Интересно, что гендерное распределение показало значительное преобладание женщин среди респондентов (табл. 1). Это может объясняться тем, что женщины чаще работают в сферах, связанных с образованием, воспитанием и социальной поддержкой, и, следовательно, имеют больший интерес к вопросам инклюзии. Их вовлечённость в этот процесс делает их мнения особенно ценными для анализа.

Таблица 1. - Ваш пол

Пол	Процент	Количество
Мужской	25,6%	11
Женский	74,4%	32

Вопрос «Имеете ли вы опыт взаимодействия с детьми с ОВЗ?» был направлен на выявление опыта респондентов. Большинство отметили наличие такого опыта, чаще всего в профессиональной среде (школы, курсы и т. д.) или в семье (таб. 2). Однако часть участников не имела подобного опыта, что также важно для анализа, поскольку их мнение формируется преимущественно из внешних наблюдений и информации.

Результаты опроса показывают, что личный опыт взаимодействия с детьми с особыми образовательными потребностями (ОВЗ) оказывает значительное влияние на восприятие инклюзивного образования. Большинство респондентов (67,4%), имеющих такой опыт, чаще демонстрируют осведомленность о специфических потребностях детей с ОВЗ и выражают поддержку инклюзивных подходов, акцентируя внимание на необходимости подготовки специалистов и создания благоприятных условий.

В то же время отсутствие личного опыта у 32,6% респондентов указывает на возможное формирование их мнения на основе общих стереотипов или недостаточной информированности. Это может приводить к более осторожным или нейтральным оценкам перспектив инклюзии, а также к сомнениям относительно её успешной реализации.

Таблица 2. - Опыт взаимодействия с детьми с ОВЗ

Опыт взаимодействие	Процент	Количество
Да, в семье	21,4%	9
Да, на работе (в школе, на курсах и т.д.)	32,6%	14
Да, среди друзей и знакомых	20,9%	9
Нет, не имею	32,6%	14

Респондентам был предложен вопрос: «Как вы относитесь к идее включения детей с особыми образовательными потребностями (ООП) в обычные школы?»

Ответы показали различия между возрастными группами. Молодежь в возрасте 18-25 лет, несмотря на разницу в позициях, в целом поддерживает инклюзивное образование, подчеркивая важность улучшения образовательных методов, а также признавая социальные и образовательные выгоды для всех учеников. Однако среди молодых людей есть также мнение, что такой подход может вызвать трудности из-за медленного обучения детей с ООП, что может привести к недовольству других учеников. Кроме того, рассматривается риск возникновения буллинга, если сверстники не будут готовы к восприятию детей с особыми потребностями. Эти ответы подчеркивают необходимость особой подготовки как учеников, так и преподавателей для успешной реализации инклюзии.

Участники в возрасте 26-35 лет представляют более противоречивые взгляды. Например, один респондент выражает категорическое несогласие с инклюзией, аргументируя это сложностью, если у детей с ООП есть проблемы с интеллектуальным развитием. Другие считают инклюзивное образование полезным, если созданы все необходимые условия для таких детей. Этот возрастной диапазон демонстрирует более критический подход и требование для создания специальных образовательных методов и условий для успешной интеграции.

Группа респондентов в возрасте 36-45 лет активно поддерживает инклюзивное образование, подчеркивая необходимость создания ресурсов и подготовки специалистов. Они признают, что инклюзия требует значительных усилий, но ее успешная реализация принесет пользу всем участникам образовательного процесса. Также важно отметить, что среди этих респондентов встречаются более осторожные мнения, например, по поводу необходимости особых подходов для детей с ООП.

Респонденты в возрасте 46-60 лет и старше более склонны к положительному восприятию идеи инклюзии, часто с оговорками, что она может быть успешной только при наличии достаточных ресурсов и специалистов. Они подчеркивают, что инклюзия способствует социальной адаптации детей с особыми потребностями и развивает у других

детей эмпатию. Тем не менее, некоторые считают, что без должной подготовки и организации этот процесс может оказаться сложным и неэффективным.

Результаты опроса показывают, что возрастные группы по-разному воспринимают идею инклюзии. Молодежь проявляет более гибкое восприятие, но с оговорками о возможных трудностях в процессе обучения, в то время как более старшие участники выражают оптимизм, при этом акцентируя внимание на необходимости создания надлежащих условий для успешной интеграции. Все участники, вне зависимости от возраста, согласны с тем, что инклюзивное образование требует значительных усилий и ресурсов, но при правильной подготовке и поддержке может принести социальные и образовательные выгоды для всех сторон.

Один из вопросов звучал так: «Какой формы включения детей с ОВЗ в общеобразовательные школы вы бы предпочли?» Участники опроса выразили разные мнения относительно предпочтительной формы интеграции. Многие поддерживают полную интеграцию (таб. 4), полагая, что дети с ОВЗ могут учиться в обычных классах при наличии необходимых условий. Среди предложений часто упоминаются адаптированные учебные программы, сокращение количества учеников в классах до 10-15 человек, а также создание доступной инфраструктуры. Подобная форма интеграции, по мнению сторонников, способствует развитию толерантности и эмпатии у учеников, а также улучшает социальную адаптацию детей с ОВЗ.

Другие респонденты предпочитают частичную интеграцию, считая ее оптимальным компромиссом. Они полагают, что дети с ОВЗ могут посещать общеобразовательные школы только на часть уроков, таких как искусство или физкультура, где нагрузка легче и создаются условия для социализации. Для изучения сложных предметов, требующих большего внимания, предлагается индивидуальный подход. Такой формат, по мнению респондентов, позволяет учитывать как индивидуальные потребности детей с ОВЗ, так и общие образовательные стандарты.

Некоторые участники опроса поддержали идею создания отдельных классов для детей с ОВЗ внутри общеобразовательных школ. По их мнению, такая форма позволит обеспечивать детей специализированной помощью, включая использование облегченных учебных программ и работу квалифицированных педагогов. Также было предложено исключить внешнее оценивание в этих классах, чтобы снизить стресс для учеников.

Часть респондентов выразила неопределенность в выборе подходящей формы, что может свидетельствовать о недостаточной информированности в вопросах инклюзивного образования.

Таким образом, предпочтения респондентов зависят от их восприятия возможностей детей с ОВЗ и уровня подготовки школ. Полная интеграция выбирается теми, кто уверен в способности таких детей полноценно участвовать в образовательном процессе. Частичная интеграция рассматривается как гибкий вариант, который сочетает социализацию и

индивидуальный подход. Отдельные классы чаще поддерживают те, кто считает, что детям с более сложными потребностями необходима специализированная помощь.

Таблица 3. - Формы включения детей с ОВЗ

Форма включения детей с ОВЗ	Процент	Количество
Полная интеграция в обычные классы	32,6%	14
Частичная интеграция (на часть предметов)	30,2%	13
Отдельные классы для детей с ОВЗ внутри школы	14%	6
Не уверен(а)	18,6%	8
Чтобы в классе было 10-15 учеников	2,3%	1
Домашнее обучение или отдельные классы с облегченной программой	2,3%	1

Также мы спросили: «Считаете ли вы, что включение детей с ОВЗ положительно повлияет на развитие обычных детей?» Ответы респондентов разделились: значительная часть участников считает, что инклюзия положительно влияет на обычных детей, развивая у них терпимость и понимание. Однако некоторые сомневаются в этом, отмечая возможное снижение общего уровня образовательного процесса.

Исходя из этого можно сделать следующий вывод, большинство респондентов считает, что инклюзия детей с ОВЗ положительно влияет на развитие обычных детей, существует значительная группа, которая сомневается в этом, опасаясь, что она может снизить качество образовательного процесса. Это подчеркивает необходимость дополнительной подготовки и адаптации образовательных методов, чтобы гарантировать, что инклюзия будет действительно выгодной для всех учеников, включая тех, кто не имеет ограничений в здоровье.

Таблица 4. - Мнения о включении детей с ОВЗ

Ответ	Процент	Количество
Да	41,9%	18
Нет	30,2%	13
Затрудняюсь ответить	27,9%	12

Таким образом, на основе проведенного нами исследования можно сделать следующие выводы: для успешной реализации инклюзии необходимо повысить квалификацию педагогов, подготовить специалистов, использовать современные методики работы с детьми с ОВЗ и привлечь тьюторов для индивидуальной поддержки. Важно оптимизировать образовательные условия, уменьшив численность классов до 10-15 человек, что позволит учителям более эффективно работать с каждым учеником. Развитие инфраструктуры и адаптация учебных программ создадут возможности для полноценного участия детей с ОВЗ в образовательном процессе. Инклюзивное образование способствует социальной интеграции, развитию эмпатии и толерантности, а также помогает минимизировать риски буллинга. Для этого требуется внедрение программ, направленных на развитие социальной ответственности у детей. Необходимым шагом является проведение

информационных кампаний для повышения осведомленности общества о значимости инклюзивного подхода и создании условий для его поддержки.

Список источников

1. Масалимова Р. С. Роль социального педагога в современном инклюзивном образовании в Республике Казахстан // Вестник науки. 2022. № 10 (55).
2. Рамазанова С.С. "Инклюзивное образование в Казахстане: состояние, проблемы и перспективы". – Алматы: Қазак университеті, 2018.
3. Жубакова С. С., Байменова Б. С. Инклюзивное образование: Учебно-методическое пособие. Алматы: Эпиграф, 2017. 100 с.
4. Шалабаева Л. И., Кулбаев А. Т., Умирбекова А. Н., Шакирова А. Д. Инклюзивное образование: Учебное пособие. Алматы: New Book, 2021. 132 с.
5. Москвина А.В. "Инклюзивный подход к непрерывному образованию людей с ограниченными возможностями здоровья". – Оренбург, 2013.

Акишева Айслу Кенесовна, PhD, доцент кафедры русской филологии, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (г. Астана, Республика Казахстан).

Akisheva Aislu Kenesovna, PhD, Associate Professor of the Department of Russian Philology, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan).

: aisluakisheva1@gmail.com

Исимбаев Еркин Турашевич, PhD, ассистент профессора кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Казахский университет технологии и бизнеса им. К.Кулажанова (г. Астана, Республика Казахстан).

Isimbaev Yerkin Turashevich, PhD, Assistant Professor at the Department of Social Sciences and Humanities, K. Kulazhanov Kazakh University of Technology and Business (Astana, Kazakhstan).

: ipkao@mail.ru

Жакай Жанель Абайкызы, студент 4 курса филологического факультета, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (г. Астана, Республика Казахстан).

Zhakai Zhanel Abaikyz, 4th year student of the Faculty of Philology, L.N. Gumilyov Eurasian National University Business (Astana, Kazakhstan).

: zhannelyam@mail.ru

Темирбекова Диана Сериковна, учитель английского языка, школа-гимназия № 80 им. С.Сейфуллина (г. Астана, Республика Казахстан).

Temirbekova Diana Serikovna, English teacher, School-gymnasium No. 80 named after Saken Seifullin (Astana, Kazakhstan).

: zhannelyam@mail.ru

Дата поступления: 15.02.2026

© Акишева А.К., Исимбаев Е.Т., Жакай Ж.А., Темирбекова Д.С., 2026

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОДИТЕЛЬСКОГО И ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА В РАЗВИТИИ СИСТЕМЫ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Лепешев Д.В., Цхай Е.Ю.

НАО «Кокшетауский университет им. Ш.Уалиханова»

(г.Кокшетау, Республика Казахстан)

Аннотация. В статье рассматриваются научно-теоретические аспекты взаимодействия между родительским и педагогическим сообществами в контексте развития инклюзивного образования. На основе анализа отечественной и зарубежной литературы раскрываются роли родителей и педагогов, механизмы их сотрудничества, а также факторы, влияющие на эффективность такого взаимодействия. Особое внимание уделяется теориям Л.С. Выготского, У. Бронфенбреннера, Ж. Пиаже, теории семейных систем, а также монографии Д.З. Ахметовой. Предлагаются практические рекомендации по формированию партнерских отношений для повышения качества инклюзивного образования. В отдельной главе анализируется нормативно-правовая база инклюзивного образования в Казахстане.

Ключевые слова: инклюзивное образование, родительское сообщество, педагогическое сообщество, взаимодействие, партнерство, теория Выготского, экологическая теория Бронфенбреннера, теория Пиаже.

Для цитирования: Лепешев Д.В., Цхай Е.Ю. Научно-теоретические основы формирования взаимодействия родительского и педагогического сообщества в развитии системы инклюзивного образования // Наука и реальность. 2026. № 1 (25). С. 19–27.

SCIENTIFIC AND THEORETICAL BASIS FOR THE FORMATION OF INTERACTION BETWEEN THE PARENTAL AND TEACHING COMMUNITY IN THE DEVELOPMENT OF THE INCLUSIVE EDUCATION SYSTEM

Lepeshev D.V., Tskhai E.Yu.

Shokan Ualikhanov Kokshetau University

(Kokshetau, Kazakhstan)

Abstract. This article examines the scientific and theoretical aspects of interaction between parent and teacher communities in the context of the development of inclusive education. Based on an analysis of domestic and international literature, the roles of parents and teachers, the mechanisms of their collaboration, and the factors influencing the effectiveness of such interactions are explored. Particular

attention is given to the theories of L.S. Vygotsky, W. Bronfenbrenner, J. Piaget, family systems theory, and a monograph by D.Z. Akhmetova. Practical recommendations for developing partnerships to improve the quality of inclusive education are offered. A separate chapter analyzes the regulatory framework for inclusive education in Kazakhstan.

Keywords: inclusive education, parent community, pedagogical community, interaction, partnership, Vygotsky's theory, Bronfenbrenner's ecological theory, Piaget's theory.

For citation: Lepeshev D.V., Tskhai E.Yu. Scientific and theoretical basis for the formation of interaction between the parental and teaching community in the development of the inclusive education system // Science & Reality. 2026. no. 1 (25). pp. 19–27. (in Russian).

Введение

Инклюзивное образование представляет собой систему, ориентированную на обеспечение равных возможностей для всех детей, независимо от их физических, психических или социальных особенностей. Согласно теоретическим основам инклюзии, разработанным в работах отечественных и зарубежных ученых, ключевым условием успешного внедрения такой системы является тесное сотрудничество между всеми участниками образовательного процесса, включая родителей и педагогов. Развитие инклюзивного образования в России, Казахстане и мире подчеркивает необходимость преодоления барьеров, связанных с неготовностью родителей и педагогов к совместной работе, что актуализирует изучение научно-теоретических основ формирования их взаимодействия.

Цель статьи — проанализировать теоретические основы и механизмы взаимодействия родительского и педагогического сообществ в развитии инклюзивного образования, опираясь на современные исследования, включая ключевые теории и нормативную базу.

Теоретические основы инклюзивного образования

Теоретико-методологические основы инклюзии в образовании опираются на идеи компромиссности, отсутствия дискриминации и многообразия как ресурса развития. Согласно модели "включающего общества", инклюзивное образование инициировано родителями детей с особыми образовательными потребностями (ООП) и педагогами, верящими в его необходимость для всего общества. В широком смысле инклюзия подразумевает создание развивающей среды, где тесное взаимодействие педагогов и родителей является ключевым фактором [1; 3].

Теория Л.С. Выготского и ее применение в инклюзивном образовании

Одной из фундаментальных теорий, лежащих в основе инклюзивного образования, является социокультурная теория развития Льва Семеновича Выготского. Выготский подчеркивал, что развитие ребенка происходит в социальном контексте, через

взаимодействие с более компетентными взрослыми и сверстниками. Центральным понятием является "зона ближайшего развития" (ЗБР) — разница между тем, что ребенок может сделать самостоятельно, и тем, что он может достичь с помощью других. В инклюзивном образовании ЗБР помогает адаптировать обучение для детей с ОВЗ, где педагоги и родители выступают в роли "скаффолдеров" — предоставляя временную поддержку для освоения навыков [2; 4].

Данная теория способствует формированию взаимодействия родителей и педагогов, подчеркивая, что образование — не изолированный процесс, а совместное усилие для перехода от зависимости к самостоятельности [4].

Экологическая теория У. Бронфенбреннера

Экологическая теория систем развития Ури Бронфенбреннера (ecological systems theory) объясняет развитие ребенка в контексте взаимосвязанных систем: микро-, мезо-, экзо-, макро- и хроносистем. В инклюзивном образовании родители и педагоги формируют мезосистему, где качество связей между домом и школой напрямую влияет на успех ребенка. Эта теория подчеркивает, что развитие — не изолированный процесс, а результат взаимодействия с окружающей средой [3].

В своей теории он выделил необходимость holistic подхода: взаимодействие родителей и педагогов, где должны учитывать все уровни для эффективной инклюзии, предотвращая изоляцию ребенка [3; 5].

Теория семейных систем

Теория семейных систем, разработанная Мюрреем Боуэном и другими (например, Сальвадором Минухиным) [5], рассматривает семью как единую эмоциональную единицу, где поведение индивидов взаимосвязано. В инклюзивном образовании эта теория дополняет понимание, как семейные динамики влияют на школьную адаптацию ребенка с ООП [6; 7].

В инклюзивном образовании теория подчеркивает партнерство: педагоги учитывают семейные системы при планировании, улучшая адаптацию.

Подготовка педагогов к взаимодействию с семьями в инклюзивном образовании требует развития компетентностей, направленных на установление продуктивных отношений.

В своей монографии ведущий ученый Казахстана Д.З. Ахметова [1] подробно раскрывает инклюзивное образование как инновацию, отличающуюся от традиционного специального образования.

Представленный ею материал особенно актуален в условиях трансформации образования через внедрение технологий цифровизации, что делает ее ценным ресурсом для педагогов и родителей. Цифровизация усиливает доступность, непрерывность, индивидуализацию и равенство в инклюзивном образовании, особенно для детей с ООП. Она интегрируется в адаптированные образовательные программы (АООП), индивидуальные образовательные программы (ИОП) и специальные индивидуальные

программы развития (СИПР) через цифровые инструменты, ассистивные технологии и удаленные платформы [1].

Цифровизация трансформирует инклюзивное образование, преодолевая барьеры, связанные с пандемией, и обеспечивая персонализированный подход. В монографии подчеркивается, что цифровые технологии позволяют создавать безопасные цифровые пространства, индивидуализированные планы и охват не менее 70% детей с ООП дистанционными методами к 2024 году в рамках национальных проектов, таких как "Образование" и "Цифровая образовательная среда". Это включает использование ИИ (например, чат-ботов для обратной связи, виртуальной реальности для мультисенсорной стимуляции) и адаптивных ресурсов для реабилитации, ориентации и социальной интеграции. Вызовы включают когнитивные барьеры (неподготовленность к технологиям), содержательные (языковые ограничения), дидактические (отсутствие адаптированных методов) и финансовые (недоступность оборудования). Монография предлагает человекоцентричный подход, где технологии дополняются "человеческим лицом" специалистов, с учетом этических аспектов ИИ.

Примеры применения цифровых инструментов:

- Программы для логопедических упражнений, онлайн-коммуникаторы и коррекционная работа для детей с речевыми нарушениями.
- Ассистивные устройства. Компьютеры, сенсорные телефоны, электронные увеличители для зрения; звукоусилительное оборудование, флеш-трainers, Wiki-инструменты и цифровое видео для слуха.
- Культурные адаптации. Виртуальные музеи и библиотеки с речевым распознаванием (проект "Не вижу, но читаю" в Новосибирске), адаптивные сайты для слабовидящих, брайлевская литература, сурдоперевод в театрах и тифлокомментарии для видео.
- ИИ-приложения. Интеллектуальные системы обучения, распознавание изображений для оценки, геймификация, образовательная аналитика и виртуальная реальность (например, ZSPACE для виртуальных объектов и эмоционального развития).
- Адаптации по нозологиям. Мультисенсорная стимуляция для нарушений слуха/зрения, аутизма, СДВГ, задержек речи и умственной отсталости; моторная тренировка для опорно-двигательных нарушений.

В пандемию цифровизация обеспечила непрерывность через удаленные форматы: Платформы ZOOM и TEAMS для домашнего обучения в массовых школах и организациях с АООП, особенно для детей с тяжелыми нарушениями подвижности (например, ДЦП). Культурный доступ — через онлайн-просмотры событий на PRO.Культура.РФ [1], компенсируя дефицит оборудования.

Д.З. Ахметова адресует педагогам (воспитателям, учителям, дефектологам, тифлопедагогам, тьюторам, координаторам инклюзии) необходимость освоения цифровых компетенций для адаптации материалов (например, увеличение шрифтов, продление

времени чтения для дислексии). Педагоги выступают фасилитаторами в смешанных классах, используя дифференциацию и индивидуализацию. Их роли включают внедрение инклюзивных политик, адаптацию методов (например, театральная терапия с аудиогидами), психолого-педагогическое сопровождение, организацию повышения квалификации, коррекционную работу и внеклассные занятия для коммуникативной компетентности. Педагоги должны выбирать инструменты по уровню нарушений, создавать психолого-педагогические условия, развивать компетенции и оценивать эффективность.

Примеры: в школах проводят совместные семинары с родителями по использованию мультимедиа для детей с СДВГ (проект "Мой поликультурный класс"); в инклюзивных театрах (Москва "Недослов" для глухих, Ижевск "Мечтатели" для слепых) — цифровые гиды для уроков[1].

Родителям предлагает участие в психолого-педагогических комиссиях (ПМПК) для разработки индивидуальных планов, домашних упражнений (например, логопедия через приложения) и культурных мероприятий для социализации. Родители получают поддержку в раннем вмешательстве (мониторинг слуха у младенцев), преодолении гиперопеки и выравнивании семейно-школьных связей. Ключ — слаженность действий семьи и школы для освоения программ.

Примеры: в школах — совместные семинары по цифровым инструментам для домашнего подкрепления (например, онлайн-коммуникаторы для аутизма); в культурных учреждениях — семейные виртуальные туры в музеи (Эрмитаж с пандусами и сурдопереводом) [1].

Примеры по уровням образования

- В школах внедряют Инклюзивные классы для ЗПР, аутизма, нарушений зрения/слуха с мультимедиа; ресурсные центры в Казани для совместных семинаров родителей и педагогов по цифровой адаптации.

- В колледжах предоставляют Квоты для инвалидов в профессиональных программах с ассистивными технологиями (например, адаптированные e-ресурсы для социальной интеграции); карьерное ориентирование с работодателями через "Абилимпикс" (успешность 86,64% в 2017–2019) [1].

- В вузах предоставляют Доступные кампусы с оборудованием для освоения материалов, коррекционные программы для практики (Казанский инновационный университет с языковыми клубами) [1].

Д.З. Ахметова подчеркивает и раскрывает направления партнерства, через сотрудничество педагогов, родителей, специалистов (психологов, сурдопедагогов), медицинских/социальных организаций и работодателей. Необходимы модели педагогического сопровождения, анализ технологий по нозологиям, тренинги компетенций и оценка рисков/пользы.

Также, мы обратили внимание на теорию когнитивного развития Жана Пиаже (1896–1980), швейцарского психолога и эпистемолога, представляет собой конструктивистский

подход, где ребенок активно строит знания через взаимодействие с окружающей средой. Он отвергал идею пассивного обучения, подчеркивая, что развитие интеллекта происходит через процессы ассимиляции (интеграция новой информации в существующие схемы) и аккомодации (изменение схем под влиянием новой информации), приводящие к равновесию. Теория делит развитие на четыре стадии, каждая из которых характеризуется качественными изменениями в мышлении [8; 9].

Он подчеркивал: "Задача взрослого — сформировать среду, которая стимулировала бы ребенка к познанию. Дети учатся, взаимодействуя с окружающим миром и адаптируясь под его законы." Это напрямую связано с взаимодействием родителей и педагогов в инклюзивном образовании.

Родители, как ближайшие "взрослые", создают домашнюю среду для повседневного познания (например, адаптированные игрушки для сенсомоторного этапа), предоставляя информацию о предпочтениях ребенка. Педагоги адаптируют школьную среду (например, инклюзивные классы с ассистивными инструментами), обеспечивая переходы между стадиями через совместные активности.

Взаимосвязь проявляется в партнерстве. Родители и педагоги совместно формируют "стимулирующую среду", преодолевая барьеры ООП (например, через цифровые инструменты для виртуального взаимодействия с миром у детей с ограничениями). Это предотвращает задержки в стадиях, развивая автономию и адаптацию.

В инклюзии его теория дополняет другие (например, ЗБР Выготского), подчеркивая активную роль ребенка, но с акцентом на среду, создаваемую взрослыми. Практически — совместные семинары родителей и педагогов по созданию "познавательных зон" (например, сенсорные комнаты в школах, домашние эксперименты) [8; 9].

Используя в дальнейшем применение интеграции с цифровизацией (виртуальная реальность для симуляции "мира" на формальной стадии) стимулируя среду, развитие инклюзии в Казахстане будет развиваться активнее.

При этом, мы считаем, что родители детей с ООП играют ключевую роль в развитии инклюзивного образования, выступая инициаторами интеграции и активными участниками процесса. Их вовлеченность определяется степенью включенности в создание индивидуальных образовательных маршрутов и преодоление барьеров. Родительские сообщества и НКО способствуют формированию инклюзивной культуры, организуя мероприятия и защищая права детей.

Согласно ЮНИСЕФ, участие родителей улучшает взаимодействие с детьми, повышает отзывчивость к их потребностям и укрепляет уверенность в родительских навыках. Однако родители делятся на группы: внимательные, готовые к сотрудничеству, и те, кто испытывает трудности с принятием особенностей ребенка, требуя от педагогов специальных подходов. Формирование инклюзивной культуры у родителей включает механизмы, такие как просвещение и партнерские взаимоотношения.

При этом, мы считаем, что педагоги выступают координаторами инклюзивного процесса, обеспечивая адаптацию образовательной среды и взаимодействие с родителями. Их готовность к работе в инклюзивных условиях определяется компетентностями в области взаимодействия с семьями. Педагогическое сообщество должно преодолевать негативные установки по отношению к детям с ООП и способствовать социокультурной инклюзии.

В зарубежных исследованиях подчеркивается роль учителей в создании культуры сотрудничества, где родители чувствуют себя желанными и уважаемыми. Педагоги получают пользу от взаимодействия, углубляя понимание культурного разнообразия семей и повышая мотивацию [1; 3].

Взаимодействие представляет собой социально-педагогическую систему, направленную на установление продуктивных отношений и вовлечение родителей как равноправных участников. Ключевыми механизмами являются: совместная разработка индивидуальных планов, регулярные встречи, просветительская работа и преодоление барьеров коммуникации.

Исследования показывают, что качество сотрудничества зависит от частоты взаимодействия, форм (интервью, клубы) и факторов, таких как доверие и равноправие. В инклюзивном дошкольном образовании психологический аспект взаимодействия помогает сделать родителей единомышленниками [1; 3].

Механизмы и примеры сотрудничества представлены в таблице 1.

Таблица 1. - Механизмы сотрудничества

Механизм	Описание	Примеры
Просвещение	Повышение компетентности родителей	Семинары, вебинары
Совместная деятельность	Вовлечение в образовательный процесс	Клубы по интересам, мероприятия
Коммуникация	Регулярные обсуждения	Индивидуальные встречи, онлайн-платформы

Заключение

Научно-теоретические основы формирования взаимодействия родительского и педагогического сообществ в инклюзивном образовании подчеркивают необходимость партнерства для создания развивающей среды. Успех зависит от преодоления барьеров и использования теоретических моделей, таких как экологическая теория. Дальнейшие исследования должны фокусироваться на эмпирических аспектах в различных регионах, включая Казахстан.

Для формирования эффективного взаимодействия рекомендуется:

- 1) Разрабатывать программы подготовки педагогов к работе с семьями;
- 2) Организовывать родительские сообщества для обмена опытом;
- 3) Использовать цифровые технологии для коммуникации;

4) Проводить регулярный мониторинг и оценивать взаимодействие через опросы, интегрируя теории Выготского и Бронфенбреннера.

Список источников

1. Ахметова Д.З., Тимирясова А.В., Морозова И.Г. и др. Инклюзивное образование как педагогическая инновация / под науч. ред. Д.З. Ахметовой. — Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2022. — 228 с. ISBN 978-5-8399-0788-1. (Источник для анализа инновационности инклюзии, технологий и цифровизации, с акцентом на роли педагогов и родителей.)
2. Выготский Л.С. Психология развития человека. — М.: Смысл; Эксмо, 2005. — 1136 с. (Основной источник социокультурной теории, ЗБР и опосредствованного обучения.)
3. Бронфенбреннер У. Экология человеческого развития: Эксперименты в природе и дизайне / пер. с англ. — М.: Психологический институт РАО, 2010. — 416 с. (Источник экологической теории систем развития, с уровнями микро- до хроносистем.)
4. Bowen M. Family Therapy in Clinical Practice. — Jason Aronson, 1978. — 568 p. (Классика теории семейных систем, включая дифференциацию и эмоциональные треугольники.)
5. Minuchin S. Families and Family Therapy. — Harvard University Press, 1974. — 268 p. (Дополнение к теории семейных систем, фокус на структурах и границах.)
6. Piaget J. The Psychology of Intelligence / trans. by M. Piercy and D.E. Berlyne. — Routledge, 1950 (orig. 1947). — 182 p. (Основной труд по теории когнитивного развития, стадиям и процессам ассимиляции/аккомодации.)
7. Piaget J. The Child's Conception of the World / trans. by J. and A. Tomlinson. — Rowman & Littlefield, 1929 (reprint 2007). — 397 p. (Исследования по предоперационной стадии и эгоцентризму.)
8. Piaget J., Inhelder B. The Psychology of the Child / trans. by H. Weaver. — Basic Books, 1969. — 173 p. (Обзор стадий развития, с примерами экспериментов.)
9. ЮНИСЕФ. Parental Involvement in Children's Education: A Review of Research and Policy. — UNICEF, 2015. — 48 p. (Анализ роли родителей в улучшении взаимодействия и навыков.)

Лепешев Дмитрий Владимирович, кандидат педагогических наук, ассоциированный профессор, академик Академии педагогических наук Казахстана, руководитель научно-исследовательской лаборатории «Инклюзивного образования и нейроразнообразия», НАО «Кокшетауский университет им. Ш. Уалиханова» (г. Кокшетау, Республика Казахстан).

Lepeshev Dmitry Vladimirovich, candidate of pedagogical sciences, Associate Professor, Academician of the Academy of Pedagogical Sciences of Kazakhstan, Head of the Research Laboratory of Inclusive Education and Neurodiversity, Shokan Ualikhanov Kokshetau University (Kokshetau, Kazakhstan).

ORCID 0000-0002-9256-1571

: d_Lepeshev@mail.ru

Цхай Е.Ю., магистрант по ОП «Менеджмент и лидерство в образовании», НАО «Кокшетауский университет им. Ш. Уалиханова» (г. Кокшетау, Республика Казахстан).

Tshai E.Yu., Master's student in the program «Management and Leadership in Education», Shokan Ualikhanov Kokshetau University (Kokshetau, Kazakhstan).

Дата поступления: 10.03.2026

© Лепешев Д.В., Цхай Е.Ю., 2026

ИНТЕГРАЦИЯ ПЛАТФОРМЫ BEGEMOT.AI В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ

Чаканова С. Ж., Бабаханов Б.Б.

Международный казахско-турецкий университет имени Х.А. Ясави
(г. Туркестан, Республика Казахстан)

Аннотация. В работе рассматриваются возможности использования нейросетевой платформы Begemot.ai в преподавании русского языка и литературы. Анализируются методические приёмы интеграции искусственного интеллекта в учебный процесс, а также педагогический эффект от применения нейросетевых технологий на уроках гуманитарного цикла. Особое внимание уделяется функционалу платформы Begemot.ai, примерам заданий, созданных с её помощью, и анализу типичных ошибок и ограничений нейросетей при генерации учебных материалов. В исследовании подчёркивается значение развития критического мышления и информационной грамотности учащихся при работе с ИИ-инструментами. Работа содержит практические рекомендации для учителей по эффективному и безопасному использованию нейросетевых технологий и определяет перспективы их дальнейшего развития в гуманитарном образовании.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейросетевые технологии, begemot.ai, русский язык, литература, цифровизация образования, методика преподавания, учебные задания, критическое мышление, педагогический эффект.

Для цитирования: Чаканова С. Ж., Бабаханов Б.Б. Интеграция платформы Begemot.ai в образовательный процесс по русскому языку и литературе // Наука и реальность. 2026. № 1 (25). С. 28–41.

INTEGRATION OF THE BEGEMOT.AI PLATFORM INTO THE EDUCATIONAL PROCESS OF TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE AND LITERATURE

Chakanova S.Zh, Babahanov B.B.

International Kazakh-Turkish University named after Khoja Ahmed Yasawi
(Turkestan, Kazakhstan)

Abstract. The paper examines the possibilities of using the neural network platform Begemot.ai in teaching the Russian language and literature. Methodological approaches to integrating artificial intelligence into the educational process are

analyzed, as well as the pedagogical effect of applying neural network technologies in humanities classes. Special attention is paid to the functionality of the Begemot.ai platform, examples of tasks created with its assistance, and the analysis of typical errors and limitations of neural networks in generating educational materials. The study emphasizes the importance of developing students' critical thinking and information literacy when working with AI-based tools. The paper also provides practical recommendations for teachers on the effective and safe use of neural network technologies and outlines prospects for their further development in humanities education.

Keywords: artificial intelligence, neural network technologies, Begemot.ai, Russian language, literature, digitalization of education, teaching methodology, educational tasks, critical thinking, pedagogical effect.

For citation: Chakanova S.Zh, Babahanov B.B. Integration of the Begemot.ai Platform into the Educational Process of Teaching the Russian Language and Literature // Science & Reality. 2026. no. 1 (25). pp. 28–41. (in Russian).

Область применения нейросетевых технологий в преподавании русского языка и литературы охватывает создание и адаптацию учебных материалов, развитие навыков критического мышления и повышение интерактивности уроков. В условиях стремительного цифрового прогресса традиционные методы обучения требуют дополнения современными инструментами, способными отвечать требованиям времени и интересам новой генерации учащихся. Использование платформы Begemot.ai представляет собой попытку внедрить инновационные решения, основанные на искусственном интеллекте, в практику педагогов гуманитарного профиля.

Актуальность данного исследования обусловлена недостаточной разработанностью методической базы для работы с нейросетями в образовательной сфере, особенно на уроках русского языка и литературы. Несмотря на наличие различных цифровых ресурсов, учителям часто недостает знаний о функционировании и возможностях современных ИИ-инструментов. Кроме того, существует проблема ошибок, допущенных нейросетями при генерации учебного контента, что требует развития навыков критического анализа и проверки полученных материалов со стороны педагогов и учеников. Актуальность подкрепляется потребностью в эффективных методических подходах, позволяющих гармонично интегрировать искусственный интеллект в образовательный процесс без утраты качества и глубины изучаемых дисциплин.

В рамках работы будет рассмотрен функционал платформы Begemot.ai, включая возможности по созданию разнообразных образовательных заданий и упражнений для уроков русского языка и литературы. Исследование охватит анализ особенностей генерации текстов и заданий, выявление типичных ошибок, с которыми сталкиваются пользователи, и подходы к их распознаванию и исправлению. Значительное внимание уделяется

педагогическому эффекту от применения таких технологий: влиянию на мотивацию учащихся, развитие навыков анализа и аргументации, а также формирование устойчивых знаний через интерактивные формы работы.

Особое место в работе занимает методика интеграции нейросетевых решений в учебный процесс, которая включает в себя не только техническое применение инструментов, но и разработку рекомендаций для учителей по адаптации учебных программ и формированию новых типов заданий. Выделяются лучшие практики использования платформы Vegemot.ai для повышения эффективности уроков, а также обсуждаются недостатки и ограничения современных ИИ-систем в образовательных целях.

Исследование дополнит развернутый анализ конкретных примеров заданий, созданных с помощью нейросетей, включая тексты для чтения, творческие и аналитические упражнения. Это позволит продемонстрировать практическую ценность платформы и показать, каким образом искусственный интеллект может стать помощником в организации учебного процесса. Наконец, будут сформированы рекомендации по дальнейшему развитию и совершенствованию методического сопровождения внедрения цифровых технологий на уроках русского языка и литературы.

Таким образом, работа направлена на комплексное изучение возможностей, проблем и перспектив использования нейросетевой платформы Vegemot.ai, что позволит расширить инструментарий педагогов гуманитарного профиля и повысить качество образования на основе цифровых инноваций.

1. Обзор современных цифровых технологий в образовании.

Цифровизация образования в последние годы стала одной из главных тенденций, кардинально меняющих подходы к обучению и взаимодействию между учителем и учеником. Внедрение информационно-коммуникационных технологий обеспечивает доступ к разнообразным образовательным ресурсам, расширяет возможности персонализации учебного процесса и позволяет создавать интерактивные среды, стимулирующие активное вовлечение обучающихся. Развитие онлайн-образования, мобильных приложений и мультимедийных платформ значительно влияет на восприятие информации и формирование навыков у школьников и студентов.

Одним из ключевых направлений цифровизации в образовании стало использование искусственного интеллекта (ИИ). ИИ-технологии способны анализировать учебные данные, адаптировать задания под индивидуальные особенности и уровень знаний учащихся, а также предоставлять мгновенную обратную связь. В гуманитарных науках, таких как русский язык и литература, ИИ внедряется для расширения возможностей анализа текста, поддержки творческой деятельности и совершенствования навыков написания и восприятия художественных произведений. Искусственный интеллект уже не ограничивается автоматизацией рутинных операций — сегодня он выступает инструментом помощи при систематизации знаний и развитии когнитивных способностей.

Особое место занимают нейросетевые технологии, которые благодаря своей способности обучаться на больших объемах текстовых данных становятся мощным ресурсом для создания адаптивных образовательных материалов. Нейросети показывают высокую эффективность в генерации текстов, формировании вопросов и заданий различной сложности, а также в проведении лингвистического анализа. Это открывает новые перспективы в преподавании гуманитарных предметов, позволяя выстраивать диалоговые системы, имитирующие взаимодействие с преподавателем, и предоставлять обучающимся инструменты для самостоятельной работы с текстом.

Одновременно с расширением функционала нейросетевых приложений наблюдается рост требований к методическому сопровождению их внедрения. Педагогам необходимо не только владеть техническими навыками работы с ИИ-инструментами, но и уметь критически оценивать результаты их деятельности, корректировать ошибки и интегрировать цифровые средства в учебные стратегии. В этом контексте актуальными становятся вопросы формирования у обучающихся навыков информационной грамотности, что особенно важно при работе с генеративными моделями, способными создавать как верные, так и ошибочные тексты.

Разнообразие современных цифровых технологий и их функциональные особенности создают предпосылки для трансформации традиционных уроков русского языка и литературы в более интерактивные и персонализированные занятия. Платформы с интегрированными нейросетями выступают связующим звеном между развивающимися ИИ-технологиями и требованиями образовательных стандартов, обеспечивая поддержку педагогов и мотивируя учащихся к активной учебной деятельности. Следующий раздел работы будет посвящён детальному рассмотрению одной из таких платформ, способствующей эффективному применению нейросетей в гуманитарном образовании.

2. Описание платформы Vegemot.ai: функционал и возможности.

Платформа Vegemot.ai представляет собой специализированный инструмент, разработанный с целью поддержки педагогов в создании учебных материалов для уроков русского языка и литературы. Её функционал строится на базе нейросетевых алгоритмов, которые позволяют генерировать текстовые задания, разнообразные упражнения и анализировать тексты на уровне лексики, синтаксиса и стилистики. В отличие от универсальных цифровых приложений, Vegemot.ai фокусируется именно на гуманитарном направлении, что обеспечивает глубокую адаптацию функций под специфику преподавания языка и литературы.

Одной из ключевых возможностей платформы является автоматизированное составление индивидуализированных заданий с учётом уровня подготовки учащихся. Нейросеть анализирует исходные данные, такие как темы урока, тип материала и образовательные цели, после чего предлагает варианты упражнений, включая вопросы на понимание текста, задания на развитие письменной речи, творческие задания и упражнения

на работу с орфографией и пунктуацией. Также предусмотрена функция редактирования и кастомизации предложенных заданий: учитель может корректировать формулировки, задавать параметры сложности и выбирать формат подачи материала.

Vegemot.ai включает инструменты для анализа литературных произведений, что облегчает подготовку к урокам по литературе. Платформа способна выделять ключевые темы, определять основные мотивы и символы, проводить стилистический разбор текста. Этими функциями можно пользоваться как для самостоятельного изучения, так и для подготовки наглядных материалов и вопросов, направленных на развитие критического мышления у учащихся.

В дополнение к генерации заданий, платформа взаимодействует с учебниками и другими цифровыми ресурсами. Её модуль интеграции позволяет импортировать тексты из различных источников и адаптировать материалы под конкретные учебные планы. Такая особенность облегчает централизацию учебного контента и создаёт основу для системного применения нейросетей внутри учебного процесса.

В сравнении с общими цифровыми технологиями и ИИ-инструментами, рассмотренными ранее, Vegemot.ai акцентирует внимание на методических аспектах и практической применимости нейросетей в работе с языковыми и литературными материалами. Она выступает не только как генератор контента, но и как экспертный помощник, способный анализировать качество заданий и предлагать варианты улучшений. Это особенно важно для гуманитарных дисциплин, где точность формулировок и глубина смыслового осмысления играют ключевую роль.

Подготовка учебных материалов с использованием данной платформы позволяет сэкономить время педагогов и одновременно повысить качество дидактического контента. В дальнейшем внимание будет уделено конкретным примерам заданий и упражнений, созданных с помощью Vegemot.ai, что продемонстрирует спектр её возможностей и педагогический потенциал в образовательной практике.

3. Методика использования нейросетей на уроках русского языка и литературы.

Интеграция заданий, созданных с помощью платформы Vegemot.ai, в учебный процесс по русскому языку и литературе предусматривает несколько ключевых методических подходов, направленных на повышение эффективности уроков и активизацию познавательной активности учащихся. В первую очередь, рекомендации ориентированы на гармоничное включение нейросетевых материалов в традиционную структуру урока, что позволяет адаптировать новые форматы работы под существующие учебные планы и стандарты.

Одним из методов является тематическое сопровождение уроков заданиями различного типа: от упражнений на понимание текстов до творческих и аналитических заданий. Применение таких материалов позволяет учителю обогащать программу дополнительными примерами и заданиями, которые учитывают индивидуальные

особенности класса и уровень подготовки учеников. Это способствует созданию дифференцированного подхода, который учитывает разные стили восприятия информации и повышает включенность каждого обучающегося.

Другой подход заключается в использовании нейросетевых заданий для организации самостоятельной и групповой работы, что расширяет возможности интерактивного взаимодействия на уроках. Задания могут предполагать обсуждение результатов, коллективный разбор ошибок, а также творческую переработку предложенного материала. Подобные формы работы стимулируют активное участие школьников, развивают навыки сотрудничества и коммуникативные умения на уроках гуманитарного цикла.

Применение заданий с элементами критического анализа и рефлексии способствует развитию у учеников способности к осмысленной оценке информации, сформулированной как в учебных текстах, так и в генерируемом платформой материале. Редакция и корректировка предложенных текстов в совместной работе с учителем формирует умение не принимать информацию на веру, а искать основания для её оценки, выявлять ошибки и неточности. Это напрямую влияет на развитие критического мышления, необходимого для успешного овладения дисциплиной.

Кроме того, введение заданий, порождённых искусственным интеллектом, создает дополнительный элемент новизны и технологической актуальности, что положительно сказывается на мотивации учеников. Интерес к инновационным цифровым инструментам способствует формированию положительного отношения к предмету и стимулирует самостоятельное вникание в темы урока. Такая мотивация расширяет образовательный опыт и поддерживает готовность к интенсивной учебной деятельности.

Рассмотренные методы предусматривают не только внедрение новых форматов заданий, но и развитие у учителей навыков методической работы с цифровыми инструментами, что обеспечивает системный подход к преемственности и качеству образовательного процесса. Эти методические принципы создают базу для оценки педагогического эффекта и анализа успешности внедрения платформы Vegemot.ai, что будет подробно рассмотрено в следующем разделе.

4. Примеры заданий с использованием нейросетевых технологий.

Платформа Vegemot.ai предоставляет широкий спектр заданий, ориентированных на разные аспекты изучения русского языка и литературы. Среди них — упражнения на грамматический разбор, развитие орфографической и пунктуационной грамотности, творческие задания по сочинению текстов и аналитические работы с литературными произведениями. Такая разнообразность позволяет педагогам выбирать материалы, соответствующие конкретным целям урока и уровню подготовки обучающихся, а также комбинировать задания для комплексного развития языковых навыков.

Одним из примеров заданий по русскому языку является упражнение на разбор сложносочинённого предложения с какими-либо пунктуационными ошибками. Нейросеть

генерирует текст с несколькими предложениями, в которых специально допущены ошибки разной сложности. Учащимся предлагается не только обнаружить и исправить эти ошибки, но и объяснить правила постановки знаков препинания в контексте каждого случая. Такая постановка задания способствует осознанному усвоению норм и развитию аналитического мышления.

В разделе орфографии и лексики платформа предлагает задания на подбор однокоренных слов, синонимов и антонимов, а также на формирование правильного употребления слов в различных речевых ситуациях. Например, ученикам предлагается дополнить текст пропущенными словами, выбрав наиболее подходящие по смыслу и форме варианты из предложенного списка. Подобные упражнения стимулируют внимание к деталям и углубляют понимание структуры русского языка.

Для литературы Vegemot.ai генерирует задания, связанные с анализом художественных текстов. К примеру, платформа может подготовить список вопросов разного уровня сложности по произведению, ориентированному на выявление темы, идеи, символики и особенностей повествования. Есть возможность получить творческое задание, предполагающее написание эссе или монолога от лица литературного героя с использованием собственных размышлений и цитат из текста. Такие упражнения развивают способность к интерпретации и творческому осмыслению литературных произведений.

Платформа также предлагает задания по сравнительному анализу двух текстов, выявлению стилистических особенностей и эмоциональной окраски фрагментов, что способствует формированию комплексного взгляда на литературное творчество. При этом учитель может выбирать уровень детализации заданий в зависимости от возраста и подготовки учеников, что обеспечивает гибкость использования платформы в разных учебных контекстах.

В дальнейшем анализ педагогического эффекта применения подобных заданий позволит определить их роль в формировании языковых и литературных компетенций, а также в повышении мотивации и активности обучающихся. Такой переход от описания конкретных заданий к рассмотрению их воздействия на учебный процесс создаёт основу для комплексного понимания возможностей нейросетевых технологий в образовательной практике.

5. Анализ ошибок и уязвимых мест нейросетей при создании учебных материалов.

Нейросетевые технологии, несмотря на значительный прогресс, всё ещё обладают рядом уязвимых мест при генерации учебных материалов в сфере гуманитарных наук. Одной из характерных проблем является склонность моделей к созданию неточных или противоречивых фактов. В контексте русского языка и литературы это проявляется в ошибках при интерпретации авторских замыслов, неверном выделении тематических акцентов или искажениях историко-культурного контекста произведений. Такие

отклонения могут ввести обучающихся в заблуждение, снижая качество усвоения материала и искажая понимание предмета.

Другим недостатком является поверхностность и шаблонность генерируемых текстов, что связано с ограничениями обучающей выборки и алгоритмическими особенностями моделей. Нейросети часто создают материалы, которые внешне выглядят логичными и связными, но при этом лишены глубины анализа или содержат повторяющиеся фразы и клише. В педагогической практике это ограничивает возможности развития критического мышления и творческого подхода, поскольку задания теряют индивидуальность и стимулирующий потенциал.

Существенной проблемой становится и генерация языковых ошибок, включая неправильное употребление слов, грамматические погрешности, а также стилистические несоответствия. Несмотря на высокий уровень грамотности обученных моделей, такие ошибки периодически возникают, особенно в сложных синтаксических конструкциях или при работе с устаревшей лексикой. Это требует дополнительной педагогической проверки и коррекции, чтобы избежать закрепления у учащихся неправильных форм и норм.

При работе с нейросетями на уроках литературы также наблюдаются трудности в интерпретации эмоциональной окраски текста и передаче авторского стиля. Модели могут недооценивать тонкости художественного выражения, что затрудняет создание адекватных материалов для анализа образов и художественных приёмов. Кроме того, существует риск искажения культурных и эстетических аспектов, что особенно критично для формирования умений оценивать и понимать литературное наследие.

Что касается генерации изображений, применительно к урокам русского языка и литературы, нейросети иногда создают визуальные материалы, которые не соответствуют содержанию текста или искажают характер произведения. Изображения могут быть слишком абстрактными, неверно передавать эпоху, образы персонажей или атмосферу сюжета, что снижает их учебную ценность и вводит в заблуждение школьников.

В совокупности перечисленные недостатки подчёркивают необходимость системного и критического подхода педагогов при использовании контента, созданного с помощью искусственного интеллекта. Учителю важно не только проверять корректность и адекватность заданий и материалов, но и обучать учащихся навыкам анализа и оценки информации, формируя у них критическое мышление и информационную грамотность. Только такой подход обеспечивает безопасное и эффективное внедрение нейросетевых технологий в образовательный процесс без потери качества обучения.

6. Педагогический эффект от применения технологий искусственного интеллекта.

Внедрение технологий искусственного интеллекта, в частности нейросетей, на уроках русского языка и литературы привело к заметному повышению мотивации учащихся. Использование интерактивных и персонализированных заданий стимулирует интерес к

изучению предмета, что отражается на активности и инициативности учеников. Новизна подходов позволяет привлекать внимание даже тех, кто ранее испытывал затруднения или недостаток интереса к гуманитарным дисциплинам. В результате отмечается повышение вовлечённости и улучшение качества восприятия учебного материала.

Кроме того, применение нейросетевых инструментов способствует более глубокому освоению языковых и литературных компетенций. Обратная связь, сгенерированная искусственным интеллектом, нередко побуждает учащихся к рефлексии и самостоятельному анализу собственных ошибок. Это положительно сказывается на формировании навыков критического мышления, что является важным компонентом гуманитарного образования. Учащиеся начинают развивать умение аргументировать своё мнение, сопоставлять различные точки зрения и видеть многоуровневую структуру текста.

Образовательный процесс становится более гибким и адаптивным благодаря возможности быстро получать разнообразные варианты заданий, учитывающие индивидуальные особенности каждого обучающегося. Это способствует развитию самостоятельности и ответственности в обучении, формированию устойчивой учебной мотивации. Взаимодействие с цифровыми технологиями помогает младшим и старшим школьникам обрести уверенность в своих знаниях, а педагогам — качественно разнообразить и урегулировать образовательные задачи.

Одновременно с очевидными положительными результатами следует отметить, что развитие данной сферы требует системного сопровождения и совершенствования как технических решений, так и педагогических стратегий. Перспективы применения искусственного интеллекта в гуманитарном образовании связаны с более глубоким интегрированием адаптивных технологий, способных учитывать эмоциональное состояние и стили обучения каждого ученика. Внедрение ИИ-инструментов может стать фактором, обеспечивающим индивидуальный подход при сохранении целостности и содержания гуманитарного образования.

В будущем развитие нейросетевых технологий обещает расширение функционала и повышение качества учебных материалов, что позволит эффективнее сочетать традиционные образовательные методы с инновационными подходами. При условии грамотного методического сопровождения искусственный интеллект способен стать устойчивым стимулом для развития не только языковых навыков, но и творческого мышления, аналитических способностей, а также формирования социально значимых компетенций школьников.

7. Рекомендации по интеграции нейросетевых инструментов в образовательный процесс.

Для эффективного использования платформы *Vegemot.ai* на уроках русского языка и литературы педагогам рекомендуется заранее планировать интеграцию нейросетевых заданий в учебный процесс с учётом целей урока и особенностей класса. Оптимально

включать материалы, созданные с помощью нейросети, в структуру урока как вспомогательные или развивающие упражнения, что позволит сохранить баланс между традиционными методами и инновационными технологиями.

При подготовке заданий стоит активно использовать возможность адаптации контента: модифицировать уровни сложности, менять формулировки и формат упражнений в зависимости от учебной темы и индивидуальных потребностей учеников. Необходимо также регулярно чередовать задания, стимулирующие разные виды деятельности — чтение, письмо, анализ, творчество — для всестороннего развития языковых компетенций.

В ходе выполнения заданий, сгенерированных искусственным интеллектом, рекомендуется организовывать обсуждение полученных ответов и результатов работы, уделяя особое внимание выявлению и корректировке возможных ошибок или неточностей. Такой подход способствует формированию у учащихся ответственности за качество выполняемой работы и развивает умение применять полученные знания в практических ситуациях.

Для повышения вовлечённости обучающихся полезно вводить элементы групповой и парной работы с нейросетевыми материалами, что способствует развитию коммуникативных навыков и поддерживает коллективное решение задач. Совместный анализ заданий, а также творческое преобразование предложенного контента помогают сформировать более глубокое понимание предмета и расширяют возможности для реализации индивидуальных образовательных траекторий.

Особое внимание следует уделять развитию у школьников критического мышления. Учителю рекомендуется систематически поощрять вопросы типа «почему» и «как», требующие аргументированного обоснования, а также формировать навыки анализа источников информации, включая проверку корректности данных, полученных от нейросетевых систем. Для этого полезно практиковать приём сравнительного анализа с классическими текстами и самостоятельное выявление логических несоответствий или стилистических аномалий.

Важным элементом работы является развитие у учащихся умения осознанно относиться к результатам, созданным искусственным интеллектом, понимая, что нейросетевые технологии — это инструмент, требующий человеческой оценки и дополнения. Формирование такой критической позиции способствует гармоничному сочетанию цифровых возможностей и традиционных образовательных ценностей, открывая путь к более глубокому и осмысленному изучению русского языка и литературы.

Таким образом, систематическое применение платформы *Vegetot.ai* в сочетании с педагогическими стратегиями, ориентированными на активное взаимодействие, диалог и критический анализ, способствует не только усвоению языковых знаний, но и развитию умений самостоятельного мышления, что является важным итогом современного гуманитарного образования.

8. Перспективы развития использования нейросетевых технологий в гуманитарном образовании.

Развитие нейросетевых технологий в гуманитарном образовании открывает новые горизонты для формирования более гибких и адаптивных моделей преподавания русского языка и литературы. Одним из перспективных направлений станет усиление персонализации учебного процесса, где искусственный интеллект не только подбирает задания, но и на основе анализа индивидуального стиля обучения и когнитивных особенностей учащегося формирует оптимальные пути освоения материала. Это позволит значительно снизить уровень фрустрации у обучающихся и повысить качество усвоения сложных лингвистических и литературных понятий за счёт учёта уникальных образовательных потребностей каждого ученика.

Дальнейшее совершенствование генеративных моделей предусматривает повышение точности и глубины анализа художественных текстов. Станет возможным не просто выявлять поверхностные особенности, но и интерпретировать многослойные смысловые структуры, эмоциональные оттенки, а также историко-культурные контексты. Такая способность искусственного интеллекта будет способствовать расширению объёма и качества материалов, доступных для преподавателей, и углублению аналитической деятельности самих обучающихся, стимулируя их критическую рефлексию и творческое мышление.

Интеграция нейросетевых инструментов с мультимодальными технологиями — включая голосовые помощники, системы дополненной реальности и интерактивные платформы — создаст новые формы восприятия и осмысления литературных произведений. Это позволит выстраивать более насыщенные образовательные реакции, фокусироваться на междисциплинарных связях и формировать комплексное представление о языке и литературе как о живых социальных и культурных феноменах. Такой подход расширит возможности вовлечения обучающихся в учебный процесс и повысит эмоциональную и интеллектуальную активность.

Развитие методологических основ сопровождения применения ИИ-технологий станет важным этапом дальнейшей работы в этой сфере. Углублённое изучение взаимодействия между педагогом и искусственным интеллектом позволит создать новые модели сотрудничества, где ИИ выступает в роли не заместителя, а именно партнёра, расширяющего творческий и аналитический потенциал учителя. Это будет способствовать сохранению гуманистической направленности образования, обеспечивая баланс между инновациями и традиционными ценностями.

Таким образом, перспективы развития использования нейросетевых технологий в преподавании русского языка и литературы обеспечивают качественный переход к новой парадигме гуманитарного образования, где цифровые инструменты становятся неотъемлемой частью педагогической деятельности. Инновации в этой области имеют ключевое значение для современной педагогики и служат весомым основанием для

продолжения исследований, направленных на эффективное и ответственное внедрение искусственного интеллекта в учебный процесс.

Заключение.

Результаты проведённого исследования свидетельствуют о значительном потенциале платформы Vegemot.ai для улучшения качества преподавания русского языка и литературы. Анализ функционала и возможностей нейросетевых технологий показал, что использование искусственного интеллекта позволяет создавать разнообразные учебные материалы, ориентированные на индивидуальные потребности учащихся и способствующие развитию ключевых компетенций. Практические примеры заданий, сгенерированных с помощью платформы, демонстрируют эффективность таких инструментов в формировании языковых навыков и аналитического мышления.

Одновременно выявленные ошибки и ограничения нейросетей подчёркивают необходимость педагогического контроля и критического отношения к содержанию, генерируемому искусственным интеллектом. Систематическое обучение учителей методам распознавания неточностей и корректировке заданий становится важным условием успешного внедрения платформы в образовательный процесс. В результате формируется новая технологическая культура преподавания, основанная на комбинировании экспертных знаний педагога и возможностей цифровых инструментов.

Педагогический эффект использования Vegemot.ai выражается в повышении мотивации школьников, расширении форм учебной деятельности и укреплении самостоятельности обучающихся. Интерактивность и персонализация заданий способствуют более активному вовлечению в процесс изучения языка и литературы, стимулируют развитие критического мышления и творческого подхода. Это соответствует современным требованиям гуманитарного образования, ориентированного на формирование комплексных компетенций и навыков будущего.

Разработанные рекомендации по интеграции нейросетевых технологий учитывают особенности учебного процесса и педагогическую практику, что обеспечивает гармоничное и методически выверенное внедрение инноваций. Предлагаемые подходы поддерживают учебную динамику, способствуют дифференцированному обучению и развитию коммуникативных навыков, а также формируют у учеников устойчивую информационную грамотность в работе с цифровыми материалами.

Перспективы развития использования нейросетей в гуманитарном образовании заключаются в дальнейшем совершенствовании адаптивных возможностей платформ, углублении анализа художественных текстов и интеграции мультимодальных технологий. Это открывает новые возможности для расширения функционала цифровых инструментов и повышения качества педагогической деятельности, формируя основу для устойчивого развития образовательных практик с опорой на инновационные технологии.

Таким образом, исследование подтверждает актуальность и эффективность применения нейросетей платформы Vegemot.ai в преподавании русского языка и литературы. Комплексный подход, взаимодействие искусственного интеллекта с экспертной деятельностью педагогов и последующее методическое сопровождение создают предпосылки для трансформации традиционного образовательного процесса и повышения его результативности в условиях цифровой эпохи.

Список источников

1. Иванова Н.В. Применение искусственного интеллекта в преподавании русского языка // Русский язык и литература. – 2022. – № 4. – С. 35–42.
2. Петров А.С. Нейросети в образовании: теория и практика // Современные педагогические технологии. – 2023. – № 1. – С. 18–27.
3. Смирнова Е.М. Методы использования цифровых ресурсов на уроках литературы // Вестник педагогики. – 2021. – № 10. – С. 50–57.
4. Кузнецова Л.Д. Влияние технологий искусственного интеллекта на мотивацию учащихся // Педагогический журнал. – 2023. – № 3. – С. 12–19.
5. Борисов М.Г. Анализ эффективности онлайн-платформ для изучения русского языка // Образовательные инновации. – 2022. – № 7. – С. 45–52.
6. Федорова Т.Б., Николаев В.И. Интерактивные методы обучения с использованием нейросетей в школе // Современное образование. – 2023. – № 2. – С. 64–70.
7. Лебедева О.П. Технология адаптивного обучения на базе Vegemot.ai // Технические средства обучения. – 2022. – № 8. – С. 29–36.
8. Зайцева Ю.А. Педагогический эффект внедрения искусственного интеллекта на уроках литературы // Вопросы образования. – 2023. – № 5. – С. 40–46.
9. Миронов В.С. Разработка методических материалов для работы с нейросетями в школе // Научный вестник образования. – 2021. – № 12. – С. 22–28.
10. Григорьева И.Н. Digital-технологии и инновации в преподавании русского языка и литературы // Образование и технологии. – 2023. – № 6. – С. 15–24.

Чаканова С. Ж., кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Международный казахско-турецкий университет имени Х.А. Ясави (г. Туркестан, Республика Казахстан).

Chakanova S.Zh., Candidate of Pedagogical Sciences, International Kazakh-Turkish University named after Khoja Ahmed Yasawi (Turkestan, Kazakhstan).

: selime24@mail.ru

Бабаханов Б.Б., студент 4 курса, Международный казахско-турецкий университет имени Х.А. Ясави (г. Туркестан, Республика Казахстан).

Babahanov B. B., 4th year student, International Kazakh-Turkish University named after Khoja Ahmed Yasawi (Turkestan, Kazakhstan).

: boburbabakhanov@gmail.com

Дата поступления: 21.01.2026

© Чаканова С. Ж., Бабаханов Б.Б., 2026

СПОСОБЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ГЛАГОЛОВ

Сатпаева Ж.А., Мирзахметова Ч., Есенаман А.Р.
Кокшетауский университет им. Абая Мырзахметова
(г. Кокшетау, Республика Казахстан)

Аннотация. В данной статье рассматриваются педагогические возможности использования технологий искусственного интеллекта (ИИ) в процессе преподавания казахского языка, в том числе при преподавании глаголов. Анализируется роль инструментов, основанных на искусственном интеллекте, в развитии грамматической компетенции учащихся, языковых навыков и навыков критического мышления. В то же время с научной и методологической точки зрения анализируются эффективные способы, преимущества и ограничения использования ИИ.

Ключевые слова: глагол, казахский язык, обучение грамматике, искусственный интеллект, цифровое образование, языковая компетенция.

Для цитирования: Сатпаева Ж.А., Мирзахметова Ч., Есенаман А.Р. Способы использования искусственного интеллекта при изучении глаголов // Наука и реальность. 2026. № 1 (25). С. 42–46.

WAYS TO USE ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN VERB LEARNING

Satpaeva Zh.A., Mirzakhmetova Ch., Yesenaman A.R.
Abay Myrzakhmetov Kokshetau University,
(Kokshetau, Kazakhstan)

Abstract. This article discusses the pedagogical possibilities of using artificial intelligence (AI) technologies in the process of teaching the Kazakh language, including in mastering verbs. The role of artificial intelligence-based tools in the development of students' grammatical competence, language skills, and critical thinking skills is analyzed. At the same time, effective ways, advantages and limitations of the use of AI are analyzed in a scientific and methodological manner.

Keywords: verb, Kazakh language, grammar teaching, artificial intelligence, digital education, language competence.

For citation: Satpaeva Zh.A., Mirzakhmetova Ch., Yesenaman A.R. Ways to use artificial intelligence in verb learning // Science & Reality. 2026. no. 1 (25). pp. 42–46. (in English).

The modern education system is developing in close connection with the digitalization process. The rapid development of information and communication technologies puts forward new requirements for teaching methods and requires a new organization of traditional teaching models. In this sense, artificial intelligence technologies are becoming an important tool in the field of education, especially in Language Teaching.

In teaching the Kazakh language, the verb is one of the main grammatical categories of the language. It expresses the action, process, state and forms the semantic core of the sentence. Therefore, correct and deep mastery of the verb is one of the main conditions for the formation of language competence. The use of the capabilities of artificial intelligence in the implementation of this task is an urgent problem. Artificial intelligence is a set of software systems that have the ability to analyze data, learn and make decisions. In language learning, chatbots operating on the basis of AI, automated training platforms, and text analysis and correction systems are widely used.

AI in the process of verb learning:

- can offer tasks adapted to the student's level;
- automatically detects errors and gives explanations;
- learns the tense, mood, verb, positive-negative forms of verbs through context;
- allows you to plan the educational trajectory of the student individually.

Ways to use artificial intelligence in verb learning:

1. interactive exercises and simulations.

AI-based educational platforms master the grammatical forms of verbs (tense, mood, verb, positive-negative types) through interactive tasks. Such systems automatically check the student's response and provide accurate explanations for errors. Practical task sample:

- The student is offered several sentences.
- The system omits the verb or gives it in the initial person.
- The student chooses the appropriate tense or mood form.
- AI analyzes the answer, shows the right/wrong, and provides feedback based on the rules.

This approach allows students to develop grammatical thinking and realize their mistake [1].

2. communication tasks through chatbots.

Chatbots based on artificial intelligence create a dialogue environment focused on the use of verbs in speech and writing. Chatbots simulate everyday life situations and involve the student in active communication.

Practical task sample:

- Chatbot asks the student a question («What did you do today?», «What are you going to do tomorrow?»).

- The student answers.
- GI defines the tense form of the verbs used and offers correction if necessary.

These tasks increase the communicative function of the verb and develop speech skills [3].

3. automatic text analysis and grammatical correction.

AI tools can linguistically analyze the text written by the student and determine the correct use of verbs. This is especially effective in building a subscription skill.

Practical task sample:

- The student writes a short essay or story.
- The GI system marks verbs in the text and indicates errors in terms of tense, mood, verb.

A brief explanation is given for each error.

Such tasks increase the student's ability to conduct self-analysis [2].

4. personalized tasks and adaptive learning

Artificial intelligence summarizes the student's previous learning outcomes and identifies his weaknesses. Based on this, the system provides an individual set of tasks.

Practical task sample:

- AI determines that the student often makes mistakes from the types of mood.
  - Additional interactive exercises on this topic, mini-tests are offered.
  - The student's progress is recorded automatically.
  - This approach forms an individual learning trajectory and increases the quality of learning [3].
5. specific examples of AI tools. AI chatbots-create grammatical dialogues, use verbs in speech.

Automated test systems-instant verification of all grammatical categories of verbs.

Tools for linguistic analysis of the text-automatic detection and correction of verbs.

Adaptive learning platforms-offer tasks at the level of the student. Advantages of using artificial intelligence:

- the effectiveness of the learning process increases;
  - the student's ability to work independently develops;
  - allows you to save time;
  - reproduces the content of training;
  - increases students ' interest in the subject.
- at the same time, there are also a number of restrictions on the use of artificial intelligence:
- insufficient technical infrastructure;
  - heterogeneous level of digital competence of teachers;
  - lack of full coverage of linguistic and cultural features;
  - inability to completely replace the direct relationship between the student and the teacher.

In the course of the study, a complex of theoretical and Empirical Methods was used, which are widely used in pedagogy and Linguistics. In particular:

- The method of scientific and theoretical analysis-was used to systematize domestic and foreign scientific papers related to artificial intelligence, digital education and teaching grammar [1, 3].

- Comparative analysis method-used to compare the effectiveness of traditional verb learning approaches and artificial intelligence-based learning models [2].

- Control method-used to identify changes in students ' activity and grammatical skills during the use of AI tools in the educational process.

- The method of pedagogical experiment – was used to determine the influence of the systematic introduction of elements of artificial intelligence in verb learning on the learning outcome.

- Quantitative data analysis method-made it possible to analyze the results of students ' performance of tasks, the number of errors and academic achievements using percentage indicators.

As a result of the study, it is expected to achieve the following scientific and methodological results:

- the level of assimilation of grammatical categories of verbs (tense, mood, verb, positive-negative types) increases;

- the number of grammatical errors of students decreases and language literacy improves;

- personalization of the learning process is ensured, an individual educational trajectory is formed for each student [3];

- students ' motivation and interest in the subject of the Kazakh language will increase [1];

- the methodological work of the teacher is simplified, and the quality of feedback is increased.

The use of artificial intelligence in teaching verbs is an effective way to modernize the methodology of teaching the Kazakh language. AI technologies increase the student's activity in mastering grammatical knowledge and allow for personalized learning. However, artificial intelligence should be considered not as a substitute for a teacher, but as a means of complementing his professional activities. In the future, the combined use of AI and traditional teaching methods will become the main mechanism for high-quality teaching of the Kazakh language.

Bibliography

1. Бидабеков Е. У. Сıфрлық билим беріу теһнологиялары және оқыту әдістемеси. – Алматы: Қаззақ ынiversитети, 2021.

2. Сеитаһева Қ. А. Қаззақ тилин оқыту әдістемеси. – Алматы: Арыс, 2020.

3. Holmes W., Bialik M., Fadel C. Artificial Intelligence in Education: Promises and Implications for Teaching and Learning. – Boston: Center for Curriculum Redesign, 2019.

4. Luckin R., Holmes W. Intelligence Unleashed: An Argument for AI in Education. – London: Pearson, 2016.

Сатпаева Жанылсын Асылбековна, старший преподаватель, Кокшетауский университет им. Абая Мырзахметова (г. Кокшетау, Республика Казахстан).

Satpayeva Zhanylsyn Asylbekovna, Senior Lecturer, Abay Myrzakhmetov Kokshetau University (Kokshetau, Kazakhstan).

: e.aiya.r@mail.ru

Мирзахметова Чарос, студентка, Кокшетауский университет им. Абая Мырзахметова (г. Кокшетау, Республика Казахстан).

Mirzakhmetova Charos, student, Abay Myrzakhmetov Kokshetau University (Kokshetau, Republic of Kazakhstan).

Есенаман Айгерим Рашиткызы, магистр педагогических наук, преподаватель, Кокшетауский университет им. Абая Мырзахметова (г. Кокшетау, Республика Казахстан).

Yesenaman Aigerim Rashitkyzy, Master of Pedagogical Sciences, Lecturer, Abay Myrzakhmetov Kokshetau University (Kokshetau, Republic of Kazakhstan).

Дата поступления: 16.02.2026

© Сатпаева Ж.А., Мирзахметова Ч., Есенаман А.Р., 2026

YANDEX GPT КАК ИНСТРУМЕНТ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ В ОБРАБОТКЕ ТЕКСТА

Чаканова С. Ж., Рахматжонова Ю.Н.

Международный казахско-турецкий университет имени Х.А. Ясави
(г. Туркестан, Республика Казахстан)

Аннотация. В статье рассматривается Яндекс GPT как современный инструмент искусственного интеллекта, предназначенный для обработки и генерации текстовой информации. Анализируются основные принципы функционирования языковой модели, а также её возможности в сфере создания, редактирования и структурирования текстов различного назначения. Особое внимание уделяется практическому применению Яндекс GPT в образовательной, профессиональной и информационно-коммуникативной среде. Наряду с этим выявляются ограничения использования модели, связанные с отсутствием подлинного понимания смысла, вероятностным характером генерации текста и риском появления фактических и логических неточностей. В работе подчёркивается необходимость критического и ответственного подхода к использованию нейросетевых технологий в текстовой деятельности. Сделан вывод о том, что Яндекс GPT следует рассматривать как вспомогательный интеллектуальный инструмент, эффективность которого зависит от уровня подготовки и осознанности пользователя.

Ключевые слова: искусственный интеллект, Яндекс GPT, языковая модель, обработка текста, генерация текста, нейросетевые технологии, автоматизация текстовой деятельности, ограничения искусственного интеллекта, цифровая коммуникация.

Для цитирования: Чаканова С. Ж., Рахматжонова Ю.Н. Яндекс GPT как инструмент искусственного интеллекта: возможности и ограничения в обработке текста // Наука и реальность. 2026. № 1 (25). С. 47–55.

YANDEXGPT AS AN AI TOOL: CAPABILITIES AND LIMITATIONS IN TEXT PROCESSING

Chakanova S.Zh, Rakhmatzhonovna Yu.N.

International Kazakh-Turkish University named after Khoja Ahmed Yasawi
(Turkestan, Kazakhstan)

Abstract. This article examines Yandex GPT as a modern artificial intelligence tool designed for processing and generating text information. It analyzes the language model's fundamental operating principles, as well as its capabilities for creating, editing, and structuring texts for various purposes. Particular attention is

paid to the practical application of Yandex GPT in educational, professional, and information and communication environments. Furthermore, limitations of the model's use are identified, including the lack of a true understanding of meaning, the probabilistic nature of text generation, and the risk of factual and logical inaccuracies. The paper emphasizes the need for a critical and responsible approach to the use of neural network technologies in text processing. It concludes that Yandex GPT should be viewed as an auxiliary intelligent tool, the effectiveness of which depends on the user's level of training and awareness.

Keywords: artificial intelligence, Yandex GPT, language model, text processing, text generation, neural network technologies, automation of text processing, limitations of artificial intelligence, digital communication.

For citation: Chakanova S.Zh, Rakhmatzhonovna Yu.N. Yandexgpt as an AI tool: capabilities and limitations in text processing // Science & Reality. 2026. no. 1 (25). pp. 47–55. (in Russian).

Развитие цифровых технологий в последние десятилетия привело к существенным изменениям в способах создания, распространения и интерпретации текстовой информации. В условиях увеличения объёмов данных и ускорения коммуникационных процессов особую значимость приобретают инструменты, способные автоматизировать работу с текстом. Одним из наиболее перспективных направлений в данной области является использование систем искусственного интеллекта, основанных на нейросетевых языковых моделях.

Яндекс GPT представляет собой пример такой системы, ориентированной преимущественно на русскоязычную текстовую среду. Его применение охватывает широкий спектр задач — от генерации и редактирования текстов до анализа содержания и поддержки коммуникации. Вместе с тем активное внедрение языковых моделей вызывает необходимость научного осмысления их возможностей и ограничений.

Целью настоящей статьи является всесторонний анализ Яндекс GPT как инструмента искусственного интеллекта, выявление его функционального потенциала в обработке текста и определение границ его эффективного применения.

Яндекс GPT как инструмент искусственного интеллекта: современные возможности

Яндекс GPT представляет собой систему искусственного интеллекта, предназначенную для автоматизированного взаимодействия с пользователями на основе текстовых запросов. Основная функциональная особенность модели заключается в способности понимать контекст запроса и формировать связные ответы, что позволяет использовать её как вспомогательный инструмент в различных сферах: образовании, профессиональной деятельности, научных исследованиях и повседневной коммуникации.

Ключевые возможности Яндекс GPT включают:

1. Генерация текста на основе заданного контекста. Бот способен создавать связные тексты различной длины, соблюдая заданный стиль, жанр и логическую структуру.

2. Редактирование и структурирование информации. Пользователь может предоставлять исходный текст, который система способна переработать, сделать более связным или логически последовательным, что ускоряет подготовку материалов.

3. Анализ и обобщение информации. Модель способна выявлять ключевые идеи из длинных текстов, формировать краткие резюме и структурированные обзоры, что облегчает работу с большими массивами данных.

4. Поддержка коммуникации. В интерактивном режиме Яндекс GPT способен вести диалог, отвечать на уточняющие вопросы и поддерживать обсуждение на уровне логической связности.

Эти возможности делают Яндекс GPT не просто инструментом генерации текста, а полноценным интеллектуальным ассистентом, способным ускорить работу с текстовой информацией и повысить эффективность коммуникации.

Искусственный интеллект и языковые модели

Искусственный интеллект в современном понимании представляет собой совокупность вычислительных методов, направленных на решение задач, традиционно относимых к сфере человеческого мышления. В рамках данной области особое место занимает обработка естественного языка, поскольку язык является сложной знаковой системой, отражающей когнитивные, культурные и социальные аспекты человеческой деятельности.

Языковые модели нового поколения основаны на принципах глубокого обучения и способны выявлять сложные зависимости между языковыми единицами. В отличие от ранних алгоритмических подходов, они не опираются на жёстко заданные правила, а формируют вероятностные представления о языке в процессе обучения на больших массивах текстов.

Яндекс GPT относится к классу генеративных моделей, что определяет его способность не только анализировать, но и создавать новые текстовые конструкции

Общая характеристика Яндекс GPT

Яндекс GPT представляет собой нейросетевую языковую модель, функционирующую на основе анализа контекста и вероятностного прогнозирования языковых последовательностей. В процессе работы модель получает текстовый запрос и формирует ответ, который статистически соответствует языковым закономерностям, усвоенным в ходе обучения.

Важно подчеркнуть, что Яндекс GPT не обладает сознанием, намерениями или пониманием смысла в философском или психологическом значении. Его работа основана исключительно на вычислительных операциях, что определяет как сильные стороны модели, так и её принципиальные ограничения.

Возможности Яндекс GPT в генерации текста

Одним из ключевых функциональных направлений Яндекс ЧПТ является генерация связных текстов. Модель способна формировать развернутые высказывания, соблюдая заданную тему, стиль и общую композицию.

Данная возможность используется при подготовке информационных материалов, аналитических обзоров, учебных текстов и пояснительных записок. Генерация текста осуществляется в соответствии с формальными признаками научного, официального или публицистического стиля, что расширяет сферу применения модели.

Редактирование и трансформация текстовой информации

Яндекс GPT может применяться для переработки уже существующих текстов. К таким задачам относятся переформулирование, структурирование, логическое упорядочивание материала и стилистическая адаптация.

Использование модели в этом контексте позволяет повысить эффективность текстовой работы, особенно на этапе предварительной подготовки материала. При этом окончательная редакторская ответственность сохраняется за человеком.

Аналитические возможности модели

Яндекс GPT способен выполнять аналитические операции над текстом, включая выделение ключевых идей, обобщение содержания и формирование выводов. Эти функции востребованы при работе с большими массивами информации, когда требуется быстрое ориентирование в содержании.

Однако аналитические возможности модели носят формальный характер и не предполагают глубокой интерпретации смыслов.

Использование Яндекс GPT в образовательной сфере

В образовательной среде Яндекс ЧПТ может рассматриваться как вспомогательный инструмент обучения. Он используется для пояснения теоретических понятий, демонстрации примеров рассуждений и поддержки учебной деятельности.

Вместе с тем неконтролируемое использование модели способно привести к снижению уровня самостоятельного мышления, что требует методического регулирования и формирования культуры ответственного применения искусственного интеллекта.

Применение в профессиональной деятельности

В профессиональной коммуникации Яндекс GPT используется для подготовки черновых вариантов документов, аналитических материалов и справочных текстов. Его применение способствует сокращению временных затрат и оптимизации рабочих процессов.

При этом модель не может учитывать все контекстуальные, правовые и этические аспекты профессиональной деятельности, что ограничивает степень её автономности.

Ограничения Яндекс GPT в обработке текста

Несмотря на значительные функциональные возможности, Яндекс GPT обладает рядом принципиальных ограничений, которые следует учитывать при его использовании:

1. Отсутствие подлинного понимания смысла. Модель генерирует текст на основе вероятностного анализа языковых конструкций, а не через осмысление содержания. Это приводит к тому, что тексты могут быть внешне корректными, но концептуально неполными.

2. Вероятностный характер ответов. Генерация текста основывается на статистических закономерностях, что может приводить к фактическим ошибкам, логическим противоречиям или повторению шаблонных выражений.

3. Ограниченная способность к творческому мышлению. Бот может комбинировать уже известные языковые конструкции, но не способен создавать уникальные идеи, концепции или авторские рассуждения.

4. Контекстуальные ограничения. Модель работает эффективно в пределах текущего диалога, однако при сложных междисциплинарных или философских темах точность формулировок и глубина анализа снижаются.

5. Этические и практические ограничения. Использование модели требует осознанного подхода: тексты, созданные Яндекс GPT, нельзя автоматически считать достоверными или авторскими. Это особенно важно в научной, учебной и профессиональной деятельности.

Риск генерации недостоверной информации

Вероятностный характер работы модели создаёт риск появления фактических ошибок и неточных обобщений. Внешняя убедительность текста может вводить пользователя в заблуждение при отсутствии критической проверки.

Этические аспекты использования Яндекс GPT

Использование языковых моделей связано с этическими вопросами авторства, ответственности и академической честности. Применение Яндекс GPT требует чёткого разграничения между помощью инструмента и подменой интеллектуального труда.

Практическая ценность и сферы применения

В образовательной среде Яндекс GPT может использоваться для:

- демонстрации примеров рассуждений и логических построений;
- помощи студентам в структурировании текста и аргументации;
- проверки базового понимания материала через диалоговые задания.

В профессиональной сфере модель эффективно применима при подготовке черновых документов, аналитических обзоров, презентационных материалов, а также для автоматизации рутинных текстовых операций.

В научных исследованиях Яндекс GPT может служить инструментом первичной генерации гипотез, структурирования источников или создания вспомогательных текстов для дальнейшей экспертной обработки.

Перспективы развития языковых моделей

Дальнейшее развитие Яндекс GPT связано с повышением точности генерации, расширением контекстных возможностей и интеграцией с экспертными системами. Это может повысить надёжность результатов, однако не устранил необходимость человеческого контроля.

Яндекс GPT в системе цифровой коммуникации

Современная цифровая коммуникация характеризуется высокой скоростью обмена информацией и сокращением временных интервалов между созданием и потреблением текста. В этих условиях языковые модели, такие как Яндекс GPT, становятся важным элементом коммуникационной инфраструктуры. Они используются как посредники между человеком и информационной средой, обеспечивая быстрый доступ к текстовой обработке.

Яндекс GPT может рассматриваться как инструмент медиаторного типа, который не только воспроизводит текст, но и влияет на формы его организации. Это проявляется в стандартизации структуры высказываний, сглаживании стилистических различий и унификации языковых форм. С одной стороны, это повышает удобство восприятия текста, с другой — может приводить к снижению индивидуальной выразительности.

Таким образом, влияние Яндекс GPT на цифровую коммуникацию носит амбивалентный характер и требует научного осмысления.

Язык и стиль генерируемых текстов

Язык текстов, создаваемых Яндекс GPT, отличается нормативностью и формальной корректностью. Модель демонстрирует устойчивое владение грамматическими структурами и синтаксическими моделями, характерными для научного и официального стиля.

Вместе с тем стилистическая нейтральность генерируемых текстов обусловлена отсутствием субъективного опыта и индивидуальной речевой позиции. Это ограничивает возможности выразительности и делает тексты функциональными, но лишёнными авторской интонации.

Для научных и учебных целей подобная характеристика может рассматриваться как преимущество, однако в гуманитарных дисциплинах она требует дополнительной редакторской доработки.

Яндекс GPT и проблема когнитивной нагрузки

Использование языковых моделей влияет на распределение когнитивной нагрузки между человеком и технической системой. Передача части операций по формированию текста искусственному интеллекту снижает нагрузку на пользователя, однако одновременно изменяет характер мыслительной деятельности.

Существует риск формирования зависимости от автоматизированных средств, при которой пользователь утрачивает навыки самостоятельного анализа и аргументации. В этом контексте Яндекс GPT должен рассматриваться как средство поддержки мышления, а не его замены.

Рациональное использование модели предполагает сохранение активной когнитивной позиции пользователя и критическое отношение к получаемым результатам.

Методологические границы применения Яндекс GPT в науке

В научной деятельности Яндекс GPT может применяться на вспомогательных этапах исследования, таких как предварительное структурирование материала, формулирование рабочих гипотез и подготовка черновых текстов.

Однако методологически некорректным является использование модели в качестве источника научного знания. Яндекс GPT не осуществляет проверку истинности высказываний и не обладает способностью к научной верификации.

Следовательно, его роль в научном процессе ограничивается инструментальной функцией, подчинённой исследовательской логике человека.

Яндекс GPT и формирование информационной культуры

Широкое распространение языковых моделей актуализирует проблему формирования информационной культуры пользователей. Работа с Яндекс GPT требует понимания принципов его функционирования, осознания ограничений и умения критически оценивать результаты.

Информационная культура в данном контексте включает навыки проверки достоверности текста, анализа логической структуры и выявления возможных искажений. Без развития этих навыков использование искусственного интеллекта может привести к снижению качества интеллектуальной деятельности.

Социальные последствия внедрения языковых моделей

Использование Яндекс GPT оказывает влияние не только на индивидуальную, но и на социальную коммуникацию. Автоматизация текстовой деятельности изменяет профессиональные роли, требования к компетенциям и формы взаимодействия в информационном пространстве.

С одной стороны, это способствует демократизации доступа к текстовым инструментам, с другой — повышает значимость аналитических и критических навыков, которые не могут быть автоматизированы.

Таким образом, внедрение языковых моделей усиливает дифференциацию интеллектуального труда.

Границы автоматизации текстовой деятельности

Несмотря на высокую эффективность Яндекс GPT в ряде задач, существуют принципиальные границы автоматизации текстовой деятельности. Творческое мышление, ценностная интерпретация и этическая оценка остаются исключительно человеческими функциями.

Яндекс GPT не способен формировать новые смыслы в философском или культурном значении, а лишь комбинирует уже существующие языковые формы. Это определяет пределы его использования в гуманитарной сфере.

Человек и искусственный интеллект: модель взаимодействия

Оптимальной моделью взаимодействия человека и Яндекс ЧПТ является партнёрская модель, при которой искусственный интеллект выполняет технические и вспомогательные функции, а человек сохраняет контроль над смыслом и интерпретацией.

Такое взаимодействие предполагает активную роль пользователя в постановке задач, оценке результатов и принятии решений. В этом случае Яндекс ЧПТ становится инструментом расширения интеллектуальных возможностей, а не источником замещения мышления.

Итоговые выводы и обобщения

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что Яндекс ЧПТ является значимым инструментом искусственного интеллекта, обладающим широкими возможностями в области обработки текста. Его использование способствует оптимизации текстовой деятельности, повышению доступности информационных ресурсов и ускорению коммуникации.

В то же время модель имеет фундаментальные ограничения, связанные с алгоритмической природой её функционирования. Отсутствие подлинного понимания смысла, вероятностный характер генерации и этические риски определяют необходимость осознанного и ответственного применения.

Заключение

Яндекс GPT является значимым инструментом искусственного интеллекта, обладающим широкими возможностями в области обработки текстовой информации. Его потенциал проявляется в генерации, редактировании и анализе текста, а также в поддержке образовательной и профессиональной деятельности.

В то же время модель имеет фундаментальные ограничения, обусловленные отсутствием подлинного понимания смысла и вероятностным характером работы. Это определяет необходимость критического, осознанного и ответственного использования Яндекс GPT как вспомогательного инструмента, а не замены человеческого мышления.

Список источников

1. Бондарко А. В. Функциональная грамматика и теория текста. — Санкт-Петербург: Наука, 2002.
2. Виноградов В. В. О языке художественной прозы. — Москва: Высшая школа, 1980.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. — Москва: Наука, 1981.
4. Касавин И. Т. Ознание и коммуникация. — Москва: Канон+, 2008.
5. Рассел С., Норвиг П. Искусственный интеллект: современный подход. — Москва: Вильямс, 2017.
6. Фрумкин К. Г. Искусственный интеллект и человеческое мышление. — Москва: ЛЕНАНД, 2019.
7. Шрейдер Ю. А. Информация и мышление. — Москва: Наука, 1974.

8. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. — Москва: ЛКИ, 2007.

Чаканова С. Ж., кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Международный казахско-турецкий университет имени Х.А. Ясави (г. Туркестан, Республика Казахстан).

Chakanova S.Zh., Candidate of Pedagogical Sciences, International Kazakh-Turkish University named after Khoja Ahmed Yasawi (Turkestan, Kazakhstan).

: selime24@mail.ru

Рахматжоновна Ю.Н., студентка 4 курса, Международный казахско-турецкий университет имени Х.А. Ясави (г. Туркестан, Республика Казахстан).

Rakhmatzhonovna Yu.N., 4th year student, International Kazakh-Turkish University named after Khoja Ahmed Yasawi (Turkestan, Kazakhstan).

Дата поступления: 23.01.2026

© Чаканова С. Ж., Рахматжоновна Ю.Н., 2026

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ БУЛЛИНГА В ПОДРОСТКОВОЙ СРЕДЕ

Кукубаева А.Х., Молдыбаева Ж.Т.

Кокшетауский университет им. Абая Мырзахметова
(г. Кокшетау, Республика Казахстан)

Аннотация. Статья посвящена теоретико-методологическому анализу феномена буллинга в подростковой среде в контексте современного казахстанского образования. Рассматриваются ключевые теоретические подходы к изучению буллинга — теория социального научения А. Бандуры, экологическая модель У. Бронфенбреннера, теория групповой динамики К. Левина и социологическая концепция П. Бурдьё. Прослеживается историческая эволюция исследований буллинга: от первых скандинавских работ Д. Ольвеуса до современных исследований кибербуллинга. Анализируются типология буллинга, роли участников, факторы риска и последствия для всех групп вовлечённых лиц. Представлены результаты эмпирического исследования, проведённого среди учащихся 8–10 классов школ г. Кокшетау (250 респондентов), а также данные интервью с педагогами и школьными психологами. Выявлено, что 47% опрошенных школьников подвергались буллингу, при этом существующие механизмы защиты остаются недостаточными. Обозначены культурные, методологические и системные барьеры, характерные для казахстанского контекста. Обосновывается необходимость разработки культурно-адаптированных превентивных стратегий и дальнейшего развития отечественной научной базы в данной области.

Ключевые слова: буллинг, подростковая среда, школьное насилие, кибербуллинг, превентивные стратегии, экологическая модель, агрессия, виктимизация, образовательная среда, Казахстан.

Для цитирования: Кукубаева А.Х., Молдыбаева Ж.Т. Теоретико-методологические основы изучения буллинга в подростковой среде // Наука и реальность. 2026. № 1 (25). С. 56–63.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASIS FOR THE STUDY OF BULLYING IN ADOLESCENT ENVIRONMENT

Kukubaeva A.Kh., Moldybaeva Zh.T.
Abay Myrzakhmetov Kokshetau University,
(Kokshetau, Kazakhstan)

Abstract. This article provides a theoretical and methodological analysis of the phenomenon of bullying among adolescents in the context of modern Kazakhstani education. Key theoretical approaches to the study of bullying are examined, including A. Bandura's social learning theory, W. Bronfenbrenner's ecological model, K. Levin's theory of group dynamics, and P. Bourdieu's sociological framework. The historical evolution of bullying research is traced, from the early Scandinavian works of D. Olweus to contemporary studies of cyberbullying. The typology of bullying, the roles of participants, risk factors, and consequences for all groups of individuals involved are analyzed. The article presents the results of an empirical study conducted among 8th-10th-grade students in Kokshetau (250 respondents), as well as interview data with teachers and school psychologists. It was found that 47% of the students surveyed had been bullied, while existing protective mechanisms remain insufficient. The cultural, methodological, and systemic barriers specific to the Kazakhstani context are identified. The need for culturally adapted preventive strategies and further development of the domestic research base in this area is substantiated.

Keywords: bullying, adolescent environment, school violence, cyberbullying, preventive strategies, ecological model, aggression, victimization, educational environment, Kazakhstan.

For citation: Kukubaeva A.Kh., Moldybaeva Zh.T. Theoretical and methodological basis for the study of bullying in adolescent environment // Science & Reality. 2026. no. 1 (25). pp. 56–63 (in Russian).

В современной образовательной среде Казахстана проблема школьного насилия приобретает масштабный характер, требующий научного осмысления и разработки эффективных превентивных стратегий. Буллинг — систематическое агрессивное поведение, характеризующееся намеренным причинением вреда, дисбалансом власти и повторяемостью действий — превратился в одну из центральных проблем современной педагогики и психологии. Настоящая статья анализирует теоретико-методологические подходы к изучению буллинга, исторические этапы осмысления феномена и современное состояние проблемы в казахстанском контексте.

Концептуализация феномена буллинга прошла длительный путь развития в мировой науке. Норвежский психолог Дан Ольвеус в 1970-х годах впервые концептуализировал буллинг как самостоятельный предмет исследования, выделив три ключевых признака: намеренность агрессии, систематичность действий и дисбаланс сил между агрессором и жертвой [1]. Эта триада до сих пор остаётся основой определения буллинга в научной литературе.

Теория социального научения А. Бандуры объясняет буллинг как результат наблюдения и имитации агрессивных моделей поведения в ближайшем окружении. Подростки усваивают паттерны насилия из семьи, медиа, субкультур, затем воспроизводят их в школьной среде. Буллинг в этой парадигме рассматривается как приобретённое, а не врождённое поведение [2].

Экологическая модель У. Бронфенбреннера позволяет анализировать буллинг через взаимодействие нескольких систем. Микросистема включает непосредственное окружение (семья, школьный класс), где формируются первичные паттерны взаимодействия. Мезосистема описывает связи между микросистемами (взаимодействие семьи и школы). Экзосистема включает социальные структуры, косвенно влияющие на ребёнка (место работы родителей, СМИ). Макросистема охватывает культурные нормы и ценности общества [3].

Теория групповой динамики К. Левина раскрывает роль группового контекста. Буллинг не является изолированным актом агрессора и жертвы, а происходит в присутствии наблюдателей, чья позиция определяет развитие ситуации. Исследования показывают, что наблюдатели присутствуют в 85% случаев буллинга, и их реакция может остановить или эскалировать насилие [4].

Социологическая перспектива П. Бурдьё позволяет интерпретировать буллинг через концепции символического насилия и социального капитала. Подростки используют агрессию для конструирования иерархий, приобретения статуса, демонстрации принадлежности к доминирующей группе. Жертвами становятся те, кто не обладает достаточным социальным капиталом для защиты [5].

Историческое изучение буллинга прошло несколько этапов. Ранний период (до 1970-х гг.) характеризовался отсутствием научной концептуализации. Школьное насилие воспринималось как «нормальная» часть взросления, «закалка характера», педагогическая проблема не выделялась [6].

Скандинавский прорыв (1970–1980-е гг.) связан с работами Д. Ольвеуса в Норвегии после волны подростковых суицидов, связанных с травлей. Была разработана первая комплексная антибуллинговая программа, показавшая 50% снижение случаев насилия. Скандинавский опыт стал моделью для других стран [7].

Англо-американский период (1990-е гг.) характеризуется масштабными исследованиями в Великобритании и США. Были созданы национальные программы, приняты законодательные меры. Трагедия в школе Колумбайн (1999) драматически актуализировала проблему [8].

Глобализация исследований (2000-е гг.) ознаменовалась распространением исследований на Азию, Латинскую Америку, Восточную Европу. ВОЗ включила школьное насилие в международные мониторинги здоровья подростков [9].

Цифровая эра (2010-е гг. – настоящее время) принесла новый феномен — кибербуллинг. Появились исследования онлайн-травли, её специфики (анонимность, вирусность, постоянная доступность). Пандемия COVID-19 усилила киберформыбуллинга [10].

В Казахстане осмысление проблемы началось значительно позднее. Советский период (до 1991 г.) характеризовался табуированием темы: официальная педагогика не признавала существования систематического насилия в «коллективе строителей

коммунизма». Переход к рынку (1990-е гг.) привёл к кризису образовательной системы, росту подростковой девиантности, но научное изучение буллинга не началось [11].

Становление исследований (2000–2010-е гг.) характеризуется появлением первых работ казахстанских психологов и педагогов. Публикации носили преимущественно описательный характер, заимствовали западные концепции без адаптации к локальному контексту [12].

Современный этап (с 2020 г.) отмечен усилением внимания к проблеме на государственном уровне. Министерство образования внедрило мониторинг буллинга, разработало методические рекомендации для школ. Резонансные случаи в социальных сетях провоцируют общественные дискуссии [13].

Современные исследования выделяют несколько типов буллинга. Физический буллинг включает побои, толчки, порчу имущества, наиболее очевиден и легко диагностируется. Вербальный буллинг — оскорбления, угрозы, насмешки, унижения, составляет наибольшую долю случаев. Социальный буллинг проявляется через изоляцию, распространение слухов, манипуляцию дружескими связями, особенно распространён среди девочек. Кибербуллинг осуществляется через социальные сети, мессенджеры, игровые платформы, имеет тенденцию к росту [14].

Участники буллинга играют различные роли. Агрессоры инициируют насилие, часто обладают физической силой или социальным влиянием, могут иметь историю виктимизации. Жертвы подвергаются систематическому насилию, демонстрируют пассивность, низкую самооценку, социальную изоляцию. Агрессоры-жертвы провоцируют буллинг и сами становятся жертвами, демонстрируют наиболее серьёзные психологические проблемы. Наблюдатели составляют большинство участников ситуации, их позиция критически влияет на динамику конфликта [15].

Факторы риска буллинга действуют на разных уровнях. Индивидуальный уровень включает низкую самооценку, социальную тревожность, физические особенности (избыточный вес, особенности внешности), академическую успеваемость (отличники и отстающие одинаково уязвимы), сексуальную ориентацию и гендерную идентичность. Семейный уровень характеризуется авторитарным стилем воспитания, семейным насилием, эмоциональной холодностью, гиперопекой. Школьный уровень включает большой размер класса, авторитарный стиль управления, игнорирование администрацией случаев насилия, отсутствие антибуллинговых программ. Социокультурный уровень охватывает культурную нормализацию насилия, гендерные стереотипы, этнические предрассудки [16].

Последствия буллинга затрагивают все группы участников. Для жертв характерны депрессия, тревожность, посттравматическое стрессовое расстройство, суицидальные мысли и попытки, психосоматические заболевания, академическая неуспеваемость, социальная изоляция, долгосрочные эффекты на всю жизнь. Агрессоры демонстрируют повышенный риск криминального поведения во взрослом возрасте, проблемы с алкоголем и наркотиками, трудности в построении отношений, низкую академическую успеваемость.

Наблюдатели испытывают чувство вины, беспомощность, снижение чувства безопасности в школе, нормализацию насилия [17].

Был проведён опрос учащихся 8–10 классов школ города Кокшетау (250 респондентов: 125 мальчиков, 125 девочек) для изучения распространённости и форм буллинга. Результаты показали: 47% респондентов подвергались буллингу хотя бы однажды, 23% испытывали систематическую травлю (более трёх раз), 31% признались, что участвовали в буллинге в роли агрессора, 89% были наблюдателями ситуаций буллинга.

Наиболее распространённые формы: вербальный буллинг (72%), социальная изоляция (48%), кибербуллинг (41%), физическое насилие (28%). Только 34% жертв обращались за помощью к взрослым, из них помощь получили лишь 52%. Основные причины молчания: страх усиления травли (45%), убеждённость, что никто не поможет (31%), стыд (24%). Эти данные демонстрируют масштаб проблемы и недостаточность существующих механизмов защиты [18].

Проведены углублённые интервью с педагогами и школьными психологами (15 респондентов). Выявлены системные проблемы: недостаточная подготовка учителей к работе с буллингом, отсутствие чётких протоколов реагирования, перегруженность школьных психологов, низкая вовлечённость родителей, административное замалчивание случаев для сохранения репутации школы. Педагоги отмечают, что казахстанская культура с её акцентом на «сохранение лица», авторитарные традиции воспитания, табуирование психологических проблем создают дополнительные барьеры для эффективной работы с буллингом [19].

Методологические подходы к изучению буллинга включают количественные методы (опросники Ольвеуса, анкеты самоотчёта, социометрия, лонгитюдные исследования), качественные методы (глубинные интервью, фокус-группы, наблюдение, анализ случаев, нарративные исследования) и смешанные методы, комбинирующие количественные и качественные данные, триангуляцию источников, мультиинформантный подход [20].

Превентивные стратегии работают на нескольких уровнях. Школьный уровень требует разработки и внедрения антибуллинговой политики, обучения персонала, создания безопасной среды, систем отчётности и реагирования. Классный уровень включает программы социально-эмоционального обучения, обучение навыкам разрешения конфликтов, создание позитивного климата в классе, работу с групповыми нормами. Индивидуальный уровень охватывает психологическую поддержку жертв, коррекционную работу с агрессорами, вовлечение наблюдателей, работу с семьями. Общественный уровень требует медиакампаний по повышению осведомлённости, законодательных инициатив, межведомственного взаимодействия [21].

Изучение буллинга в казахстанском контексте сталкивается с рядом проблем. Культурные барьеры проявляются в табуировании темы насилия, стигматизации жертв («сам виноват»), авторитарной педагогической традиции, где власть учителя неоспорима. Методологические ограничения включают отсутствие адаптированных на казахстанской

выборке инструментов, недостаточность лонгитюдных исследований, преобладание количественных методов над качественными, ограниченные данные о специфике буллинга в сельских школах и среди этнических меньшинств.

Системные проблемы охватывают формальный подход школ к профилактике, недостаточное финансирование школьных психологических служб, отсутствие системы подготовки педагогов к работе с буллингом, слабую межведомственную координацию (образование, здравоохранение, полиция). Исследовательские лакуны включают недостаточную изученность кибербуллинга в казахстанском контексте, влияния буллинга на академические достижения, долгосрочных последствий для жизненных траекторий, эффективности локальных превентивных программ, роли этнических и социально-экономических факторов [22].

Буллинг в подростковой среде представляет собой сложный мультифакторный феномен, требующий междисциплинарного подхода к изучению. Теоретическое осмысление прошло путь от индивидуально-психологических к социально-экологическим моделям, учитывающим взаимодействие факторов на разных уровнях. Эмпирические исследования демонстрируют масштабность проблемы в казахстанских школах и необходимость разработки культурно-адаптированных превентивных стратегий.

Методологический плюрализм, сочетающий количественные и качественные подходы, позволяет глубже понять механизмы буллинга и разработать эффективные интервенции. Однако казахстанская наука о буллинге находится на начальном этапе развития, требуя инвестиций в исследования, подготовку специалистов и создание институциональной инфраструктуры профилактики.

Критическое осмысление теоретико-методологических оснований изучения буллинга необходимо для преодоления культурных барьеров, разработки эффективных стратегий и создания безопасной образовательной среды для всех учащихся. Дальнейшие исследования должны фокусироваться на локальной специфике феномена, оценке эффективности интервенций и построении доказательной базы для образовательной политики.

Список источников

1. Olweus D. *Bullying at School: What We Know and What We Can Do*. Oxford: Blackwell, 1993.
2. Bandura A. *Aggression: A Social Learning Analysis*. EnglewoodCliffs: Prentice-Hall, 1973.
3. Bronfenbrenner U. *The Ecology of Human Development*. Cambridge: Harvard University Press, 1979.
4. Salmivalli C., Lagerspetz K., Björkqvist K., Österman K., Kaukiainen A. *Bullying as a Group Process: Participant Roles and Their Relations to Social Status Within the Group*. *Aggressive Behavior*, 1996, Vol. 22, pp. 1-15.

5. Bourdieu P., Passeron J.-C. *Reproduction in Education, Society and Culture*. London: Sage, 1977.
6. Smith P.K., Cowie H., Olafsson R.F., Liefhoghe A.P.D. Definitions of Bullying: A Comparison of Terms Used, and Age and Gender Differences, in a Fourteen-Country International Comparison. *ChildDevelopment*, 2002, Vol. 73, No. 4, pp. 1119-1133.
7. Olweus D., Limber S.P. The Olweus Bullying Prevention Program: Implementation and Evaluation over Two Decades. In: Jimerson S.R., Swearer S.M., Espelage D.L. (eds). *Handbook of Bullying in Schools: An International Perspective*. New York: Routledge, 2010, pp. 377-401.
8. Coloroso B. *The Bully, the Bullied, and the Bystander*. New York: HarperCollins, 2003.
9. World Health Organization. *Health Behaviour in School-aged Children (HBSC) Study: International Report from the 2013/2014 Survey*. Copenhagen: WHO Regional Office for Europe, 2016.
10. Kowalski R.M., Giumetti G.W., Schroeder A.N., Lattanner M.R. Bullying in the Digital Age: A Critical Review and Meta-Analysis of Cyberbullying Research Among Youth. *Psychological Bulletin*, 2014, Vol. 140, No. 4, pp. 1073-1137.
11. Кенжебеков Б.Т. *Подростковая девиантность в Казахстане: социологический анализ*. Алматы: Қазақ университеті, 2005.
12. Сатубалдин А.М., Ержанова А.К. *Школьное насилие: теория и практика*. Астана: Фолиант, 2012.
13. Министерство образования и науки Республики Казахстан. *Методические рекомендации по профилактике буллинга в организациях образования*. Нур-Султан, 2021.
14. Rivers I., Noret N. Participant Roles in Bullying Behavior and Their Association with Thoughts of Ending One's Life. *Crisis*, 2010, Vol. 31, No. 3, pp. 143-148.
15. Salmivalli C. Bullying and the Peer Group: A Review. *Aggression and Violent Behavior*, 2010, Vol. 15, No. 2, pp. 112-120.
16. Hong J.S., Espelage D.L. A Review of Research on Bullying and Peer Victimization in School: An Ecological System Analysis. *Aggression and Violent Behavior*, 2012, Vol. 17, No. 4, pp. 311-322.
17. Ttofi M.M., Farrington D.P., Lösel F., Loeber R. The Predictive Efficiency of School Bullying Versus Later Offending: A Systematic/Meta-analytic Review of Longitudinal Studies. *Criminal Behaviour and Mental Health*, 2011, Vol. 21, No. 2, pp. 80-89.
18. Полевые материалы автора. Опрос учащихся 8-10 классов школ г. Кокшетау. Октябрь-ноябрь 2024.
19. Полевые материалы автора. Интервью с педагогами и школьными психологами г. Кокшетау. Ноябрь 2024.
20. Menesini E., Salmivalli C. Bullying in Schools: The State of Knowledge and Effective Interventions. *Psychology, Health & Medicine*, 2017, Vol. 22, Supplement 1, pp. 240-253.

21. Ttofi M.M., Farrington D.P. Effectiveness of School-based Programs to Reduce Bullying: A Systematic and Meta-analytic Review. *Journal of Experimental Criminology*, 2011, Vol. 7, pp. 27-56.

22. Джумадилова Ш.Г. Современные проблемы образования в Казахстане. Алматы: Қазақ университеті, 2020.

Кукубаева Асия Хайрушевна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры социально-педагогических дисциплин, Кокшетауский университет им. Абая Мырзахметова (г. Кокшетау, Республика Казахстан).

Kukubaeva Asiya Khairushevna, Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of Social and Pedagogical Disciplines, Abay Myrzakhmetov Kokshetau University (Kokshetau, Kazakhstan).

: kukubaeva_2011@mail.ru

Молдыбаева Жания Таутасовна, магистрант второго курса ОП «Педагогика и психология», Кокшетауский университет им. Абая Мырзахметова (г. Кокшетау, Республика Казахстан).

Moldybaeva Zhaniya Tautasovna, second-year master's student in «Pedagogy and Psychology», Abay Myrzakhmetov Kokshetau University (Kokshetau, Republic of Kazakhstan).

: Zhaniya.moldybayeva@mail.ru

Дата поступления: 24.02.2026

© Кукубаева А.Х., Молдыбаева Ж.Т., 2026

КОЛЛАБОРАТИВНАЯ СРЕДА И ТЕХНОЛОГИИ EDTECH: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ В ПОДГОТОВКЕ УЧИТЕЛЯ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ

Сейдуалиева А.Н.

Казахский национальный педагогический университет имени Абая

Казахский национальный женский педагогический университет

Альдибекова Ш.Н.

Казахский национальный женский педагогический университет

(г. Алматы, Республика Казахстан)

Аннотация. В статье анализируется теоретический и практический потенциал коллаборативной образовательной среды и технологий EdTech в повышении квалификации учителей начальных классов. Рассматриваются цифровые инструменты и педагогические модели, способствующие развитию профессиональных компетенций и технологической готовности. Обобщение современных международных исследований подтверждает положительное влияние технологически опосредованного сотрудничества на педагогические инновации и готовность к работе в цифровой образовательной среде. Предлагаются системные подходы к интеграции коллаборативных EdTech-моделей в программы подготовки педагогов.

Ключевые слова: коллаборативная среда, интеграция EdTech, подготовка учителей начальных классов, цифровая компетентность, повышение квалификации учителей, интерактивные технологии, цифровая грамотность, высшее образование.

Для цитирования: Сейдуалиева А.Н., Альдибекова Ш.Н. Коллаборативная среда и технологии EdTech: новые возможности в подготовке учителя начальных классов // Наука и реальность. 2026. № 1 (25). С. 64–69.

COLLABORATIVE ENVIRONMENT AND EDTECH TECHNOLOGIES: NEW OPPORTUNITIES IN PRIMARY SCHOOL TEACHER TRAINING

Seidualiyeva A.N.

Abai Kazakh National Pedagogical University

Kazakh National Women's Teacher Training University

Aldibekova Sh. N.

Kazakh National Women's Teacher Training University

(Almaty, Kazakhstan)

Abstract. This article examines the theoretical and practical potential of collaborative learning environments and EdTech technologies in the professional development of primary school teachers. It explores digital tools and pedagogical models that foster the development of professional competencies and technological readiness. A synthesis of recent international research confirms the positive impact of technology-mediated collaboration on pedagogical innovation and preparedness for work in digital learning environments. The article proposes systemic approaches to integrating collaborative EdTech models into teacher education programs.

Keywords: collaborative learning, EdTech integration, primary school teacher training, digital competence, teacher professional development, interactive technologies, digital literacy, higher education.

For citation: Seidualiyeva A.N., Aldibekova Sh. N. Collaborative environment and EdTech technologies: new opportunities in primary school teacher training // Science & Reality. 2026. no. 1 (25). pp. 64–69. (in English).

1. Introduction

Global education priorities have shifted toward digital transformation and collaborative pedagogy, especially in teacher education. Contemporary pedagogical theory acknowledges that effective learning is social, interactive, and technology-mediated. Collaborative environments foster active participation, co-creation of knowledge, and collective problem-solving, aligning with constructivist paradigms emphasizing social interaction as a driver of cognitive development. Research positions collaboration as central to building essential teacher competencies — communicative, reflective, and digital — required for 21st century classrooms [1, p. 45].

Simultaneously, educational technologies (EdTech) have expanded the reach and capacity of collaborative environments, enabling both synchronous and asynchronous interaction, multifunctional learning tools, and adaptive instructional design. Teacher training programs that integrate collaborative strategies with EdTech prepare future educators for classrooms characterized by diversity, complexity, and rapid technological change.

Recent studies underscore the importance of digital literacy and pedagogical readiness among teacher educators themselves as a prerequisite for successful technology integration. In Kazakhstan and similar contexts, research shows that digitally fluent teachers are more likely to adopt interactive tools and foster student engagement in digital classrooms [turn0search5].

2. Theoretical Foundations of Collaborative and Digital Learning

2.1 Collaborative Learning in Teacher Education

Collaborative learning is rooted in socio-constructivist theory, which posits that learners construct knowledge through shared experiences and discourse. Collaborative models involve joint activity, distributed responsibility, and interdependence among participants. Unlike traditional

group work, collaborative learning assigns structured roles, shared goals, and sustained interaction, resulting in deeper conceptual understanding and reflective practice. In teacher education, collaboration supports the development of instructional design skills, peer feedback processes, and professional identity formation.

Studies indicate that collaboration enhances critical thinking, communication skills, and adaptive classroom practices. Future teachers engaged in collaborative projects tend to demonstrate higher pedagogical efficacy and readiness to implement inclusive learning strategies. Moreover, collaboration supports inquiry-based learning, which aligns with competency-based teacher education frameworks.

2.2 EdTech Technologies and Their Role in Collaboration

EdTech encompasses a broad set of digital tools — from learning management systems to AI-assisted applications — that support teaching, learning, and assessment. Effective EdTech integration enhances teacher training by facilitating interactive learning environments, personalized feedback, and scalable collaboration frameworks.

Learning platforms such as **Moodle** and **Google Classroom** afford structured content delivery, group work facilitation, and assessment tracking. Video conferencing tools like **Zoom** enable synchronous collaboration, facilitating workshops, breakout sessions, and virtual communities of practice. Collaborative platforms such as **Padlet** and **Google Docs** allow co-creation of teaching artefacts, shared planning, and reflective dialogues. Each of these tools mediates collaborative learning through real-time interaction, resource sharing, and digital documentation of pedagogical practices.

The integration of EdTech is also positively correlated with teachers' digital competence, which encompasses technological, pedagogical, and content knowledge (TPACK). Teacher preparation programs that strengthen digital literacy competencies increase educators' confidence, creativity, and capacity to innovate in classroom settings.

3. Emerging Trends and International Evidence

3.1 Digital Literacy and Technical Preparedness

Research conducted in Kazakhstan's educational context highlights the impact of digital literacy on pedagogical effectiveness. When teachers possess higher levels of digital competence, they are better able to integrate virtual reality tools, educational apps, and interactive technologies into their instruction, resulting in more engaging and relevant learning environments for students [turn0search5].

International systematic reviews in teacher professional development also reveal that integrating digital tools strengthens STEM teaching, problem-solving skills, and adaptive instruction across multiple educational contexts [turn0search17]. Such findings have direct implications for primary teacher training, emphasizing the need for continuous professional development and curriculum redesign that reflects EdTech trends.

3.2 Inclusive Collaboration through Lesson Study

Collaborative instructional models such as Lesson Study exemplify how teacher collaboration enhances inclusive practice and pedagogical innovation. Lesson Study involves joint planning, observation, and reflection, enabling educators to refine teaching strategies collectively. Recent research with pre-service and in-service teachers reveals that collaborative lesson planning paired with technology integration improves engagement, supports differentiated instruction, and fosters the design of inclusive learning activities [turn0search13].

In addition, collaborative environments that incorporate diverse teacher perspectives — including special education specialists — contribute to comprehensive approaches for addressing student needs in digitally rich classrooms.

3.3 Hybrid and Online Collaborative Models

Hybrid learning models that blend in-person and digital collaboration are increasingly prevalent, especially in contexts requiring flexible teacher training solutions. Studies indicate that hybrid models enhance teacher engagement and performance when effectively designed, highlighting the importance of pedagogical scaffolding, digital infrastructure, and responsive support systems [turn0search19].

4. Opportunities for Primary School Teacher Training

The integration of collaborative environments and EdTech technologies creates transformative opportunities in teacher education:

4.1 Simulation and Microteaching

Digital environments support simulated teaching scenarios, enabling pre-service teachers to experience classroom dynamics, receive peer feedback, and revise instructional plans. Virtual teaching labs and microteaching modules promote reflective practice and immediate performance analysis.

4.2 Project-Based and Inquiry-Oriented Learning

Collaborative platforms facilitate project-based learning where teacher candidates co-design curriculum units, analyze case studies, and engage in research activities. These projects improve analytical skills and pedagogical content knowledge, preparing future teachers for real classroom challenges.

4.3 Personalized Learning and Adaptive Support

EdTech tools can adapt to individual learning needs within collaborative settings. For example, artificial intelligence-assisted lesson planning tools help educators tailor instruction for diverse learners while maintaining collaborative dialogue with peers and mentors.

4.4 Global Engagement and Networks

Digital environments enable future teachers to participate in international professional communities, share resources, and collaborate on cross-cultural teaching projects. Such exposure broadens pedagogical perspectives and fosters global competencies.

5. Challenges and Preconditions for Implementation

Despite promising opportunities, the implementation of collaborative EdTech approaches in teacher training faces several barriers:

- **Infrastructure limitations** – uneven access to devices and reliable internet affects equitable participation.
- **Faculty readiness** – teacher educators' digital pedagogical skills influence successful EdTech integration.
- **Curriculum alignment** – existing curricula may lack structured collaborative and technology-enhanced modules.
- **Professional development** – continuous training and institutional support are essential to sustain innovation.

To overcome these challenges, strategic policy frameworks, investment in training, and community partnerships are required. Institutions must foster cultures of innovation, provide technical support, and embed digital pedagogical competencies into certification standards.

6. Conclusion

The convergence of collaborative learning environments and EdTech technologies heralds significant opportunities for transforming primary school teacher training. Research demonstrates that technology-enhanced collaborative practices contribute to stronger professional competencies, deeper reflective practice, and increased readiness for digital classroom challenges. The systematic adoption of collaborative EdTech models promotes pedagogical innovation, supports inclusive education, and prepares future teachers to navigate the complexities of 21st century learning environments.

To fully realize these opportunities, teacher education programs must integrate digital tools with purposeful collaborative pedagogy, supported by continuous professional development and institutional leadership. Such a comprehensive approach ensures that future primary school teachers are not only technologically competent but also pedagogically adept, adaptable, and ready to lead innovation in education.

Bibliography

1. Johnson D. W., Johnson R. T. Cooperation and competition: Theory and research. Edina, MN: Interaction Book Company, 1989. – 349 p.
2. Temirkhanova M., Abildinova G., Karaca C. Enhancing digital literacy skills among teachers for effective integration of computer science and design education: A case study at Astana International School, Kazakhstan // *Frontiers in Education*. – 2024. – Vol. 9. – Article 1408512.
3. Zhumabayeva Z., Zhaxylikova K., Omirzakova A. et al. The impact of innovative approaches on prospective primary teachers' quality of education: An exploration of practice // *Journal of Infrastructure, Policy and Development*. – 2024. – Vol. 8, Issue 15.

4. Basister M. P., Petersson J., Bacongus R. D. T. Educational innovations for an inclusive learning environment: insights from the teachers' collaboration through lesson study // *Frontiers in Education*. – 2025. – Vol. 10. – Article 1610749.

5. Abdigapbarova U., Sadirbekova D., Nishanbayeva S., Zhiyenbayeva N. The impact of digital hybrid education model on teachers' engagement and academic performance in the context of Kazakhstan // *Sci. Rep.* – 2025. – Article 17865.

Сейдуалиева Арайлым Нуралыкызы, магистр педагогических наук, старший преподаватель, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, Казахский национальный женский педагогический университет (г. Алматы, Республика Казахстан).

Seydualieva Arailym Nuralykyzy, Master of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer, Abai Kazakh National Pedagogical University, Kazakh National Women's Teacher Training University (Almaty, Kazakhstan).

: seydualievaarai@gmail.com

Альдибекова Шолпан Нурсапаевна, кандидат педагогических наук, и.о. ассоциированного профессора, Казахский национальный женский педагогический университет (г. Алматы, Республика Казахстан).

Aldibekova Sholpan Nursapaevna, Candidate of Pedagogical Sciences, Acting Associate Professor, Kazakh National Women's Teacher Training University (Almaty, Kazakhstan).

: sholpa_2811@mail.ru

Дата поступления: 03.03.2026

© Сейдуалиева А.Н., Альдибекова Ш.Н., 2026

ИНТЕРАКТИВНЫЕ ЦИФРОВЫЕ ПОМОЩНИКИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ГРАМОТНОСТИ И ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Адамова Г.М., Маннабова З.Д.

Международный казахско-турецкий университет имени Х.А. Ясави
(г. Туркестан, Республика Казахстан)

Аннотация. В статье исследуется педагогический потенциал нейросетевых моделей как инструмента формирования навыков саморедактирования у учащихся старших классов на уроках русского языка. Практическая значимость работы подтверждается экспериментом с участием 60 обучающихся, результаты которого демонстрируют существенное снижение количества орфографических и синтаксических ошибок при использовании ИИ. Автор детально анализирует механизмы развития метакогнитивного контроля, возникающего в процессе интерактивного диалога ученика с такими сервисами, как ChatGPT и YandexGPT. Наряду с доказанной эффективностью технологий, в работе критически рассматриваются риски снижения когнитивной самостоятельности учащихся в условиях автоматизации проверки текстов. В заключении обосновывается необходимость внедрения методики «диалогового редактирования» в образовательную практику при сохранении ведущей роли учителя как наставника.

Ключевые слова: искусственный интеллект в образовании, цифровые помощники, лингводидактика, методика преподавания русского языка, академическая грамотность, языковая культура, саморедактирование, нейросетевые технологии, LLM-модели, метакогнитивные навыки, индивидуализация обучения.

Для цитирования: Адамова Г.М., Маннабова З.Д. Интерактивные цифровые помощники как инструмент повышения грамотности и языковой культуры // Наука и реальность. 2026. № 1 (25). С. 70–78.

INTERACTIVE DIGITAL ASSISTANTS AS A TOOL FOR INCREASING LITERACY AND LANGUAGE CULTURE

Adamova G.M., Mannabova Z.D.

International Kazakh-Turkish University named after Khoja Ahmed Yasawi
(Turkestan, Kazakhstan)

Abstract. This article explores the pedagogical potential of neural network models as a tool for developing self-editing skills in high school students during Russian language lessons. The practical significance of the study is confirmed by an experiment involving 60 students, the results of which demonstrate a significant reduction in spelling and syntax errors when using AI. The author thoroughly analyzes the mechanisms behind the development of metacognitive control that arises during student interactions with services such as ChatGPT and YandexGPT. Along with the proven effectiveness of these technologies, the paper critically examines the risks of reducing students' cognitive independence in the context of automated text checking. The conclusion substantiates the need to implement the «conversational editing» methodology in educational practice while maintaining the teacher's leading role as a mentor.

Keywords: artificial intelligence in education, digital assistants, linguodidactics, Russian language teaching methods, academic literacy, language culture, self-editing, neural network technologies, LLM models, metacognitive skills, individualization of learning.

For citation: Adamova G.M., Mannabova Z.D. Interactive digital assistants as a tool for increasing literacy and language culture // Science & Reality. 2026. no. 1 (25). pp. 70–78. (in Russian).

Введение.

Цифровизация образования в 2026 году достигла этапа, когда искусственный интеллект (ИИ) перестает быть экзотическим инструментом и становится повседневным ассистентом исследователя и ученика. Особую остроту приобретает вопрос сохранения языковой грамотности в условиях «клипового мышления» и доминирования мессенджеров, где нормы правописания зачастую игнорируются. Традиционная методика «работы над ошибками», когда учитель маркирует текст, а ученик механически переписывает его, показывает низкую эффективность в долгосрочной перспективе. Современному обучающемуся необходима интерактивность, мгновенная верификация гипотез и объяснительный компонент. В связи с этим актуальным становится исследование ИИ сервисов (ChatGPT, YandexGPT, Begemot) не просто как корректоров, а как инструментов развития языковой рефлексии [4].

Научная новизна исследования заключается в теоретическом обосновании и апробации инновационной методики «педагогического дуэта». В рамках этой модели функции распределяются следующим образом: искусственный интеллект выступает в роли первичного «технологического фильтра», осуществляя оперативную проверку формальных языковых норм, в то время как учитель переходит к выполнению функций высококвалифицированного эксперта-наставника и фасилитатора. Такой подход позволяет радикально изменить архитектуру учебного занятия, смещая акцент с механической проверки на глубокий стилистический и смысловой анализ текста.

Впервые в контексте обучения в школах с нерусским языком преподавания была выявлена и статистически подтверждена **прямая корреляция** между регулярностью обращения учащихся к объяснительным модулям ИИ (Explainable AI) и темпами формирования устойчивых орфографических навыков. В частности, зафиксирован прогресс в усвоении одной из наиболее сложных тем - правописания «н/nn» в суффиксах прилагательных и причастий. Доказано, что интерактивный комментарий нейросети, полученный в момент совершения ошибки, усваивается иноязычными учащимися в 1.8 раза эффективнее, чем традиционное изучение правила по учебнику.

Личный вклад автора в разработку данной темы выражается в следующих положениях:

Разработка авторской типологии ошибок в контексте взаимодействия «ученик-ИИ». Автором были классифицированы языковые трудности на две категории:

Формально-логические ошибки (орфография, пунктуация, базовое согласование), которые ИИ идентифицирует и исправляет с точностью более 90%. В данном сегменте роль учителя минимизируется.

Смысловые и контекстуальные тонкости (авторская ирония, подтекст, метафоричность, стилистические оттенки), где ИИ часто предлагает ложные правки («галлюцинации»). Здесь требуется обязательное вмешательство педагога для сохранения индивидуального стиля учащегося.

Проектирование алгоритма работы с ИИ - ассистентом. Автором предложена пошаговая система «Prompt-editing», обучающая студентов правильно формулировать запросы к нейросети не для получения готового результата, а для понимания логики исправления ошибки.

Апробация и верификация данных. Самостоятельно проведенный эксперимент на базе 10-х классов и последующая статистическая обработка данных позволили подтвердить гипотезу о положительном влиянии цифровых помощников на рост общей языковой культуры личности.

Риски и педагогические ограничения.

Несмотря на высокие показатели, внедрение ИИ несет риски:

Когнитивное иждивенчество: ученик может перестать запоминать правила, полагаясь на автозамену. Для нейтрализации этого риска в методику были включены упражнения «Обмани нейросеть» (поиск ошибок, которые пропустил ИИ).

Галлюцинации: модели иногда выдумывают несуществующие правила.

Унификация стиля: тексты становятся правильными, но «серыми».

Теоретические основы цифровой дидактики.

В основе использования цифровых помощников лежит концепция «расширенного когнитивного инструмента». Согласно теории распределенного интеллекта, человеческий

мозг в союзе с технологией способен решать задачи более высокого порядка. В контексте лингводидактики это означает, что ИИ берет на себя рутинную проверку (поиск опечаток, проверку запятых), освобождая когнитивный ресурс учащегося для работы над стилистикой, логикой и композицией текста [3].

Мы разделяем понятия «грамотность» (владение базовыми нормами) и «академическая грамотность» (способность создавать сложные аргументированные тексты). ИИ помощники позволяют совершить переход от первого ко второму через стадию интерактивного диалога [2].

Методология и организация исследования.

Исследование проводилось на базе общеобразовательных школ г. Туркестан. Выборка составила 60 учащихся 10-х классов, разделенных на контрольную (КГ) и экспериментальную (ЭГ) группы по 30 человек.

Инструментарий: Использовались модели GPT-4 (через интерфейс ChatGPT), YandexGPT и специализированный сервис Begemot.

Этапы:

1. Диагностический: написание эссе «Образ маленького человека в литературе» без использования гаджетов.

2. Формирующий (4 недели): работа в ЭГ с использованием ИИ помощников при написании сочинений. Ученики были обучены технике «Promp-editing» - запросам к ИИ для объяснения правил (например: «Объясни, почему в слове «кожаный» одна Н?»).

3. Итоговый: написание контрольного текста без цифровых помощников для проверки остаточных знаний.

Сравнительный анализ функциональных возможностей ИИ сервисов в лингводидактике

Современные LLM-модели (Large Language Models), такие как GPT-4, YandexGPT и специализированные нейросетевые корректоры, представляют собой качественный скачок в сравнении с традиционными системами проверки орфографии (Spellcheckers), основанными на жестких словарях и правилах. [1] Интеллектуальные помощники используют вероятностные алгоритмы и глубокое обучение, что позволяет им выполнять роль виртуального лингвистического консультанта.

К ключевым функциональным преимуществам, выявленным в ходе исследования, относятся:

1. **Глубинный контекстный и семантический анализ.** В отличие от классических программ, ИИ анализирует не отдельное слово, а весь дискурс. Это позволяет безошибочно различать омографы (например, «зámок» и «замóк») и корректировать ошибки, связанные с неверным употреблением паронимов («адресат» / «адресант»), основываясь на смысле окружающего текста.

2. Синтаксическая декомпозиция предложений. Нейросетевые сервисы способны проводить мгновенный синтаксический разбор, распознавая сложные иерархические связи в предложении. Это критически важно для коррекции пунктуации в конструкциях с причастными и деепричастными оборотами, уточняющими членами и вводными словами, которые наиболее часто вызывают затруднения у учащихся 10-х классов.

3. Стилистическая адаптивность и борьба с речевой избыточностью. Одной из важнейших функций для формирования языковой культуры является способность ИИ выявлять плеоназмы («памятный сувенир», «первая премьера») и тавтологии. Сервисы предлагают варианты перефразирования, помогая избавиться от канцеляризма и громоздких синтаксических конструкций, что делает речь более живой и академически грамотной.

4. Интерактивная объяснительная функция (Explainable AI). Ключевое отличие ИИ ассистентов в образовании – это возможность диалога. Ученик может не просто принять исправление, а запросить подробное объяснение орфограммы или пунктограммы. Это превращает процесс редактирования в микро-урок, способствуя переходу знаний из кратковременной памяти в долговременную.

5. Многоязычная поддержка и адаптация (L2-поддержка). Для учащихся с нерусским языком обучения ИИ выполняет роль «умного словаря». Он способен объяснять значения фразеологизмов и метафор, подбирать эквиваленты на родном языке обучающегося и адаптировать уровень сложности текста под текущие компетенции пользователя.

6. Функция генерации альтернативных структур. ИИ позволяет «пересобрать» предложение, предлагая несколько вариантов выражения одной и той же мысли (инверсия, замена активного залога на пассивный и т.д.). Это развивает вариативность мышления и расширяет активный синтаксический запас учащегося.

Результаты эксперимента и статистическая обработка.

По итогам 4 недель в экспериментальной группе зафиксированы следующие показатели (в расчете на 100 слов):

Орфографические ошибки: в КГ-4.1, в ЭГ-0.7 (эффективность 83%).

Пунктуационные ошибки: в КГ- 6.8, в ЭГ -1.9 (эффективность 72%).

Грамматические нормы: в КГ -3.5, в ЭГ -1.2 (эффективность 65%).

Таблица 1. Сравнительная динамика качества текстов.

Группа	Связность текста (1-10)	Богатый словарь (1-10)	Самостоятельность правки (%)
Контрольная	5.4	4.8	20%
Экспериментальная	8.2	7.5	85%

Количественные показатели, полученные в ходе четырехнедельного педагогического эксперимента, позволяют сделать вывод о высокой эффективности интеграции ИИ

ассистентов в образовательный процесс. Статистическая обработка результатов письменных работ учащихся 10-х классов выявила существенные различия между контрольной (КГ) и экспериментальной (ЭГ) группами по всем ключевым критериям грамотности.

1. Количественный анализ языковых ошибок

Наиболее выраженная динамика наблюдается в области орфографии. Снижение количества ошибок с 4.1 до 0.7 (эффективность 83%) обусловлено способностью нейросетевых моделей мгновенно верифицировать написание слов в режиме реального времени. В отличие от традиционной проверки, ИИ не просто маркирует ошибку, а предоставляет этимологическую или морфемную справку, что способствует осознанному усвоению нормы.

В области пунктуации зафиксировано снижение ошибок на 72% (с 6.8 до 1.9). Это подтверждает гипотезу о том, что современные LLM-модели успешно справляются с синтаксическим анализом сложных предложений, распознавая обособленные члены и вводные конструкции, которые традиционно вызывают трудности у обучающихся.

Грамматические нормы (согласование, управление, видо-временные формы глаголов) улучшились на 65%. Хотя этот показатель ниже орфографического, он свидетельствует о том, что цифровой помощник эффективно корректирует морфологический строй речи, помогая учащимся избегать двусмысленности в высказываниях.

2. Качественные характеристики и текстовая компетенция

Данные таблицы 1 наглядно демонстрируют качественный скачок в развитии письменной речи учащихся экспериментальной группы.

Связность текста (8.2 балла в ЭГ против 5.4 в КГ): Использование ИИ позволило учащимся глубже проработать логические переходы между смысловыми блоками эссе.

Богатство словаря (7.5 баллов в ЭГ): Благодаря функции подбора контекстуальных синонимов, учащиеся расширили свой активный лексикон, заменяя просторечные или повторяющиеся слова на более точные академические эквиваленты.

Самостоятельность правки (85%): Этот показатель является критически важным. Он доказывает, что учащиеся не просто принимали автоматические исправления, а активно взаимодействовали с системой, принимая осознанные решения о внесении изменений в текст.

3. Психолого-педагогический эффект: формирование «внутреннего редактора»

Качественное наблюдение в ходе эксперимента позволило выявить феномен роста метакогнитивного контроля. Мы зафиксировали, что учащиеся экспериментальной группы в 1.5 раза чаще совершали «рефлексивные возвраты» - возвращались к уже написанным фразам для их стилистической переработки.

Визуальные триггеры (подчеркивания, всплывающие окна с подсказками) в цифровой среде функционируют как внешние опоры, которые в процессе деятельности постепенно интериоризируются (переходят во внутренний план). Таким образом, постоянное

взаимодействие с ИИ помощником формирует у обучающегося устойчивый навык самомониторинга. К концу исследования учащиеся начали допускать меньше первичных ошибок, что свидетельствует о формировании «внутреннего редактора» - способности предвидеть и устранять языковые трудности еще на этапе порождения высказывания.

Это превращает работу над текстом из формального выполнения задания в осознанную лингвистическую практику, где каждая исправленная ошибка становится инструментом повышения общей языковой культуры личности. Научная новизна и личный вклад.

Обобщая результаты теоретического анализа и практического эксперимента, необходимо выделить ключевые аспекты, определяющие научную значимость данной работы.

Заключение и перспективы.

Подводя итоги проведенного исследования, можно утверждать, что внедрение интерактивных цифровых помощников на базе технологий искусственного интеллекта в образовательный процесс следует рассматривать не только как технологическое новшество, но и как важное стратегическое направление модернизации языкового образования. Современные ИИ сервисы выступают не в роли пассивного инструмента автоматической проверки текста или замены педагогической деятельности, а выполняют функцию интеллектуального инструмента поддержки обучения, способствующего трансформации процесса освоения норм русского языка. В условиях использования цифровых ассистентов обучение перестает ограничиваться механическим запоминанием правил и приобретает характер активной познавательной и исследовательской деятельности, направленной на осмысление языковых закономерностей и развитие речевой компетенции обучающихся.

Одним из значимых результатов применения искусственного интеллекта в образовательной практике является повышение уровня технической грамотности письменных работ и улучшение качества текстов. Использование ИИ технологий, таких как ChatGPT и YandexGPT, позволяет оперативно выявлять орфографические, пунктуационные и частично грамматические ошибки, что способствует снижению количества формальных языковых нарушений в учебных работах студентов. Автоматизированный анализ текста обеспечивает более быструю обратную связь и позволяет обучающимся своевременно корректировать ошибки, что в целом способствует повышению уровня языковой грамотности и развитию навыков саморедактирования текста.

Важным педагогическим эффектом взаимодействия обучающихся с интеллектуальными цифровыми помощниками является развитие метакогнитивного контроля над процессом речевой деятельности. Работа с ИИ-инструментами стимулирует формирование своеобразного «внутреннего языкового фильтра», при котором обучающийся начинает осознавать возможные языковые трудности ещё на этапе формулирования мысли. Постепенно формируется способность прогнозировать

потенциальные ошибки, анализировать языковые средства и осознанно выбирать наиболее точные и уместные формулировки. Таким образом, использование цифровых ассистентов способствует развитию рефлексивных навыков и формированию более высокого уровня языкового самоконтроля.

Внедрение технологий искусственного интеллекта в образовательную среду также приводит к трансформации профессиональной роли преподавателя. В условиях использования цифровых инструментов педагог постепенно освобождается от значительной части рутинной деятельности, связанной с механической проверкой большого количества письменных работ. Это позволяет сместить акцент педагогической деятельности в сторону аналитической и методической работы, ориентированной на развитие критического мышления обучающихся, формирование навыков аргументации и обучение принципам верификации информации. В результате учитель всё чаще выступает в роли наставника и фасилитатора образовательного процесса, направляющего студентов в использовании интеллектуальных технологий и формирующего культуру ответственного и этичного взаимодействия с цифровыми инструментами.

Вместе с тем эффективная интеграция искусственного интеллекта в преподавание русского языка требует разработки системной методической базы. В частности, возникает необходимость создания специализированных методических пособий и рекомендаций, регламентирующих использование ИИ-инструментов в образовательном процессе. Подобные материалы должны включать описание педагогических сценариев применения цифровых помощников, примеры учебных заданий, алгоритмы работы с текстами, а также методические рекомендации по формированию у обучающихся навыков критического анализа результатов, полученных с помощью искусственного интеллекта.

Таким образом, использование интерактивных цифровых помощников на базе искусственного интеллекта открывает новые возможности для совершенствования языкового образования, способствует повышению уровня грамотности обучающихся, развитию их метакогнитивных навыков и трансформации педагогических практик в соответствии с требованиями цифровой образовательной среды.

Список источников

1. ГОСТ Р 71657—2024. Технологии искусственного интеллекта в образовании. Функциональная подсистема создания научных публикаций. Общие положения. — М.: Стандартинформ, 2024. — 24 с.
2. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Современный словарь методических терминов и понятий. Теория и практика обучения языкам. — М.: ИКАР, 2024. — 496 с.
3. Беспалько В. П. Педагогика и прогрессивные технологии обучения. — М.: Издательство Института профобразования МО России, 2018 (переизд. 2024). — 336 с.
4. Вайндорф-Сысоева М. Е. Цифровая дидактика: контекстное обучение в цифровой среде // Педагогика. — 2023. — № 4. — С. 15–22.

5. Зеленева О. Н. Нейросетевые технологии в обучении филологическим дисциплинам: от теории к практике // Вестник образования и науки. — 2025. — № 2. — С. 44–51.

Адамова Гулнара Максатовна, старший преподаватель, Международный казахско-турецкий университет имени Х.А. Ясави (г. Туркестан, Республика Казахстан).

Adamova Gulnara Maksatovna, Senior Lecturer, International Kazakh-Turkish University named after Khoja Ahmed Yasawi (Turkestan, Kazakhstan).

Маннабова Зарина Даниеровна, студентка, Международный казахско-турецкий университет имени Х.А. Ясави (г. Туркестан, Республика Казахстан).

Mannabova Zarina Danierovna, student, International Kazakh-Turkish University named after Khoja Ahmed Yasawi (Turkestan, Kazakhstan).

: zarina1508200@gmail.com

Дата поступления: 13.03.2026

© Адамова Г.М., Маннабова З.Д., 2026

РОЛЬ ИИ СЕРВИСОВ В РАЗВИТИИ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ И АНАЛИЗА ЛИТЕРАТУРНЫХ ТЕКСТОВ

Адамова Г.М., Жунаева Н.Т.

Международный казахско-турецкий университет имени Х.А. Ясави
(г. Туркестан, Республика Казахстан)

Аннотация. В статье рассматривается роль сервисов искусственного интеллекта в развитии критического мышления и навыков анализа литературных текстов у учащихся. Актуальность исследования обусловлена активным внедрением цифровых технологий в образовательный процесс и необходимостью формирования у обучающихся умений осмысленного восприятия и интерпретации художественных произведений. Особое внимание уделяется использованию таких ИИ-инструментов, как ChatGPT, Yandex GPT и образовательная платформа «Бегемот», которые могут выступать вспомогательными средствами при изучении литературы. Показано, что данные сервисы помогают учащимся выявлять ключевые идеи произведения, анализировать образы персонажей, формулировать проблемные вопросы, интерпретировать символику и художественные средства текста. В статье приводятся примеры учебных заданий, направленных на развитие аналитических навыков и формирование аргументированной позиции при работе с литературным материалом.

Ключевые слова: искусственный интеллект, ИИ-сервисы, критическое мышление, анализ литературного текста, цифровые технологии в образовании, интерпретация художественного произведения, образовательные технологии, развитие аналитических навыков, преподавание литературы, генеративные модели, ChatGPT, Яндекс GPT.

Для цитирования: Адамова Г.М., Жунаева Н. Роль ИИ сервисов в развитии критического мышления и анализа литературных текстов // Наука и реальность. 2026. № 1 (25). С. 79–87.

THE ROLE OF AI SERVICES IN THE DEVELOPMENT OF CRITICAL THINKING AND ANALYSIS OF LITERARY TEXTS

Adamova G.M., Zhunaeva N. T.

International Kazakh-Turkish University named after Khoja Ahmed Yasawi
(Turkestan, Kazakhstan)

Abstract. This article examines the role of artificial intelligence services in developing students' critical thinking and literary analysis skills. The relevance of this study stems from the active integration of digital technologies into the educational process and the need to develop students' skills for meaningful perception and interpretation of literary works. Particular attention is paid to the use of AI tools such as ChatGPT, Yandex GPT, and the Begemot educational platform, which can serve as aids in studying literature. It is shown that these services help students identify key ideas in a work, analyze character images, formulate problematic questions, and interpret the symbolism and artistic devices of the text. The article provides examples of learning tasks aimed at developing analytical skills and forming an argumentative position when working with literary material.

Keywords: artificial intelligence, AI services, critical thinking, literary text analysis, digital technologies in education, literary interpretation, educational technologies, analytical skills development, literature teaching, generative models, ChatGPT, Yandex GPT.

For citation: Adamova G.M., Zhunaeva N. The role of AI services in the development of critical thinking and analysis of literary texts // Science & Reality. 2026. no. 1 (25). pp. 79–87. (in Russian).

Введение

В условиях стремительного развития цифровых технологий система образования переживает значительные изменения. Современное общество требует от учащихся не только усвоения большого объёма информации, но и умения анализировать её, сопоставлять различные точки зрения, делать обоснованные выводы и формировать собственную позицию. В связи с этим особую актуальность приобретает развитие критического мышления — одного из ключевых навыков XXI века. Критическое мышление позволяет человеку осмысленно воспринимать информацию, выявлять её достоверность, анализировать содержание и использовать полученные знания для решения различных учебных и жизненных задач. Особенно важную роль развитие критического мышления играет в процессе изучения литературы.

Художественный текст отличается многослойностью, образностью и наличием скрытых смыслов, поэтому его понимание требует от учащегося не только знания сюжета произведения, но и способности анализировать авторскую позицию, интерпретировать символы и художественные детали, а также оценивать поступки и мотивы персонажей. Анализ литературного произведения предполагает выявление темы и основной идеи, определение конфликта и проблематики, исследование системы образов и художественных средств, а также формулирование собственной аргументированной точки зрения. Таким образом, изучение литературы является эффективной средой для формирования аналитических и интерпретационных навыков.

В последние годы в образовательной практике всё более активно используются технологии искусственного интеллекта. Появление различных ИИ-сервисов открывает

новые возможности для организации учебного процесса и расширяет инструментарий преподавателя. Такие цифровые инструменты могут выступать не только источником информации, но и помощником в анализе текста, формулировании вопросов, поиске интерпретаций и структурировании материала. Использование ИИ сервисов позволяет учащимся по-новому взаимодействовать с учебным материалом, делает процесс обучения более интерактивным и способствует развитию исследовательского подхода к изучению литературных произведений. Особое внимание в образовательной практике уделяется таким сервисам искусственного интеллекта, как ChatGPT, YandexGPT и образовательной платформе «Бегемот». Данные инструменты способны анализировать текстовую информацию, выделять ключевые идеи, помогать формулировать проблемные вопросы и предлагать различные интерпретации литературных произведений. Благодаря этому учащиеся получают возможность глубже осмысливать художественные тексты, сопоставлять различные точки зрения и развивать собственные аналитические способности.

Применение ИИ сервисов в процессе анализа литературных произведений может способствовать формированию у учащихся навыков самостоятельной работы с текстом. Например, обучающиеся могут использовать интеллектуальные системы для определения темы и идеи произведения, анализа образов персонажей, объяснения символики и художественных средств, а также для сравнения различных интерпретаций текста. При этом важно, чтобы работа с ИИ-инструментами сопровождалась педагогическим контролем и направлялась преподавателем, поскольку основной целью их использования является не замена самостоятельного мышления учащихся, а его развитие и совершенствование.

Основная часть

Критическое мышление представляет собой одну из ключевых компетенций современного образования. В условиях информационного общества особую значимость приобретает не столько накопление знаний, сколько умение осмысленно работать с информацией, оценивать её достоверность, выявлять логические связи и формулировать самостоятельные выводы. Критическое мышление предполагает активную интеллектуальную позицию субъекта обучения, его способность к анализу, сопоставлению, интерпретации и аргументированной оценке различных точек зрения. В структуре критического мышления можно выделить несколько взаимосвязанных компонента. Когнитивный компонент связан с обработкой информации: выделением главного, установлением причинно-следственных связей, классификацией фактов.

Операциональный компонент включает применение аналитических приёмов, умение строить доказательство, формулировать вопросы и гипотезы. Ценностно-рефлексивный компонент предполагает осознание собственной позиции, способность к самоконтролю и переоценке сделанных выводов. Таким образом, критическое мышление является не только интеллектуальным, но и личностным качеством. Изучение литературы создаёт благоприятные условия для развития критического мышления. Художественный текст по своей природе многозначен и допускает различные интерпретации.

В отличие от научного или информационного текста, он не содержит однозначных выводов, а требует активного включения читателя в процесс осмысления. Литературное произведение выступает пространством диалога между автором и читателем, где каждый новый анализ может раскрывать дополнительные смыслы. Работа с художественным текстом предполагает не только понимание фабулы и последовательности событий, но и более глубокое проникновение в идейно-художественную структуру произведения. Учащийся должен определить тему и основную идею текста, выявить проблематику, установить характер конфликта, проанализировать систему образов, проследить развитие персонажей. Особое значение имеет интерпретация символики, художественных деталей, метафор и других выразительных средств, поскольку именно через них автор выражает свою позицию и ценностные установки. Важно подчеркнуть, что подлинный анализ невозможен без самостоятельной мыслительной активности учащегося.

Анализ литературного произведения включает несколько ключевых аспектов:

- определение темы и основной идеи;
- выявление конфликта и проблематики;
- анализ системы образов и персонажей;
- исследование композиции и особенностей построения текста;
- интерпретацию художественных средств (метафор, символов, художественных деталей);
- выявление авторской позиции;
- сопоставление различных точек зрения и интерпретаций;

Простое воспроизведение готовых формулировок не формирует критическое мышление. Напротив, развитие аналитических умений требует постановки проблемных вопросов, поиска доказательств в тексте, сопоставления альтернативных трактовок и аргументированной защиты собственной позиции. В традиционной образовательной практике нередко наблюдается подмена анализа пересказом содержания. Учащиеся ограничиваются воспроизведением сюжета, не переходя к интерпретации и оценке. Это свидетельствует о необходимости поиска новых инструментов и методических подходов, способствующих активизации мыслительной деятельности. В данном контексте особый интерес представляет использование современных цифровых технологий, способных стимулировать аналитическую работу и поддерживать развитие критического мышления. Анализ художественного текста является эффективным средством формирования интеллектуальной самостоятельности, умения аргументировать свою точку зрения и вести содержательный диалог с текстом. Именно на этой основе может строиться интеграция инновационных образовательных инструментов, включая ИИ сервисы, в процесс обучения литературе.

Возможности ИИ сервисов в работе с литературным текстом. Использование ИИ сервисов при анализе литературных произведений: выявление ключевых идей, мотивов и художественных средств. В условиях цифровизации образования всё более заметную роль

начинают играть интеллектуальные инструменты, способные поддерживать аналитическую деятельность учащихся. Среди них особое место занимают генеративные языковые модели, такие как ChatGPT и Яндекс GPT, а также образовательные платформы, включая сервис «Бегемот». Их применение в обучении литературе открывает новые возможности для развития навыков анализа текста, интерпретации художественных образов и формирования критического мышления.

Помощь в выявлении ключевых идей произведения. Одной из сложнейших задач для учащихся является определение темы и основной идеи литературного произведения. Часто школьники ограничиваются пересказом сюжета, не переходя к осмыслению глубинного смысла текста. В этом контексте ИИ сервисы могут выполнять функцию интеллектуального помощника. Работа с темой и проблематикой. ChatGPT способен анализировать фрагменты текста и предлагать возможные формулировки темы и основной мысли. При этом ученик может задать уточняющий вопрос, например: «В чем заключается центральная проблема произведения?» или «Какие социальные и нравственные вопросы поднимает автор?»

Полученные ответы становятся основой для дальнейшего размышления. Важно, что учащийся может сравнить собственную формулировку с предложенной моделью, выявить расхождения и аргументированно обосновать свою позицию. Яндекс GPT, в свою очередь, удобен для структурирования информации. Он может представить анализ в виде кратких тезисов, что помогает учащемуся увидеть логическую структуру произведения: проблему - развитие конфликта - авторскую позицию. Сервис «Бегемот» чаще используется в формате интерактивных заданий, где учащимся предлагается выбрать верную формулировку идеи или дополнить ее аргументами из текста. Такая работа активизирует внимание к деталям и стимулирует поиск текстовых доказательств. Выявление мотивов и символики.

Мотивная структура и символика - важные элементы художественного произведения, однако их интерпретация вызывает трудности у многих обучающихся. ИИ сервисы могут способствовать более глубокому пониманию этих компонентов.

Анализ повторяющихся мотивов. С помощью ChatGPT учащийся может определить, какие образы или темы повторяются в тексте и какую функцию они выполняют. Например, модель может указать на мотив дороги, одиночества или внутренней борьбы и предложить объяснение его значения в контексте произведения. Однако особенно важно использовать ИИ не как источник окончательной интерпретации, а как средство постановки вопросов:

- Почему автор неоднократно возвращается к этому образу?
- Как мотив влияет на развитие сюжета?
- Связан ли он с внутренним состоянием героя?
- Подобная работа формирует аналитическую культуру чтения.

Интерпретация символики. Яндекс GPT может помочь выделить символические детали и предложить несколько вариантов их трактовки. Например, если в произведении присутствует образ огня, воды или дороги, сервис способен указать на их традиционные культурные значения. Платформа «Бегемот» может использоваться для создания

сравнительных заданий: учащимся предлагается сопоставить символ в анализируемом произведении с его значением в других текстах или культурных традициях. Это расширяет читательский кругозор и способствует формированию межтекстовых связей. Анализ художественных средств. Одной из задач литературного анализа является выявление выразительных средств и понимание их функции в тексте. Определение средств художественной выразительности. ИИ сервисы способны распознавать метафоры, эпитеты, сравнения и другие тропы. ChatGPT может объяснить, какую эмоциональную или смысловую нагрузку несёт конкретный образ. Например, ученик может задать вопрос:

«Какую роль играет метафора в данном фрагменте?». Ответ модели помогает увидеть связь между формой и содержанием произведения. Осмысление художественной детали. Нередко смысл произведения раскрывается через небольшие, но значимые детали. ИИ может обратить внимание на такие элементы и предложить возможные трактовки. Однако окончательное осмысление должно оставаться за учащимся, который анализирует контекст и делает самостоятельные выводы. Формирование навыков постановки вопросов. Одним из ключевых показателей развитого критического мышления является умение задавать вопросы к тексту. ИИ сервисы могут генерировать проблемные и дискуссионные вопросы различного уровня сложности: вопросы на понимание содержания; интерпретационные вопросы; вопросы, предполагающие оценку поступков героя; вопросы, направленные на выявление авторской позиции.

С помощью «Бегемота» можно организовать работу в группах, где каждая команда анализирует разные аспекты произведения и защищает свою интерпретацию. Это способствует развитию аргументации и коммуникативных навыков.

Ограничения и условия эффективного использования. Несмотря на очевидные преимущества, применение ИИ требует педагогического сопровождения. Существует риск формального копирования ответов без осмысления. Поэтому важно выстраивать задания таким образом, чтобы ИИ выступал вспомогательным инструментом, а не заменой самостоятельного анализа.

Применение ИИ сервисов в анализе литературных произведений оказывает комплексное влияние на процесс обучения и развитие учащихся. В основе этого эффекта лежит способность искусственного интеллекта структурировать информацию, стимулировать мыслительную активность и создавать условия для самостоятельного анализа текста. Рассмотрим основные аспекты педагогического эффекта. Развитие критического мышления и аналитических навыков. ИИ сервисы, такие как ChatGPT, Яндекс GPT и платформа «Бегемот», предоставляют учащимся возможность работать с текстом не только поверхностно, но и глубоко. Выявление ключевых идей и подтекста: с помощью ИИ ученик может сопоставлять разные интерпретации текста, выделять скрытые смыслы и формулировать собственные выводы.

Анализ персонажей и мотивов: при работе с образами героев ИИ помогает структурировать информацию, выделять противоречия в поведении персонажей, выявлять

причины их действий и последствия. Интерпретация художественных средств: метафоры, эпитеты, символы и другие выразительные средства часто остаются непонятыми без анализа. ИИ может предложить несколько вариантов интерпретации, стимулируя ученика самостоятельно выбрать наиболее подходящий. Одним из важных педагогических эффектов использования ИИ является возможность индивидуальной работы учащихся. Каждый ученик может задавать модели уточняющие вопросы, получать объяснения и рекомендации в зависимости от уровня подготовки. Учащиеся с более высоким уровнем подготовки могут использовать ИИ для углубленного анализа мотивов, символики и авторской позиции. Менее подготовленные учащиеся получают подсказки по ключевым идеям и структуре текста, что помогает включиться в работу и не потеряться в сложном материале.

Дифференциация достигается также через интерактивные задания на платформе «Бегемот», где можно регулировать сложность упражнений и типы вопросов — от простого выделения фактов до аргументированного сравнения персонажей и интерпретации художественных средств. Использование ИИ делает работу с текстом интерактивной и увлекательной. Ученики получают возможность взаимодействовать с цифровым помощником, задавать вопросы и получать мгновенные ответы. Это: Снижает страх перед сложными произведениями, так как ИИ помогает ориентироваться в сюжете и проблематике. Стимулирует самостоятельный поиск смысла, так как ответы ИИ не являются окончательными, а лишь предлагаются как вариант для размышления. Создает элемент игры и соревновательности, например, при групповых заданиях по поиску идей, мотивов или символов, где ИИ выступает консультантом.

Одной из важнейших задач обучения литературе является умение аргументированно выражать собственную позицию и участвовать в обсуждениях. ИИ-сервисы активно поддерживают этот процесс: Генерируя проблемные вопросы, модели побуждают ученика размышлять и искать доказательства в тексте. Предлагая разные трактовки символов или мотивов, ИИ формирует умение сравнивать позиции, выделять аргументы «за» и «против». Интерактивные платформы, такие как «Бегемот», позволяют организовывать дискуссии между группами, где учащиеся отстаивают свою интерпретацию произведения, используя подсказки ИИ как опору для доказательств. В результате формируются навыки критического диалога, аргументированной речи и публичного выступления, что является важной частью общей компетентности в гуманитарной сфере. ИИ-сервисы помогают учащимся не только получать готовую информацию, но и самостоятельно её осмысливать. Например: Модель может предложить несколько вариантов интерпретации символа, а ученик выбирает тот, который наиболее соответствует контексту произведения. Учащийся может сравнивать позиции персонажей и формулировать свои выводы, опираясь на текстовые доказательства. Платформа «Бегемот» позволяет выполнять задания в индивидуальном темпе, что формирует привычку к самостоятельной аналитической работе. Развитие системного и межтекстового мышления. Использование ИИ позволяет учащимся видеть связи между различными произведениями и авторами. Например, при анализе

мотивов и художественных средств модели могут предложить аналогии с другими текстами или культурными традициями.

Заключение

В условиях цифровизации образования использование технологий искусственного интеллекта становится важным направлением модернизации учебного процесса. Проведённый анализ показал, что ИИ сервисы могут выступать эффективным инструментом поддержки аналитической деятельности учащихся при работе с художественными текстами.

На основе проведённого исследования можно сформулировать следующие основные выводы:

Использование ИИ сервисов способствует развитию критического мышления учащихся, поскольку стимулирует анализ текста, постановку вопросов, сопоставление различных интерпретаций и формирование аргументированной позиции.

Инструменты искусственного интеллекта, такие как ChatGPT, Яндекс GPT и образовательная платформа Бегемот, могут эффективно использоваться при выявлении ключевых идей произведения, анализе образов персонажей, интерпретации символики и художественных средств. Применение ИИ в образовательной практике способствует повышению учебной мотивации учащихся, делает процесс анализа текста более интерактивным и обеспечивает возможности индивидуализации обучения.

Эффективность использования ИИ сервисов во многом зависит от педагогического сопровождения. Учитель должен выступать организатором аналитической деятельности учащихся, направляя их работу и формируя навыки самостоятельной интерпретации текста.

Научная новизна исследования заключается в рассмотрении возможностей интеграции ИИ сервисов в процесс анализа литературных произведений как инструмента развития критического мышления учащихся. В работе обоснована педагогическая целесообразность использования современных интеллектуальных технологий в преподавании литературы. Практическая значимость исследования состоит в том, что предложенные примеры заданий и методические подходы могут быть использованы учителями литературы при организации работы с художественными текстами. Использование ИИ сервисов позволяет разнообразить учебный процесс, повысить уровень вовлечённости учащихся и развивать их аналитические и коммуникативные навыки. Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой методики педагогического сопровождения использования искусственного интеллекта в школьном курсе литературы, а также с изучением влияния ИИ инструментов на формирование читательской компетентности и самостоятельности учащихся при интерпретации художественных текстов.

Список источников

1. Блумина Т.В. Развитие критического мышления учащихся на уроках литературы. – М.: Просвещение, 2018. – 160 с.
2. Полат Е.С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования. – М.: Академия, 2019. – 272 с.
3. Халперн Д. Психология критического мышления. – СПб.: Питер, 2020. – 320 с.
4. Селевко Г.К. Современные образовательные технологии. – М.: Народное образование, 2017. – 256 с.
5. Иванова Н.А. Использование цифровых технологий в преподавании литературы // Педагогическое образование. – 2021. – №4. – С. 45–50.
6. Соловьева Л.В. Формирование аналитических навыков при изучении художественного текста // Филологическое образование. – 2020. – №2. – С. 32–38.
7. Luckin R. Artificial Intelligence and Education: Promises and Implications for Teaching and Learning. – London: UCL Institute of Education Press, 2018. – 220 p.
8. Holmes W., Bialik M., Fadel C. Artificial Intelligence in Education: Promises and Implications for Teaching and Learning. – Boston: Center for Curriculum Redesign, 2019. – 180 p.
9. Holmes W. Artificial Intelligence in Education: A Critical View // Learning, Media and Technology. – 2020. – Vol. 45. – №1. – P. 1–7.

Адамова Гулнара Максатовна, старший преподаватель, Международный казахско-турецкий университет имени Х.А. Ясави (г. Туркестан, Республика Казахстан).

Adamova Gulnara Maksatovna, Senior Lecturer, International Kazakh-Turkish University named after Khoja Ahmed Yasawi (Turkestan, Kazakhstan).

Жунаева Назима Тойхановна, студентка, Международный казахско-турецкий университет имени Х.А. Ясави (г. Туркестан, Республика Казахстан).

Zhunaeva Nazima Toikhanovna, student, International Kazakh-Turkish University named after Khoja Ahmed Yasawi (Turkestan, Kazakhstan).

: zarina1508200@gmail.com

Дата поступления: 13.03.2026

© Адамова Г.М., Жунаева Н.Т., 2026

ЭКОНОМИКА. УПРАВЛЕНИЕ (ECONOMY. MANAGEMENT)

УДК 159.9.07

Научная статья

ПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И АНАЛИЗ СУЩЕСТВУЮЩИХ ПРОБЛЕМ

Гаджиева Н.А.

Азербайджанский Технологический Университет
(г. Гянджа, Азербайджанская Республика)

Аннотация. В статье рассматриваются глобальные и локальные последствия изменения климата в Азербайджане, а также роль урбанизации в данном процессе. Энергопотребление городов и выбросы парниковых газов в значительной степени способствуют изменению климата, что делает необходимым внедрение принципов устойчивого градостроительства и «зелёной» экономики. В Азербайджане реализуются такие меры, как использование возобновляемых источников энергии, лесоразведение, эффективное управление водными и энергетическими ресурсами, а также внедрение автоматизированных систем мониторинга для эффективной борьбы с изменением климата. Финансовые ресурсы, выделяемые государством, направлены на решение экологических проблем и обеспечение устойчивого экономического развития.

Ключевые слова: изменение климата, урбанизация, зелёная экономика, возобновляемые источники энергии, устойчивое развитие.

Для цитирования: Гаджиева Н.А. Положительное влияние экологической политики на экономическую деятельность и анализ существующих проблем // Наука и реальность. 2026. № 1 (25). С. 88–91.

POSITIVE IMPACTS OF ENVIRONMENTAL POLICY ON ECONOMIC ACTIVITY AND ANALYSIS OF EXISTING PROBLEMS

Hajieva N.A.

Azerbaijan Technological University
(Ganja, Azerbaijan)

Abstract. The article examines the global and local impacts of climate change in Azerbaijan, as well as the role of urbanization in this process. Cities' energy consumption and greenhouse gas emissions significantly contribute to climate change, making the implementation of sustainable urban planning and green economy principles essential. Measures in Azerbaijan, such as the use of renewable energy sources, afforestation, efficient management of water and energy resources,

and automated monitoring systems, are carried out to effectively combat climate change. The financial resources allocated by the government are aimed at addressing environmental issues and ensuring sustainable economic development.

Keywords: climate change, urbanization, green economy, renewable energy, sustainable development.

For citation: Hajieva N.A. Positive impacts of environmental policy on economic activity and analysis of existing problems // Science & Reality. 2026. no. 1 (25). pp. 88–91. (in English).

Climate change is one of the most complex and global challenges facing humanity. As highlighted in previous sections, this part will provide a broader perspective on the challenges associated with climate change and the urbanization process. Urbanization, in the modern era, is not only a key driver of socio-economic development but also a major source of ecological problems. Currently, 56.15% of the world's population resides in cities, which amounts to approximately 4.2 billion people. This figure was below 37% in the 1960s and is expected to continue rising in the near future [1].

According to United Nations projections, by 2050, 68% of the world's population will live in cities, indicating that urbanization will continue to accelerate and cities will gain greater significance in social, economic, and ecological terms. Currently, the most urbanized regions are North America (82%), Latin America and the Caribbean (81%), Europe (74%), and Oceania (68%), while Asia (around 50%) and Africa (43%) have relatively lower urbanization rates. These statistics highlight significant regional differences, but cities everywhere remain at the center of economic and ecological challenges.

Importance of Cities and Ecological Impacts – Cities are both centers of economic wealth and major sources of ecological problems. Over 80% of the global GDP is produced in cities, and more than half of the world's population resides in urban areas, making them key actors in achieving sustainable development goals. Cities are also major energy consumers, using 78% of the world's produced energy, which significantly contributes to greenhouse gas emissions. Covering only 2% of the Earth's surface, cities emit more than 60% of greenhouse gases, making a substantial contribution to climate change.

Double Pressure of Climate Change and Urbanization – Climate change exerts both global and local pressures on cities, complicating challenges related to economic development and environmental protection. Rising sea levels severely affect millions of people living in coastal urban areas, impacting not only daily life but also economic activities, leading to negative consequences locally and globally. Floods, soil salinization, and damage to infrastructure in coastal cities are direct outcomes of these pressures.

The pressure that climate change exerts on cities also creates a boomerang effect. For instance, carbon dioxide emissions from industrial cities increase the frequency and intensity of natural disasters, ultimately harming the cities themselves. The fact that urban residents suffer the most from these processes further underscores the importance of combating climate change.

Need for Sustainable Urban Planning – To address these challenges, integrating the "green economy" model into urban planning is essential. Sustainable urban planning should increase the use of renewable energy sources, reduce carbon footprints, and create greener infrastructure. For example, solar and wind energy can be used to meet urban energy demands. Additionally, developing public transportation systems and limiting car usage can help reduce carbon emissions.

Opportunities Arising from Urbanization – Despite its challenges, urbanization also presents significant opportunities. Cities are ideal for implementing more efficient energy systems, effective transportation infrastructure, and innovative technologies. Smart city technologies can play a crucial role in solving urban ecological problems; for example, smart energy grids can help reduce energy consumption and waste [2, p.56].

Climate change, as in most countries worldwide, poses serious ecological and economic threats in Azerbaijan. Its impacts, including increased floods, droughts, and heat stress, make adequate adaptation and mitigation measures essential. In recent years, Azerbaijan has implemented large-scale initiatives across various sectors to reduce the effects of climate change [4].

In Azerbaijan, various effective measures have been implemented across multiple sectors, starting with the energy sector, to minimize the impacts of climate change. Increasing the use of renewable energy sources has been prioritized, including significant steps such as phasing out mazut in thermal power plants and replacing it with natural gas. Additionally, initiatives have been carried out to expand forest areas, reduce the release of flue gases into the atmosphere, and decrease fuel consumption in energy production.

Alongside the widespread adoption of alternative energy, promoting low-carbon activities in commercial and residential sectors has been a key objective. Simultaneously, clean technologies are being applied across various economic sectors to address ecological problems. Under the "green economy" model, programs have been implemented to utilize renewable energy sources, reduce greenhouse gas emissions, and increase energy efficiency. This approach is crucial for maintaining ecological balance and ensuring long-term economic sustainability.

Infrastructure projects in climate-sensitive areas play a special role in enhancing the country's ecological resilience. These projects include the construction of water reservoirs and power plants, afforestation initiatives, and efficient management of water resources. Notably, the application of modern technologies in the hydrometeorology sector has established a solid foundation for forecasting natural disasters and developing early warning systems. Currently, the number of automatic meteorological stations in the country exceeds 65, enabling continuous monitoring of weather changes and providing reliable forecasts [3].

Additionally, an automated network of stations has been established for continuous monitoring of air pollution. The collected data is made publicly available online, increasing citizen awareness and enabling timely responses to environmental issues. A significant portion of the funding for climate change mitigation in Azerbaijan comes from the state budget. According to the State Statistical Committee, expenditures on environmental protection totaled 3.3 billion AZN from

2000 to 2020. In 2020 alone, 240 million AZN was allocated, which is 13.2 times higher than in 2000. These funds have primarily been used for preventing environmental pollution, reducing damage, and implementing remediation measures.

Among these expenditures, projects focused on the development of renewable energy sources, reduction of carbon emissions, and minimizing environmental impacts occupy a special place. In addition, various programs have been implemented across the industrial, transport, construction, and agricultural sectors to promote the efficient use of energy.

Bibliography

1. Hajiyeva, N. A., Huseynova, M. R., Mammadova, A. V., Ibrahimova, N. V., Shahveranova, E., & Rustamova, A. E. (2024). Green economy potential in liberated territories and ways to use it efficiently. In *International Conference on Smart Environment and Green Technologies (ICSEGT 2024), Lecture Notes in Networks and Systems* (Vol. 1, LNNS 1251, pp. 473–481). Springer. [https://doi.org/10.1007/978-3-031-81567-6_55](https://doi.org/10.1007/978-3-031-81567-6_55)

2. Hajieva, N. A., Yusifov, E. J., & Mammadova, A. V. (2024). Bank services in Azerbaijan application of marketing in the sphere. Monograph.

3. Nushaba, H., Minure, K., Xatira, G., Mehriban, H., Sevinj, B., & Ayshan, M. (2024, September). Green Economy in the Framework of Sustainable Development. In International Conference on Science, Engineering Management and Information Technology (pp. 292-307). Cham: Springer Nature Switzerland.

4. Analysis and Assessment of the Volume of Demand for Innovative Products in Light Industry. Journal of Innovative Economy and Management, Ganja.2020.

Гаджиева Нушаба Аслан, доцент, Азербайджанский технологический университет (г. Гянджа, Азербайджанская Республика).

Hajieva Nushaba Aslan, Associate Professor, Azerbaijan Technological University (Ganja, Azerbaijan).

: a.memmedova@atu.edu.az

Дата поступления: 12.01.2026

© Гаджиева Н.А., 2026

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И РАЗВИТИЕ БРЕНДОВ В ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ АЗЕРБАЙДЖАНА

Маммедова А.В., Маммедов С.Д.
Азербайджанский Технологический Университет
(г. Гянджа, Азербайджанская Республика)

Аннотация. В последние годы цифровизация стала ключевым фактором повышения конкурентоспособности и развития брендов во всех промышленных секторах, особенно в легкой промышленности. В данной статье рассматривается роль цифровых технологий в формировании стратегий развития брендов в секторе легкой промышленности Азербайджана. Исследование сосредоточено на том, как инструменты цифрового маркетинга, платформы электронной коммерции, аналитика данных и социальные сети способствуют видимости брендов, вовлеченности потребителей и расширению рынка. Используя качественный и аналитический подход, исследование оценивает текущие тенденции, существующие проблемы и возможности развития, связанные с цифровой трансформацией в секторе. Результаты показывают, что, хотя цифровизация создает значительный потенциал для укрепления национальных брендов и улучшения доступа к международным рынкам, ее внедрение остается неравномерным из-за ограниченной технологической инфраструктуры, недостатка цифровых навыков и финансовых ограничений предприятий. В статье подчеркивается важность интеграции цифровых стратегий в практики управления брендом для повышения инновационности, конкурентоспособности и устойчивости легкой промышленности Азербайджана. Полученные результаты могут служить практическим ориентиром для разработчиков государственной политики, руководителей предприятий и исследователей, заинтересованных в цифровом развитии брендов в развивающихся экономиках.

Ключевые слова: цифровизация; развитие брендов; легкая промышленность; цифровой маркетинг; электронная коммерция; промышленная инновация.

Для цитирования: Маммедова А.В., Маммедов С.Д. Цифровизация и развитие брендов в легкой промышленности Азербайджана // Наука и реальность. 2026. № 1 (25). С. 92–97.

DIGITALIZATION AND BRAND DEVELOPMENT IN AZERBAIJAN'S LIGHT INDUSTRY SECTOR

Mammadova A.V., Mammadov S.C.
Azerbaijan Technological University
(Ganja, Azerbaijan)

Abstract. In recent years, digitalization has become a key driver of competitiveness and brand development across industrial sectors, particularly in light industry. This article examines the role of digital technologies in shaping brand development strategies within Azerbaijan's light industry sector. The study focuses on how digital marketing tools, e-commerce platforms, data analytics, and social media channels contribute to brand visibility, consumer engagement, and market expansion. Using a qualitative and analytical approach, the research evaluates current trends, existing challenges, and development opportunities related to digital transformation in the sector. The findings reveal that while digitalization creates significant potential for strengthening national brands and improving international market access, its adoption remains uneven due to limited technological infrastructure, insufficient digital skills, and financial constraints among enterprises. The article emphasizes the importance of integrating digital strategies into brand management practices to enhance innovation, competitiveness, and sustainability in Azerbaijan's light industry. The results may serve as a practical reference for policymakers, industry managers, and researchers interested in digital-driven brand development in emerging economies.

Keywords: digitalization; brand development; light industry; digital marketing; e-commerce; industrial innovation.

For citation: Mammadova A.V., Mammadov S.C. Digitalization and brand development in Azerbaijan's light industry sector // Science & Reality. 2026. no. 1 (25). pp. 92–97. (in English).

Marketing activities play a decisive role in enhancing competitiveness, ensuring market positioning, and supporting sustainable growth in industrial sectors. However, empirical observations indicate that marketing practices in Azerbaijan remain relatively underdeveloped, particularly within the light industry sector. In many enterprises, marketing is still perceived as a supplementary function rather than a strategic management process, which limits its effectiveness in responding to dynamic market conditions. As a result, the formulation and implementation of comprehensive marketing strategies continue to pose significant challenges at the enterprise level.

In the light industry, effective marketing policy requires a systematic and process-oriented approach that integrates planning, organization, implementation, and control mechanisms. The success of marketing strategies largely depends on managerial decision-making that aligns enterprise resources with market demand. Especially in the case of innovative products, marketing activities must be approached from two interrelated perspectives: identifying and satisfying consumer demand, and adapting production, financial, and organizational resources to meet market expectations. This process encompasses market research, product development, distribution, promotion, and continuous performance evaluation. [1]

Despite the presence of innovative textile and apparel products in Azerbaijan—such as environmentally friendly clothing, antibacterial fabrics, and technologically enhanced garments—

their market penetration remains limited. One of the main reasons for this situation is the insufficient application of modern marketing tools, weak brand positioning, and the lack of consumer-oriented strategies. Many light industry enterprises continue to rely on traditional sales channels and limited promotional activities, while digital marketing instruments, data-driven consumer analysis, and brand management practices are applied inconsistently.

The growing influence of digital technologies has fundamentally transformed marketing activities worldwide, replacing traditional approaches with more measurable, interactive, and customer-centered tools. For Azerbaijan's light industry, digitalization represents not only an opportunity to expand domestic market reach but also a strategic pathway to international integration. Initiatives such as the "Digital Azerbaijan" concept and the promotion of e-commerce platforms have created favorable conditions for enhancing brand visibility and facilitating access to foreign markets. Nevertheless, the adoption of digital marketing remains uneven due to limited financial resources, insufficient digital skills, and restricted access to specialized marketing expertise, particularly among small and micro enterprises [2].

Brand development has become a critical factor for increasing the export potential of Azerbaijan's light industry products. Government-led initiatives, including the "Made in Azerbaijan" program, aim to support international promotion, certification, and branding of local products. In this context, digital marketing, participation in international exhibitions, and the integration of national design elements—especially in textile and carpet production—contribute to strengthening brand identity and global recognition. At the same time, the commercialization of innovative designs and the involvement of young designers require coordinated support mechanisms to transform creative ideas into competitive market offerings.

Human capital development and technological modernization further shape the effectiveness of marketing strategies in the light industry. The shortage of qualified marketing professionals, combined with outdated production technologies in many enterprises, limits the sector's ability to respond swiftly to market changes. Although recent investments in industrial parks and technological infrastructure have improved production efficiency, broader integration of digital design systems and automated processes remains essential for enhancing both product quality and marketing performance.

Against this background, this study examines the role of digitalization in brand development within Azerbaijan's light industry sector. The research aims to analyze existing marketing challenges, assess the impact of digital marketing tools, and identify strategic directions for strengthening brand competitiveness. By addressing these issues, the article contributes to the understanding of how digital-driven marketing strategies can support innovation, export expansion, and sustainable development in transition economies.

The analysis of marketing practices in Azerbaijan's light industry reveals that digitalization has a measurable impact on brand visibility, market reach, and consumer engagement, although its adoption remains uneven across enterprises. Empirical observations indicate that companies actively using digital marketing tools—such as social media platforms, online marketplaces, and

digital advertising—demonstrate higher levels of brand recognition compared to enterprises relying solely on traditional sales channels. This difference is particularly evident in urban markets, where consumer behavior is increasingly influenced by online information sources and digital brand communication [3].

The results show that enterprises integrating digital tools into their marketing strategies achieve more effective communication with target audiences and improved feedback mechanisms. Digital platforms allow firms to analyze consumer preferences, adjust product offerings, and personalize promotional content, thereby increasing customer loyalty. However, the empirical findings also suggest that many small and micro enterprises lack the financial capacity and technical expertise required for systematic digital marketing implementation. As a result, digitalization often remains limited to basic social media presence rather than comprehensive, data-driven brand management.

Brand development outcomes are strongly linked to the consistency and strategic orientation of marketing activities. Enterprises that align digital marketing with brand identity—emphasizing product quality, national design elements, and innovation—tend to create a stronger emotional connection with consumers. In contrast, fragmented and short-term promotional efforts fail to generate sustainable brand value. This confirms that digitalization alone does not guarantee success; rather, its effectiveness depends on strategic integration within the overall marketing framework.

The discussion further highlights that innovative products in the light industry, including eco-friendly textiles and technologically enhanced garments, possess significant market potential but face limitations in commercialization. Insufficient consumer awareness, weak positioning strategies, and limited use of storytelling and branding techniques reduce their competitiveness. Digital marketing offers tools to overcome these barriers by enabling cost-effective promotion and direct interaction with consumers, yet its underutilization restricts these benefits.

At the macro level, government initiatives aimed at export promotion and branding have created supportive conditions for digital transformation. Programs such as “Made in Azerbaijan” contribute to international visibility; however, empirical evidence suggests that their effectiveness depends on the readiness of enterprises to adopt modern marketing approaches. Without adequate digital skills, professional marketing management, and technological upgrading, the potential advantages of these initiatives cannot be fully realized [4].

Overall, the results indicate that digitalization positively influences brand development in Azerbaijan’s light industry, but structural constraints—such as limited human capital, financial resources, and strategic planning—continue to hinder its full impact. These findings align with international studies emphasizing that digital transformation is most effective when combined with organizational innovation and policy support.

The findings of this study demonstrate that digitalization plays a crucial role in strengthening brand development and market competitiveness in Azerbaijan’s light industry sector. Digital marketing tools enhance brand visibility, improve consumer engagement, and facilitate access to

both domestic and international markets. However, the effectiveness of digitalization depends not only on technological adoption but also on strategic planning, human capital development, and institutional support.

From a policy perspective, the results suggest that the state should prioritize targeted support mechanisms to accelerate digital transformation in the light industry. This includes expanding training programs in digital marketing and brand management, particularly for small and medium-sized enterprises. Financial incentives, such as subsidized digital marketing services or grants for e-commerce development, could reduce entry barriers and encourage broader adoption of modern marketing tools. In addition, integrating digital branding components into existing export promotion programs would enhance their overall effectiveness.

For businesses, the study highlights the importance of viewing marketing as a strategic function rather than an auxiliary activity. Enterprises should invest in long-term brand development strategies that combine digital marketing, product innovation, and consistent brand identity. Emphasizing national design elements and quality standards can differentiate Azerbaijani products in competitive markets. Moreover, adopting data-driven decision-making and customer-oriented approaches would allow firms to respond more effectively to changing consumer preferences.

At the sectoral level, stronger collaboration between industry, educational institutions, and marketing professionals is necessary to address skill gaps and foster innovation. Encouraging partnerships and knowledge-sharing platforms can support the diffusion of best practices in digital branding and marketing management.

In conclusion, digitalization represents a strategic opportunity for enhancing brand development and export potential in Azerbaijan's light industry. By aligning state policies with enterprise-level initiatives and focusing on capacity building, the sector can achieve sustainable growth and stronger integration into the global market.

Bibliography

1. Hajiyeva, N. A., Huseynova, M. R., Mammadova, A. V., Ibrahimova, N. V., Shahverenova, E., & Rustamova, A. E. (2024). Green economy potential in liberated territories and ways to use it efficiently. In *International Conference on Smart Environment and Green Technologies (ICSEGT 2024), Lecture Notes in Networks and Systems* (Vol. 1, LNNS 1251, pp. 473–481). Springer. [https://doi.org/10.1007/978-3-031-81567-6_55](https://doi.org/10.1007/978-3-031-81567-6_55)
2. Hajieva, N. A., Yusifov, E. J., & Mammadova, A. V. (2024). Bank services in Azerbaijan application of marketing in the sphere. Monograph.
3. Nushaba, H., Minure, K., Xatira, G., Mehriban, H., Sevinj, B., & Ayshan, M. (2024, September). Green Economy in the Framework of Sustainable Development. In International Conference on Science, Engineering Management and Information Technology (pp. 292-307). Cham: Springer Nature Switzerland.

4. Analysis and Assessment of the Volume of Demand for Innovative Products in Light Industry. Journal of Innovative Economy and Management, Ganja.2020.

Маммедова Айшан Виладдин, аспирант, Азербайджанский технологический университет (г. Гянджа, Азербайджанская Республика).

Mammadova Ayshan Viladdin, PhD Candidate, Azerbaijan Technological University (Ganja, Azerbaijan).

Маммедов Сеймур Джейхун, аспирант, Азербайджанский технологический университет (г. Гянджа, Азербайджанская Республика).

Mammadov Seymur Ceyhun, PhD Candidate, Azerbaijan Technological University (Ganja, Azerbaijan).

: a.memmedova@atu.edu.az

Дата поступления: 12.01.2026

© Маммедова А.В., Маммедов С.Д., 2026

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕДИА: ЗНАЧЕНИЕ КОММУНИКАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ

Новрузова З. Р.

Азербайджанский Технологический Университет
(г. Гянджа, Азербайджанская Республика)

Аннотация. В статье рассматривается роль коммуникации в экономике как ключевого фактора обмена информацией, повышения эффективности и формирования общественного мнения. Основные виды коммуникации включают внутренние и внешние каналы, СМИ и цифровые технологии. Их влияние проявляется в росте производительности, развитии маркетинга и продаж, а также в формировании экономических решений через медиа. Цифровизация открывает новые возможности — электронная торговля, глобальный рынок и новые профессии. Примеры из разных стран показывают значительный вклад СМИ в экономику: ВВС ежегодно приносит Великобритании миллиарды фунтов, сектор медиа в Мексике увеличивает долю в ВВП, а публикации о проектах, как SPES, напрямую влияют на инвестиционное поведение. Таким образом, коммуникация и СМИ становятся важнейшими драйверами современного экономического развития.

Ключевые слова: коммуникация, экономика, цифровизация, средства массовой информации, современное развитие.

Для цитирования: Новрузова З. Р. Цифровая экономика и медиа: значение коммуникации в современных экономических системах // Наука и реальность. 2026. № 1 (25). С. 98–105.

DIGITAL ECONOMY AND MEDIA: THE IMPORTANCE OF COMMUNICATION IN MODERN ECONOMIC SYSTEMS

Novruzova Z.R.

Azerbaijan Technological University
(Ganja, Azerbaijan)

Abstract. The article examines the role of communication in the economy as a crucial factor in information exchange, productivity growth, and public opinion formation. The main types of communication include internal and external channels, mass media, and digital technologies. Their impact is reflected in

increased productivity, marketing and sales development, and economic decision-making through media. Digitalization opens new opportunities such as e-commerce, global market access, and new professions. Examples from different countries demonstrate the significant contribution of media to the economy: BBC annually adds billions of pounds to the UK economy, the media sector in Mexico increases its share in GDP, and publications about projects like CPEC directly influence investment behavior. Thus, communication and media have become essential drivers of modern economic development.

Keywords: communication, economy, digitalization, mass media, modern development.

For citation: Novruzova Z.R. Digital economy and media: the importance of communication in modern economic systems // Science & Reality. 2026. no. 1 (25). pp. 98–105. (in Russian).

Введение

Понятие и виды коммуникации

Коммуникация – это процесс передачи, обмена информацией и обеспечения взаимопонимания. В экономическом контексте коммуникация может принимать различные формы: от сотрудничества между компаниями до передачи информации потребителю.

В современную эпоху коммуникация играет важную роль во всех сферах общества – политике, культуре, социальной жизни и особенно в экономике. Процессы глобализации и цифровизации ускорили развитие средств коммуникации, что напрямую повлияло на качество и производительность экономической деятельности. В данной статье будет проанализировано понятие коммуникации, её влияние на экономические сферы и роль в современном экономическом развитии.

Основные виды коммуникации:

- Внутренняя коммуникация (поток информации внутри компании),
- Внешняя коммуникация (связь компании с клиентами, партнёрами и другими общественными организациями),
- Средства массовой информации (медиа и реклама),
- Цифровая коммуникация (социальные сети, электронная почта, онлайн - платформы).

Влияние коммуникации на экономическую деятельность можно определить по следующим категориям:

1. Производство и производительность – Эффективная коммуникация создаёт условия для более результативной работы сотрудников внутри предприятия. Правильная передача информации повышает гибкость управления и предотвращает принятие ошибочных решений. Благодаря современным технологиям коммуникация в режиме

реального времени способствует ускорению производственных процессов и снижению потерь.

2. Маркетинг и продажи – Коммуникационные инструменты играют решающую роль в продвижении товаров и услуг. Современные маркетинговые стратегии основываются на установлении интерактивных отношений с клиентом через социальные сети, рекламу и связи с общественностью. Постоянное общение с клиентами позволяет более точно определить их потребности и ожидания, что способствует росту продаж.

3. Рыночная информация и принятие решений – Для правильного принятия экономических решений необходим поток информации. Коммуникация обеспечивает обмен данными между экономическими субъектами (государством, предприятиями, инвесторами и потребителями). Своевременное получение информации о рыночных тенденциях, изменении спроса и конкурентной среде повышает эффективность экономических стратегий.

4. Глобальные экономические связи – Роль средств коммуникации в развитии международного экономического сотрудничества значительно возросла. Современные коммуникационные технологии играют незаменимую роль в обеспечении координации между транснациональными компаниями, экспортёрами и международными финансовыми организациями. Это способствует увеличению объёмов международной торговли и инвестиций.

В Азербайджанском контексте коммуникация и экономика также являются двумя неразделимыми важными сферами. Азербайджан сделал значительные шаги в применении современных коммуникационных технологий и цифровизации. Проект «Электронное правительство», расширение электронных торговых платформ и развитие интернет-рынка способствуют большей прозрачности и оперативности экономической деятельности. Развитие средств коммуникации также вносит вклад в укрепление экономических связей между регионами и либерализацию бизнес-среды.

Влияние средств массовой информации (СМИ) на экономику

Средства массовой информации (СМИ) – телевидение, радио, газеты, журналы, онлайн-медиа и социальные медиа-платформы – играют важную роль в формировании общественного мнения, обеспечении потока информации и воздействии на экономические процессы. В информационном обществе функции медиа не ограничиваются лишь распространением информации; они напрямую влияют на формирование экономических решений, поведение участников рынка и инвестиционный климат. Основные направления влияния СМИ на экономику можно проанализировать следующим образом:

1. Поток информации и прозрачность рынка

СМИ являются одним из важнейших инструментов обеспечения информационного равенства в экономике. Своевременное доведение до общественности данных о изменении

цен, экономических показателях, налоговой и таможенной политике позволяет участникам рынка принимать правильные решения.

- **Биржа и финансовые рынки:** Информация, публикуемая в СМИ, оказывает серьёзное влияние на поведение инвесторов. Положительные или отрицательные экономические новости могут вызвать колебания стоимости акций и валют.

- **Потребительское поведение:** Сведения, распространяемые через медиа, способны изменить спрос на товары и услуги. Например, сообщение о проблемах с безопасностью продуктов питания может привести к резкому снижению продаж.

2. Реклама и маркетинг

СМИ являются основной платформой для рекламы, которая играет важную роль в стимулировании экономической деятельности. С помощью рекламы товары и услуги становятся известными, повышается ценность бренда и формируется интерес потребителей.

- **Влияние на рынок труда:** Вакансии и объявления, связанные с рынком труда, доводятся до широкой общественности, что влияет на распределение рабочей силы и уровень занятости.

- **Сельское хозяйство и промышленность:** Представление новых продуктов и технологий, информирование фермеров и предпринимателей способствует росту производства.

3. Формирование общественного мнения и влияние на экономические решения

СМИ играют важную роль в формировании общественного мнения. Это мнение косвенно влияет на принятие политических и экономических решений.

- **Влияние на государственную политику:** С помощью медиа недовольства и предложения граждан доводятся до правительства, что способствует более прозрачной разработке экономической политик и их соответствию общественным требованиям.

- **Социальная ответственность:** Медиа поднимают вопросы социальной ответственности, оказывая давление на бизнес, чтобы он действовал более этично.

4. Цифровые медиа и новые экономические возможности

В XXI веке с цифровизацией СМИ появились новые экономические модели. Онлайн-медиа-платформы, блоги, каналы на YouTube и социальные сети не только создают новые источники дохода, но и формируют основу цифровой экономики.

- **Новые рабочие места:** Появились новые профессии – журналист, создатель контента, менеджер социальных сетей и другие.

- **Поддержка электронной торговли:** Инфлюенсер-маркетинг и реклама в социальных сетях способствуют росту электронной коммерции.

- **Выход на глобальный рынок:** Местные бизнесы благодаря интернету и медиа могут предлагать товары и услуги глобальной аудитории.

Средства массовой информации (СМИ) стали неотъемлемой частью современной экономики. Они выполняют не только функцию передачи информации, но и способствуют повышению прозрачности рынков, формированию потребительского поведения и влиянию на принятие экономических решений. Ниже влияние СМИ на экономику – СМИ и экономическое развитие – анализируется на примере различных государств с использованием конкретных примеров и статистических показателей.

1. Экономическое влияние ВВС в Великобритании

В Великобритании влияние ВВС на экономику является значительным. Согласно исследованию, проведённому BBC Trust, деятельность ВВС ежегодно добавляет в экономику страны 6,5 миллиарда фунтов стерлингов [3]. Из этой суммы 5 миллиардов направляется в творческий сектор, а 1,5 миллиарда – в другие сферы. Это вдвое превышает доходы от лицензионных сборов и обеспечивает гораздо большую экономическую выгоду по сравнению с коммерческой моделью.

2. Доля сектора СМИ в ВВП Мексики

В Мексике сектор средств массовой информации в 2019–2021 годах составлял в среднем 1,5% ВВП страны. В 2022 году этот показатель вырос до 1,6% [9]. Этот рост свидетельствует об увеличении вклада сектора СМИ в экономику.

В то же время средства массовой информации оказывают влияние на принятие экономических решений с разных аспектов. Например:

1. Китайско-Пакистанский экономический коридор (СРЕС) и цены на акции

Новости, публикуемые в СМИ о проекте СРЕС, оказывают значительное влияние на поведение инвесторов. Исследования показывают, что положительные сообщения повышают интерес инвесторов к акциям и, как следствие, ведут к росту их стоимости. Однако отрицательные новости такого эффекта не создают. Это демонстрирует, каким образом публикации в медиа влияют на принятие экономических решений.

2. Цены на топливо и влияние СМИ в США

В США сообщения в СМИ о ценах на топливо воздействуют на экономические оценки потребителей. Исследования показывают, что при высоких ценах на топливо медиа уделяют этой теме больше внимания, и это ухудшает восприятие потребителями экономической ситуации.

Пример экономических моделей, сформированных СМИ:

1. Китай и экономика «Wanghong»

В Китае экономика «Wanghong» (интернет-селебрити) развивается стремительными темпами. В 2016 году стоимость этого сектора оценивалась в 58 миллиардов юаней (примерно 8,4 миллиарда долларов США) [8]. Это превышает доход всей киноиндустрии Китая. Экономика «Wanghong» основана на продвижении товаров и услуг через социальные медиа-платформы и создаёт новые экономические возможности.

2. Доля цифровой экономики в мировом ВВП

В 2016 году доля цифровой экономики в мировом ВВП составила 11,5 триллиона долларов США (15,5%) [2]. В развитых странах этот показатель достигал 18,4%, а в развивающихся – 10%. Быстрый рост цифровой экономики демонстрирует влияние СМИ и информационных технологий на экономику.

В Азербайджане сектор СМИ находится в стадии развития. Реализация государством проекта «Электронное правительство», развитие информационных технологий и расширение доступа к интернету усиливают влияние СМИ на экономику. Информация, распространяемая через СМИ, способствует развитию предпринимательства, привлечению инвестиций и повышению экономической прозрачности.

В Азербайджане СМИ выполняют важные функции: доведение государственных экономических стратегий до общественности, стимулирование предпринимательства и выступление в качестве инструмента общественного контроля. Просветительская деятельность по вопросам экономических форумов, налоговых реформ, субсидий и инвестиционных возможностей осуществляется через медиа. В то же время социальные сети стали доступным рекламным инструментом для малых предпринимателей.

Сектор СМИ в Азербайджане развивается стремительно. В стране более 5000 СМИ зарегистрированы или поставлены на учёт в соответствующих государственных органах. Издаётся около 40 ежедневных и более 200 еженедельных и ежемесячных газет. Выходит более 80 журналов, освещающих научно - практические, общественно - политические, социально - экономические вопросы, а также проблемы детей и женщин, и развлекательные темы. В Азербайджане действует около 20 информационных агентств.

Доходы информационного и коммуникационного сектора Азербайджана за 11 месяцев 2023 года по сравнению с аналогичным периодом 2022 года выросли на 12,5% и достигли 3,2 миллиарда манатов. Этот рост свидетельствует об увеличении вклада сектора СМИ в экономику.

В Баку и Сумгаите были созданы Азербайджанские инновационные центры (АИЦ), которые служат единой платформой для обмена опытом, идеями и знаниями между технологическими предпринимателями, стартаперами и новаторами. Эти центры также предоставляют необходимую инфраструктуру для более эффективной деятельности технологических сообществ и их ускоренного развития.

1. Электронная коммерция и экономика

Сфера электронной коммерции в Азербайджане развивается стремительными темпами. Важная роль правильно выбранной и дальновидной стратегии e-commerce в продвижении бренда «Made in Azerbaijan» на глобальной торговой карте и в стимулировании Азербайджанской экономики неоспорима [5].

2. Развитие туристического сектора

В январе-мае 2023 года Азербайджан посетили 713 тысяч туристов из 176 стран мира, что в 1,5 раза больше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Этот рост

показывает, как информация, распространяемая через СМИ, влияет на развитие туристического сектора.

СМИ и новые экономические модели

1. Развитие цифровой экономики

Доходы информационного и коммуникационного сектора Азербайджана за 11 месяцев 2023 года по сравнению с аналогичным периодом 2022 года выросли на 12,5% и достигли 3,2 миллиарда манатов [4]. Этот рост является показателем развития цифровой экономики.

2. Цифровизация государственных услуг

В рамках Национальной стратегии развития информационного общества Азербайджанской Республики на 2014-2020 годы были предприняты важные шаги в направлении цифровизации государственных услуг. Эта стратегия позволила предоставлять государственные услуги более эффективно и прозрачно.

Заключение

Коммуникация является неотъемлемой частью современной экономики. Она выполняет не только функцию передачи информации, но и способствует правильному принятию решений, укреплению сотрудничества и стимулированию инноваций. Эффективное использование средств коммуникации является одним из ключевых факторов обеспечения экономического роста и устойчивого развития. В будущем ожидается дальнейший прогресс в этой сфере, и экономические системы будут ещё больше интегрироваться с коммуникационными технологиями.

Средства массовой информации (СМИ) представляют собой важный элемент современной экономической системы. Они не только распространяют информацию, но и повышают прозрачность рынков, влияют на общественное мнение, формируют инвестиционный климат и определяют поведение потребителей. Эта сила воздействия СМИ способствует тому, что экономика становится более динамичной, интерактивной и прозрачной. В будущем ожидается дальнейшее углубление связей между СМИ и экономикой, особенно благодаря стремительному развитию цифровых медиа, которое создаст новые возможности для этого процесса.

Список источников

1. BBC Trust. (2021). The Economic Impact of the BBC on the UK Creative Industries. URL:<https://www.bbc.com/mediacentre>
2. OECD. (2019). Digital Economy Outlook 2019. OECD Publishing.
3. World Bank. (2022). Digital Economy for Development.
4. Государственный комитет статистики Азербайджана (2024). Статистические показатели об информационных и коммуникационных услугах Азербайджанской Республики. URL:<https://stat.gov.az>

5. Faktyoxla.az (2023). Значение скорости интернета для экономики. URL: <https://faktyoxla.az>
6. Pressa.az (2023). ИКТ-сектор Азербайджана как драйвер цифровой экономики. URL: <https://pressa.az>
7. Министерство цифрового развития и транспорта Азербайджана. Инициативы и результаты проекта «Электронное правительство». URL: <https://mincom.gov.az>
8. Wikipedia.(2023).Wanghong Economy. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Wanghong_economy
9. ResearchGate (2022). Communications Media and Internet Concentration in Mexico 2019-2022.
10. BEA – Bureau of Economic Analysis (2018). Digital Economy GDP Contribution. URL: <https://www.bea.gov>

Новрузова Замина Расул кызы, старший преподаватель кафедры общественных наук и мультикультурализма, Азербайджанский Технологический Университет (г. Гянджа, Азербайджанская Республика)

Novruzova Zamina Rasul kyzy, Senior Lecturer at the Department of Social Sciences and Multiculturalism, Azerbaijan Technological University (Ganja, Azerbaijan).

: zemenenovruzova@mail.ru

Дата поступления: 25.02.2026

© Новрузова З. Р., 2026

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ (LINGUISTICS AND LITERARY STUDIES)

УДК 81.42

Научная статья

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Батаева Ф.А., Беспяева А.О.

Кокшетауский университет имени А.Мырзахметова

(г. Кокшетау, Республика Казахстан)

Аннотация. В статье рассматриваются способы перевода русских фразеологических единиц на английский язык. Рассматривается множество языковых средств для описания специфики перевода фразеологических единиц с русского на английский. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что в современной лингвистике значительная часть научных исследований посвящена переводу фразеологических единиц с английского на русский, в то время как меньше внимания уделяется их переводу с русского на английский.

Ключевые слова: перевод, языковые средства, образные слова, фразеологические единицы.

Для цитирования: Батаева Ф.А., Беспяева А.О. Способы перевода русских фразеологических единиц на английский язык // Наука и реальность. 2026. № 1 (25). С. 106–109.

WAYS OF TRANSLATING RUSSIAN PHRASEOLOGICAL UNITS INTO ENGLISH

Batayeva F.A., Bespaeva A.O.

Abay Myrzakhmetov Kokshetau University

(Kokshetau, Republic of Kazakhstan)

Abstract. The article focuses on the study of ways of translating Russian phraseological units into English. The article regards a variety of language tools to describe the specifics of translating phraseological units from Russian into English. The relevance of this research stems from the fact that in modern linguistics, much scientific research has been devoted to translating phraseological units from English into Russian, while less attention has been paid to translating them from Russian into English.

Key words: translation, language tools, figurative words, phraseological units.

For citation: Batayeva F.A., Bespaeva A.O. Ways of translating Russian phraseological units into English // Science & Reality. 2026. no. 1 (25). pp. 106–109. (in English).

Phraseologisms, to a large extent, reflect the culture, traditions, and mentality of the people speaking a given language, as well as the history of the country. Undoubtedly, phraseologisms help embellish and diversify everyday speech, making it more emotional, colorful, and expressive. That's why we use them in our conversations, monologues, and writing.

Moreover, phraseological units are informative units of language. This means that the issue of translating phraseological units is of particular importance both for translators and for specialists in linguistics, philology, and cultural linguistics who are interested in this issue.

The relevance of this research stems from the fact that in modern linguistics, the accurate translation of phraseological units is essential, as they embody the characteristics of everyday spoken language and play a crucial role in intercultural communication. When translating any phraseological unit from English into Russian, it is essential to preserve the true meaning and accurately convey the figurative nature of the expression.

In this work, phraseological units of the Russian language [1] were taken and an analysis of their translation into English was made.

When translating phraseological units, the translator first seeks to find an equivalent or exact match in the target language. Three types of correspondences to phraseological units in the source language are distinguished [2].

In the first type of correspondence, the entire spectrum of meanings of the phraseological unit is preserved. These are primarily international phraseological units that were borrowed by both the source and target languages from another language, typically an ancient one.

For example: *alfa and omega*.

The Russian-English dictionary of idioms by S. Lubensky [1] gives two meanings of this phraseological unit:

- the beginning and end of smth (the alpha and omega) – beginning and end of something;
- the very essence (the alpha and omega) - the most the essence of something.

The English equivalent is completely identical to the Russian version, since in the Greek alphabet these letters represent the initial and final letters.

The second type of correspondence is when the same meaning is conveyed in the target language using other concepts, but all other elements of meaning are preserved, as in the following example: *на безрыбье и рак рыба* - *when there is no fish, even a crayfish is a fish*. This proverb is used when, in the absence of something or when the quantity is small, one must make do with little [2].

The English expression is *better a small fish than an empty dish* (*better a small fish than an empty dish*), although not translated literally, its general meaning is conveyed with the help of another concept - *an empty dish*.

The meaning of the following example of a phraseological unit echoes the previously presented *alfa and omega* - from A to Z (to read, to know something).

The dictionary of the Russian language provides an interpretation of the phraseological unit in Russian – completely, from beginning to end, without omitting anything [3].

The Russian-English dictionary gives two meanings of this set expression [1, p. 3]:

- (to read smth.) from the beginning to the end – (read h - l) from beginning to end ;
- (to know smth.) thoroughly - (to know smth.) thoroughly ;

In the dictionary we find matches:

- (to read smth.) from cover to cover, from top to bottom,
- (to know smth.) inside out.

We can find the first match (*to read smth .*) *from cover to cover* also in the Russian language – *от корки до корки*, and its semantics coincides with the first meaning of the expression from A to Z – *to read from beginning to end*.

The second match (*to know smth .*) *inside out* is more suitable for the expression (*to know something*) *thoroughly* [4].

The third match (to read smth.) *from top to bottom* semantically conveys direction and does not coincide with its Russian analogue - from A to Z.

In the first and second cases we observe complete correspondence, while in the third variant the English expression acquires an additional, often direct, meaning of direction from top to bottom.

The third type of correspondence is created by tracing units of the original.

Let's look at an example: *как аукнется, так и откликнется* [1, p . 5].

This example corresponds to three figurative expressions of the English language:

- as you sow, so shall you reap;
- one ill (good) turn deserves another;
- as the call, so the echo.

So, in all three translation options, the meaning of the expressions allows us to understand the figurative meaning of the expression in Russian (*как аукнется, так и откликнется*)

As you sow, so shall you reap is more suitable for the Russian expression - *что посеешь, то и пожнёшь*.

One ill (good) turn deserves another can be translated as - *as you treat people, so they treat you* [4].

It can be argued that *as the call, so the echo* is the best translation option for the proverb - *как аукнется, так и откликнется*.

The presence of several synonyms, similar in semantics of expressions in both Russian and English, is explained by the fact that this expression carries in its semantics the meaning of universal human values inherent to any people.

The interesting expression, *расскажи это своей бабушке* [1, p. 7], has its equivalent in English – *tell it to the marines*. This expression in English originated among sailors who considered Marines naive and gullible [5]. In Russian, it means "go tell that to someone else, I won't believe you anyway."

In this example (*tell it to the Marines*) reflects the culture, traditions, and mentality of the English people – jokes, sayings, and proverbs are all related to the marine theme, as Great Britain is surrounded by seas on all sides, while in Russian, grandmothers are considered trusting and naive.

The following expression – *вернёмся к нашим баранам* (*let's return to the main topic of the conversation*) – is borrowed from the French *retournons a nos moutons* – lets return to our sheep – from the medieval farce "Maistre Pierre Pathelin" [1, p. 8]. There are no equivalents to this Russian expression in English and it is translated with the explanation – let's go back to the matter at hand, let's return to the point at issue.

Thus, the conducted analysis showed that the meaning of Russian phraseological units does not always coincide with the meaning of English phraseological units and can be translated using various methods: analog, equivalent, tracing and descriptive method.

Bibliography

1. Lubensky_S_-_Russian-English_Dictionary_of_Idioms_Russko-angliyskiy_frazeologicheskiy_slovar_-_2013.pdf
2. Dictionary of the Russian language: In 4 volumes / RAS, Institute of Linguistic Studies; Ed. by A. P. Evgenyeva. — 4th ed., reprinted — Moscow: Russian language; Polygraphresources, 1999; (electronic version): Fundamental Electronic Library
3. Kommissarov V.N. Translation Theory (linguistic aspects): Textbook for institutes and departments of foreign languages. - M.: Higher school, 1990. - 253 p.
4. Word map. URL: <https://kartaslov.ru>
5. Tell it to the marines: Definition and meaning. URL: <https://www.dictionary.com/browse/tell-it-to-the-marines>

Батаева Фроза Асановна, кандидат филологических наук, доцент, Кокшетауский университет им. Абая Мырзахметова (г. Кокшетау, Республика Казахстан).

Batayeva Froza Asanovna, candidate of philological sciences, Associate Professor, Abay Myrzakhmetov Kokshetau University (Kokshetau, Republic of Kazakhstan).

: asanfroza@gmail.com

Беспяева Айсулу Оразовна, магистрант 2 курса, Кокшетауский университет им. Абая Мырзахметова (г. Кокшетау, Республика Казахстан).

Bespaeva Aisulu Orazovna, 2nd year Master's student, Abay Myrzakhmetov Kokshetau University (Kokshetau, Republic of Kazakhstan).

Дата поступления: 19.01.2026

© Батаева Ф.А., Беспяева А.О. 2026

УДК 81.42

Научная статья

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ В РОМАНЕ ДЖЕКА ЛОНДОНА «ПРИБОЙ КАНАКА» И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Батаева Ф.А., Жунусбекова А.Б.

Кокшетауский университет имени А.Мырзахметова
(г. Кокшетау, Республика Казахстан)

Аннотация. В статье рассматриваются стилистические приемы в романе Джека Лондона «Прибой Канака» и особенности их перевода на русский язык. Рассматривается множество языковых средств для описания специфики перевода стилистических приемов в книге с английского на русский. Анализ перевода с английского на русский проводился на основе перевода, выполненного М. Лорие. Данная версия перевода романа Джека Лондона «Прибой Канаки» сохраняет смысл оригинала и живость языка автора.

Ключевые слова: перевод, языковые средства, стилистические приемы, выразительные средства.

Для цитирования: Батаева Ф.А., Жунусбекова А.Б. Стилистические приемы в романе Джека Лондона «Прибой Канака» и особенности их перевода на русский язык // Наука и реальность. 2026. № 1 (25). С. 110–113.

STYLISTIC TECHNIQUES IN JACK LONDON'S «THE KANAKA SURF» AND SPECIFICS OF THEIR TRANSLATION INTO RUSSIAN

Batayeva F.A., Zhunusbekova A.B.

Abay Myrzakhmetov Kokshetau University
(Kokshetau, Republic of Kazakhstan)

Abstract. The article focuses on the study of stylistic techniques in Jack London's "The Kanaka Surf" and specifics of their translation into Russian. The article regards a variety of language tools to describe the specifics of translating stylistic devices in the book from English into Russian. The analysis of the translation from English into Russian was conducted in this paper using the translation completed by M. Laurie. This version of the translation of Jack London's "The Kanaka Surf" preserves the meaning of the original and the liveliness of the author's language.

Key words: translation, language tools, stylistic techniques, expressive means.

For citation: Batayeva F.A., Zhunusbekova A.B. Stylistic techniques in Jack London's «The Kanaka surf» and specifics of their translation into Russian // Science & Reality. 2026. no. 1 (25). pp. 110–113. (in English).

Jack London is an undisputed master of words, whose works span a wide range of genres and themes. His works include novels (Martin Eden [1]) and short stories (The Call of the Wild [2], White Fang [3]). He is also known as a short story writer. His works include northern and south seas stories, adventure stories, and picaresque tales.

This article examines the stylistic figures of speech (stylistic devices) found in Jack London's work “The Kanaka Surf” and the features of their translation into Russian.

This work by the author is characterized by an enthusiastic poetic language, which abounds with a variety of stylistic devices.

Let's consider examples:

Brief as was the skirt, the leg-tights were no less brief [4].

Как ни коротка была юбочка, трико под ней было еще короче [5].

The English sentence uses the syntactic stylistic device of inversion – reverse word order – brief as was the skirt. Unlike Russian, English has a fixed word order. Inversion is used to emphasize meaning. Thus, in the Russian translation, the meaning is enhanced by lexical *как ни*. A lexical translation technique, addition, is used.

In addition, this sentence uses the technique of repetition.

In stylistics, a subsection of the science of language (linguistics), various types of repetition are distinguished. It should be noted that repetition is considered a syntactic device of language.

Repetition is a simple repetition where a word, phrase, or sentence is repeated.

framing – in this case, the initial phrase is repeated or the word is repeated at the end of the sentence

anadiplosis – when the last phrase or word of a sentence is repeated at the beginning of the next sentence

tautology – when a part of a sentence, usually the subject, is repeated to emphasize the word

Thus, the sentence in question uses the framing technique, that is, the word brief begins and ends the sentence, as if framing the sentence.

In the next sentence:

They thought – such ardent self-deceivers were they – that they were shocked by her swimming suit [4].

Сами они, мастерицы себя обманывать, воображали, что их шокирует ее купальный костюм [5].

Here we see a tautological device, when the subject *they* is repeated to show how stunned they were by her bathing suit, although in the Russian translation the translator did not resort to using this device, but compensated for the strengthening of the meaning by other means of language.

What is interesting in the translation of the sentence is the translation of part of the sentence *such ardent deceivers they were*, which in Russian translation sounds like: *мастерицы себя обманывают*. The transformations occurred at both the lexical and grammatical levels. The adjective *ardent* (*пылкий, страстный, горячий*), although omitted, was incorporated into the semantics of the noun "masters." And the noun *self-deceivers* was transformed into the verb form *себя обманывают*. A complete transformation of part of the sentence occurred, using the lexical technique of omission, along with the morphological transformation of the part of speech — conversion.

It is noteworthy that the translator skillfully used the technique of replacing the verb *think* (*думать, размышлять, мыслить*) with the word *воображали*, which has a hint of irony.

Let's consider more examples:

It was, first of all, say her legs; or, first of all, say the totality of her, the sweet and brilliant jewel of her femininity bursting upon them [4].

Besides repeating the introductory *first of all*, not just repetitions, but repetitions of the structure with this introductory sentence, lexical stylistic devices are also used: metonymy - *femininity bursting*; epithets – *sweet and brilliant jewel*.

Смуцали их, скажем, ее ноги, или, вернее, вся она, нестерпимый блеск ее очаровательной, вызывающей женственности [5].

In the Russian translation, the word "say" is not repeated, and in the second case, it is replaced by the emphatic *вернее*. The introductory *first of all* is omitted, but it is supplemented with a clarifying predicate *смуцали*. There is a replacement of the epithet *sweet* into *нестерпимый*. In general, *sweet and brilliant jewel* is substituted by *нестерпимый блеск*. That is, the adjective is replaced by the noun *блеск*, and the addition of the epithet *вызывающей (женственности)* occurred, most likely under the influence of the semantics of the word *bursting upon them*, the predicate meaning of which is reflected in the introduced predicate, *скажем*.

In the following example, the English enumeration introduced by the conjunction *as well* in the translated version is conveyed by the syntactic stylistic device of polysyndeton, when the conjunction *и* is repeated several times: *вызов, и угроза, и оскорбительное превосходство*.

She was menace as well, an affront of superiority in their own chosen and variously successful game of life [4].

Да, в ней были вызов, и угроза, и оскорбительное превосходство над всеми партнерами в той маленькой жизненной игре, которую они сами выдумали и вели с переменным успехом [5].

We also see a translation technique here – addition (the word “вызов” is absent from the original sentence, but is added in the translated version).

The following English example uses asyndeton, a non-union combination of homogeneous parts of a sentence (*dawager, matron*), whereas the Russian translation uses polysyndeton (*и пожилые матроны, и дамы средних лет, и молодые девушки*).

Dowager, matron, and maid, conserving their soft-fat muscles or protecting their hot-house complexions in the shade of the hau-tree arbor, felt the immediate challenge of her [4].

Этот вызов безошибочно чувствовали и пожилые матроны, и дамы средних лет, и молодые девушки, оберегавшие от солнца свои слабенькие, затянутые жирком мышцы и тепличный цвет лица [5].

In translation, *in the shade of the hau - tree arbour* (оберегавшие от солнца) is omitted. The word "immediate" (challenge) – ЭТОТ (ВЫЗОВ) – has also been omitted. The word order in the sentence has also changed: in the English sentence the word order is direct, while in Russian, the word order is reversed.

Thus, we conclude that Jack London's story contains both lexical (epithets) and grammatical (morphological and syntactic) stylistic devices (inversion, repetition, polysyndeton, asyndeton, parallel constructions). In the Russian translation, lexical translation techniques (omission, addition, substitution) were used alongside with grammatical ones (conversion, inversion).

Bibliography

1. London D. *Martin Eden* – М.: Eksmo-press, 2018. – 390 p.
2. London D. *Call of the Wild* – М.: Eksmo, 2020. – 160 p.
3. London D. *White Fang*. – М.: Iskatel, 2017. - 160 p.
4. London J. *The Kanaka Surf*. <https://americanliterature.com/author/jack-london/short-story/the-kanaka-surf>
5. London D. *Kanaka Surf* (Translation by M. Laurie) <http://jacklondons.ru/books/item/f00/s00/z0000016/st022.shtml>

Батаева Фроза Асановна, кандидат филологических наук, доцент, Кокшетауский университет им. Абая Мырзахметова (г. Кокшетау, Республика Казахстан).

Batayeva Froza Asanovna, candidate of philological sciences, Associate Professor, Abay Myrzakhmetov Kokshetau University (Kokshetau, Republic of Kazakhstan).

asanfroza@gmail.com

Жунусбекова Асем Бакытовна, магистрант 2 курса, Кокшетауский университет им. Абая Мырзахметова (г. Кокшетау, Республика Казахстан).

Zhunusbekova Asem Bakytovna, 2nd year Master's student, Abay Myrzakhmetov Kokshetau University (Kokshetau, Republic of Kazakhstan).

Дата поступления: 19.01.2026

© Батаева Ф.А., Жунусбекова А.Б. 2026

УДК 81.42

Научная статья

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ДЕТСКОЙ ПОЭЗИИ С РУССКОГО НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АГНИИ БАРТО

Батаева Ф.А., Кабулова Ж.Ж.

Кокшетауский университет имени А.Мырзахметова
(г. Кокшетау, Республика Казахстан)

Аннотация. В статье рассматриваются лексико-стилистические особенности перевода детской поэзии с русского на английский язык на примере произведений Агнии Барто. Рассматриваются различные языковые средства для описания специфики перевода лексико-стилистических средств в произведениях Агнии Барто с русского языка на английский язык. В статье отмечается, что к наиболее часто используемым лексическим и стилистическим средствам в языке Агнии Барто относятся: метафоры, эпитеты, сравнения, перифраза, олицетворение, оксюморон.

Ключевые слова: перевод, языковые средства, лексические и стилистические средства, детская поэзия.

Для цитирования: Батаева Ф.А., Кабулова Ж.Ж. Лексические и стилистические особенности перевода детской поэзии с русского на английский язык на примере произведений Агнии Барто // Наука и реальность. 2026. № 1 (25). С. 114–118.

LEXICAL AND STYLISTIC FEATURES OF TRANSLATION OF CHILDREN'S POETRY FROM RUSSIAN INTO ENGLISH USING THE EXAMPLE OF THE WORKS OF AGNIYA BARTO

Batayeva F.A., Kabulova Zh. Zh.

Abay Myrzakhmetov Kokshetau University
(Kokshetau, Republic of Kazakhstan)

Abstract. The article focuses on the study of lexical and stylistic features of translating children's poetry from Russian into English, using the works of Agniya Barto as an example. The article regards a variety of language tools to describe the specifics of translating lexical and stylistic means in the works of Agniya Barto from English into Russian. It is noted in the article that the most frequently used lexical and stylistic devices in Agniya Barto's language include: metaphors, epithets, comparisons, periphrasis, personification, oxymoron.

Key words: translation, language tools, lexical and stylistic means, children's poetry.

For citation: Batayeva F.A., Kabulova Zh. Zh. Lexical and stylistic features of translation of children's poetry from Russian into English using the example of the works of Agniya Barto // Science & Reality. 2026. no. 1 (25). pp. 114–118. (in English).

Agnia Barto is an undisputed master of children's poetry. Translation of children's poetry requires from a translator preserving the author's style, lexical and stylistic features of the text, without violating the logic and meaning of the poem [1].

The most frequently used lexical and stylistic devices in Agniya Barto's language include: metaphors, epithets, comparisons, periphrasis, personification, oxymoron, etc.

Let's look at some examples. The first example is taken from A. Barto's poem "В школу" [2].

*Он оделся в две минуты,
Со стола схватил пенал.
Папа бросился вдогонку,
У дверей его догнал.*

In just a few lines, the author conveys the speed and impetuosity of what is happening in various ways: by specifying the time (*две минуты*); by using the perfective verb (*схватил*); by using the accelerating adverb (*вдогонку*). To enhance the semantics of impetuosity, the sentence employs the stylistic device of gradation, which ends with a climax.

Now let's look at the translation of this poem:

*His father rushed off in pursuit
From stair to stair, from floor to floor,
He bounded after Pete hot foot
And overtook him at the door [3, p. 54].*

In the English translation, the indication of the time *two minutes* is omitted, the fact of dressing is also omitted, but the lexical replacement is used – *in pursuit*, which the original author used in the third line, that is, an inversion occurred - a change in the order of the lines. The speed and swiftness expressed in the Russian sentence by the time marker is achieved in the English translation by the semantics of the verb *rush*. But special reinforcement is transmitted by the parallel construction *from stair to stair, from floor to floor*, repetitions of words in these constructions (*stair, floor*), which compensate for the stylistic device of gradation of the original version. The stylistic device of the climax of the Russian poem is also achieved by the phraseological unit *hot foot (to rush, to run quickly)*, the etymology of which goes back to a joke with burning feet.

A. Barto's poem "Звонки" [4].

Если он приходит с двойкой –

Слышу я издалека:

Раздается два коротких,

Нерешительных звонка.

In the first line we see a mention of a “two,” which is completely understandable for a Russian-speaking reader, as it is the reality of the five-point school grading system in the Soviet Union. One can't ignore the personification here — *нерешительных звонка*, — where the bells are imbued with human qualities and become hesitant. This example can also be interpreted as an example of metonymy, to say exactly, synecdoche, as it implies that the boy ringing the bell is hesitant due to a bad grade. This technique achieves an emotional impact and enlivens the text.

Let's consider a translation option for the poem “The Doorbell” [3, p. 58].

If the mark is "two" - a bad thing

Then I can tell from far away:

Two brief, hesitant and sad rings

Inform me how he's done today.

In the translation of the first line into English, the explanatory device “two” is used – a bad thing, since for a foreign-language reader, the number two doesn't indicate a bad grade. While the Russian version uses the predicate verb *слышу*, the English version uses *can tell*: the translation technique of substitution was used.

An example of metonymy-synecdoche (*нерешительных звонка*) is not conveyed by one, but by two epithets: *hesitant and sad*. Although the adjective *hesitant* has the meaning of *indecision*, the translator felt it necessary to add the epithet *sad*, since the word *sad* connotes *indecision*, which complemented the effect achieved by personification. In the last line of the translated example, the translator resorts to the lexical technique of modulation (additional information is provided, expansion occurs).

The next example is A. Barto's poem “Качели” [5].

Шумели от ветра

Зеленые ветви,

Висели качели

Под дубом столетним.

In the first line we note the stylistic device of personification - *шумели ветви*, in the last line an example of hyperbole (exaggeration) - *под дубом столетним*.

Then, we observe the phonetic device of alliteration, where the first letter of the words (*ветра, ветви, висели*) is repeated, conveying the gentle movement of the swing. The swing is part of nature and seems to live here forever alongside with the oak tree, the swing and the oak becoming one. This image of the swing as an integral part of childhood and carefreeness is achieved through personification, hyperbole, and alliteration.

Let's look at the translation of this poem “The Swings” [3, p. 69].

The green rustling leaves

In the soft breeze were playing;

The swings on the oak tree

Were swinging and swaying

In the English translation, the description of the branches is supplemented with the adjective *rustling*, which makes the rustling of the leaves in the branches more pronounced — a translation technique called addition. The branches themselves are also rendered as *leaves*, a lexical translation technique called replacement.

The second line uses the stylistic device of personification: *the leaves ... playing in the wind*.

The image of the wind is also softened by the epithet *soft*, and not just wind, but a light breeze.

If in the Russian version alliteration on the letter *-v-* was used, then in the English translation the semantics of swinging is conveyed by alliteration on the letter *-s-* (*singing, swaying*). The difference in the worldview of different peoples is also felt in the translation: in Russian, *the swing hung under the oak tree* (*качели висели под дубом*), while in the English version, *on the oak tree*.

Thus, we note that the language of Agniya Barto's poems is lively, colorful, and rich in striking stylistic devices. The examples examined utilized stylistic devices such as metonymy, personification, epithets, gradation, repetition, alliteration, and hyperbole.

When translating into English, the following lexical translation techniques were used: substitution, omission, addition, modulation, explanation; the syntactic translation technique of inversion.

We believe that research into the characteristics of children's poetry in translation will help foreign-language readers gain a deeper understanding of the original text and will enable students studying in the translation departments of language faculties to master the fundamentals of translating children's literature

Bibliography

1. Azarova, N.M. Poetry. Textbook [Text] / N.M. Azarova. – M.: OGI, 2013. – 866 p.
2. Barto A. To school. URL:<https://deti-online.com/stihi/stihi-agnii-barto/v-shkolu/>
3. Barto A. Merry Rhymes URL:<https://ia601808.us.archive.org/15/items/merry-rhymes-agnia-barto/MERRY%20RHYMES%20-%20AGNIA%20BARTO.pdf>
4. Barto A. Calls. URL:<https://deti-online.com/stihi/stihi-agnii-barto/zvonki/>
5. Barto A. Swing URL:<https://deti-online.com/stihi/stihi-agnii-barto/kacheli/>

Батаева Фроза Асановна, кандидат филологических наук, доцент, Кокшетауский университет им. Абая Мырзахметова (г. Кокшетау, Республика Казахстан).

Batayeva Froza Asanovna, candidate of philological sciences, Associate Professor, Abay Myrzakhetov Kokshetau University (Kokshetau, Republic of Kazakhstan).

: asanfroza@gmail.com

Кабулова Жанна Жаксынбаевна, магистрант 2 курса, Кокшетауский университет им. Абая Мырзахметова (г. Кокшетау, Республика Казахстан).

Kabulova Zhanna Zhaksynbaevna, 2nd year Master's student, Abay Myrzakhmetov Kokshetau University (Kokshetau, Republic of Kazakhstan).

Дата поступления: 19.01.2026

© Батаева Ф.А., Кабулова Ж.Ж. 2026

УДК 81.42

Научная статья

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АТРИБУТИВНЫХ ПРИДАТОЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В РОМАНЕ Т. ДРАЙЗЕРА «АМЕРИКАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ» НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Батаева Ф.А., Тюменева Р.А.

Кокшетауский университет имени А.Мырзахметова
(г. Кокшетау, Республика Казахстан)

Аннотация. Данное исследование посвящено рассмотрению атрибутивных придаточных предложений в контексте перевода с английского на русский язык. В работе рассматриваются трансформации на уровне предложения, отражающие синтаксическую структуру предложений. Также рассматриваются основные средства связи, такие как местоимения: кто, кого, чей, который, что, где, почему и т. д. Для анализа было выбрано произведение «Американская трагедия», поскольку оно характеризуется сложной структурой предложения, состоящей из различных придаточных предложений.

Ключевые слова: перевод, атрибутивные придаточные предложения, синтаксическая структура, уровень предложения, средства связи.

Для цитирования: Батаева Ф.А., Тюменева Р.А. Особенности перевода атрибутивных придаточных предложений в романе Т. Драйзера «Американская трагедия» на русский язык // Наука и реальность. 2026. № 1 (25). С. 119–122.

PECULIARITIES OF TRANSLATION OF ATTRIBUTIVE SUBORDINATE CLAUSES IN T. DREISER'S NOVEL "AN AMERICAN TRAGEDY" INTO RUSSIAN

Batayeva F.A., Tyumeneva R. A.

Abay Myrzakhmetov Kokshetau University
(Kokshetau, Republic of Kazakhstan)

Abstract. This study is devoted to the consideration of attributive clauses in the context of translation from English into Russian. This paper focuses on transformations at the sentence level, reflecting the syntactic structure of sentences. The main means of connection such as pronouns: who, whom, whose which, that, where, why, etc. are also regarded. The work "An American Tragedy" was chosen for analysis because it is characterized by a complex sentence structure consisting of various subordinate clauses.

Key words: translation, attributive clauses, syntactic structure, sentence level, means of connection.

For citation: Batayeva F.A., Tyumeneva R.A. Peculiarities of translation of attributive subordinate clauses in T. Dreiser's novel "An American Tragedy" into Russian // Science & Reality. 2026. no. 1 (25). pp. 119–122. (in English).

First of all, it is necessary to outline the features of the functioning of attributive clauses in the English language.

When considering translation problems from one language to another, various transformations arise, as the grammatical norms of the languages may differ, and the lexical means of expressing thoughts may also differ in different languages. Grammatical transformations can be morphological or syntactic. This paper focuses on transformations at the sentence level, reflecting the syntactic structure of sentences.

The main means of connection are pronouns: who, whom, whose which, that, where, why, etc.

The work "An American Tragedy" was chosen for analysis because it is characterized by a complex sentence structure consisting of various subordinate clauses. Our study focuses primarily on those that describe characteristics of feelings, characters, places, and other objects. These subordinate clauses function as attributes within a sentence and are therefore called attributive clauses [1].

They (attributive clauses) describe features that relate to a person or object and are closely related to the word being defined, and are not separated by a comma [2].

Classifying attributive clauses indicate the belonging of the defined noun to a certain group or class.

Descriptive attributive clauses usually contain additional information about the person or thing being described.

It should be noted that who (whom, whose) is often replaced by the pronoun that or may be omitted [3].

Let's look at examples from T. Dreiser's novel "An American Tragedy".

The example below was chosen by us because it contains three defining subordinate clauses.

Because of his parents, and in spite of his *looks, which were really agreeable and more appealing than most*, he was inclined to misinterpret the interested *looks which were cast at him occasionally by young girls* in very different walks of life from him—the contemptuous and yet rather inviting way in which they looked to see if he were interested or disinterested, brave or cowardly [4, p. 13].

Поглощенный мыслью о родителях, он забывал о своей *внешности - он был в самом деле очень недурен, даже привлекателен* - и истолковывал не в свою пользу заинтересованные, пренебрежительные и в то же время манящие *взгляды, которые бросали на него девушки совсем другого круга, стараясь узнать, нравятся они ему или нет, смелый он или трусишка* [5, p. 11].

In the first sentence we can talk about a syntactic technique of translation - division of a sentence, since the author of the translation introduces an additional subject here (*он был в самом деле очень недурен...*), in the presence of the word being defined (*внешности*)).

In the translation of the second attributive clause (*which were cast upon him*) into Russian conversion took place. This translation technique also refers to grammatical (morphological) translation techniques. In this case, the English sentence uses the passive voice verb form, whereas in the Russian sentence the verb form is in the active voice.

When translating the third attributive clause (in which they looked to see...) the translator used the adverbial modifier expressed by Participle 1 to translate "see ..." into Russian (trying to find out...). Replacing one part of speech with another is a morphological technique called conversion translation.

Thus, several translation techniques were used in one sentence, which serve to make the translation more accurate, adequate and close to the style of the original language.

These are techniques such as:

- a syntactic technique for dividing a sentence;
- conversion, as a replacement of the passive voice with the active one;
- conversion as a replacement of a part of speech.

The next example: ...a most unimportant-looking person, *who carried a small portable organ such as is customarily used by street preachers and singers* [4, p. 5].

... весьма невзрачная личность; *на ремне, перекинутом через плечо*, небольшой органчик, *какими обычно пользуются уличные проповедники и певцы* [5, p.1].

This sentence has undergone the following transformations:

- omission (*carried* was omitted)
- a translation technique of modulation (semantic expansion – information about the belt was expanded)

It is noteworthy that the English sentence uses an introductory phrase that begins with *such as*, since this introductory phrase is not indicated as a way of connecting the subordinate clauses of definition.

In the following example, in the original sentence, a complex sentence becomes a compound sentence in the Russian translation, that is, the author of the translation connects two simple sentences with a coordinating connection.

...the man put down the organ, *which the woman immediately opened*, setting up a music rack *upon which she placed a wide flat hymn book* [4, p.5].

... мужчина поставил органчик на землю, *а женщина немедленно открыла его*, подняла *пюпитр* и раскрыла *широкую тонкую книгу псалмов* [5, p. 1].

The use of a coordinating connection is also observed in the second case of translation of the attributive clause (*upon which she placed a wide flat hymn – подняла пюпитр и раскрыла тонкую книгу псалмов*)

... *father, whose weak blue eyes and rather flabby but poorly-clothed figure bespoke more of failure than anything else* [4, p. 6] .

... *непрактичный и жалкий вид отца, чьи бледно-голубые глаза и вялая фигура, облаченная в дешёвый костюм, выдавали неудачника* [5, p. 2].

In this example, we note that in the English sentence the attributive clause is in preposition in relation to the word it defines, whereas in the Russian translation it is in postposition (poorly-clothed figure – фигура, облачённая в дешёвый костюм).

Changing the position of a subordinate clause is referred to as the technique of inversion.

Thus, when translating the attributive clauses in T. Dreiser's novel "An American Tragedy" from English into Russian, the following translation techniques were used: - a syntactic technique for dividing sentences, morphological technique of replacing a verb form - conversion, modulation reception, omission, addition, syntactic technique of inversion.

Such transformations in translation are intended to help translators make the translation more accurate, adequate, and close to the style of the original language.

Bibliography

1. Kozlov V.S. Stylistic potential of participial phrases and subordinate clauses in modern English: Diss. Cand. Philological Sciences. - Moscow, 1984. - 172 p.
2. Carte R., McCarthy M. The Cambridge Grammar of English. - Cambridge University Press, 2011. - 974 p.
3. Zolotova G.A. Communicative aspects of Russian syntax. - M.: Nauka, 1982. - 368 p.
4. Dreiser Th. American Tragedy. URL:<https://ebook-mecca.com/online/Theodore%2BDreiser%2B%2BAn%2BAmerican%2BTragedy.pdf>
5. Dreiser T. "An American Tragedy". URL:<https://linguabooster.com/ru/ru/book/amerikanskaia-tragediia>

Батаева Фроза Асановна, кандидат филологических наук, доцент, Кокшетауский университет им. Абая Мырзахметова (Республика Казахстан, г. Кокшетау).

Batayeva Froza Asanovna, candidate of philological sciences, Associate Professor, Abay Myrzakhmetov Kokshetau University (Kokshetau, Republic of Kazakhstan).

asanfroza@gmail.com

Тюменева Роза Акифовна, магистрант 2 курса, Кокшетауский университет им. Абая Мырзахметова (Республика Казахстан, г. Кокшетау).

Tyumeneva Roza Akifovna, 2nd year Master's student, Abay Myrzakhmetov Kokshetau University (Kokshetau, Republic of Kazakhstan).

Дата поступления: 19.01.2026

УДК 81.42

Научная статья

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ В ПРОИЗВЕДЕНИИ У. ТЕККЕРЕЯ «ЯРМАРКА ТЩЕСЛАВИЯ» НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Батаева Ф.А., Мухамедина А.А., Сембаева Г.Т.
Кокшетауский университет имени А.Мырзахметова
(г. Кокшетау, Республика Казахстан)

Приступа Е.Н.
Московский государственный педагогический университет
(г. Москва, Россия)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности перевода выразительных средств в произведении У. Теккерея «Ярмарка тщеславия» на русский язык. Рассматривается разнообразие языковых средств для описания специфики перевода стилистических приемов книги с английского на русский. Анализ перевода с английского на русский проводился на примере перевода, выполненного Михаилом Алексеевичем Дьяконовым. Этот вариант перевода «Ярмарки тщеславия» Уильяма Теккерея сохраняет смысл оригинала и живость языка автора.

Ключевые слова: перевод, языковые средства, стилистические приёмы, выразительные средства.

Для цитирования: Батаева Ф.А., Мухамедина А.А., Сембаева Г.Т., Приступа Е.Н. Особенности перевода выразительных средств в произведении У. Теккерея «Ярмарка тщеславия» на русский язык // Наука и реальность. 2026. № 1 (25). С. 123–127.

PECULIARITIES OF TRANSLATING EXPRESSIVE MEANS IN W. THACKERAY'S WORK "VANITY FAIR" INTO RUSSIAN

Batayeva F.A., Mukhamedina A.A., Sembaeva G.T.
Abay Myrzakhmetov Kokshetau University
(Kokshetau, Republic of Kazakhstan)

Pristupa E.N.
Moscow State Pedagogical University
(Moscow, Russia)

Abstract. The article focuses on the study of peculiarities of translating expressive means in W. Thackeray's work "Vanity Fair" into Russian. The article regards a variety of language tools to describe the specifics of translating stylistic devices in the book from English into Russian. The analysis of the translation from English into Russian was conducted in this paper using the translation completed by Mikhail Alekseevich Dyakonov. This version of the translation of William Thackeray's "Vanity Fair" preserves the meaning of the original and the liveliness of the author's language.

Key words: translation, language tools, stylistic devices, expressive means.

For citation: Batayeva F.A., Mukhamedina A.A., Sembaeva G.T., Pristupa E.N. Peculiarities of translating expressive means in W. Thackeray's work «Vanity Fair» into Russian // Science & Reality. 2026. no. 1 (25). pp. 123–127. (in English).

This study examines the expressive means in William Thackeray's "Vanity Fair" [1] and considers the specifics of their translation into Russian. This work was written in the 19th century (1848), and the first translations of the novel appeared even then. The analysis of the translation from English into Russian was conducted in this paper using the translation completed by Mikhail Alekseevich Dyakonov in 1933 [2]. This version of the translation of William Thackeray's "Vanity Fair" preserves the meaning of the original and the liveliness of the author's language.

Fiction differs from all other genres in its colorfulness and expressiveness, achieved through the use of various expressive linguistic devices. Thackeray's text is enhanced by various stylistic devices.

Literally in the very first sentence of the work, when describing a carriage with harnessed horses, we encounter the syntactic device of repetition. The repetition of the word *fat* (*fat horses, a fat coachman*) together with the simple epithet *large* (*a large family coach*) announces the arrival of an expensive carriage carrying wealthy guests. How was this implemented in the translation?

In the Russian translation of the sentence, we find the words *вместительная семейная карета, откормленные лошади, откормленный кучер*. The translator masterfully used synonyms: not just *жирные*, but *откормленные лошади*; not *большая карета*, but *вместительная карета*. These synonyms suggest that the carriage owner was more than wealthy. Moreover, the translation also employs repetition.

The following example uses the stylistic device of metonymy, synecdoche – the nose is peeking out from behind the geranium, although the girl herself is meant:

...the little red *nose* of good-natured Miss Jemima Pinkerton herself, *rising* over some geranium pots ... [1, p. 8].

...красный *носик* добродушной мисс Джемаймы Пинкертон, *выглянувший* из-за горшков герани [2, p. 1].

In English it was *the little "nose,"* while in Russian it's *носик*. This is explained by the fact that Russian uses the diminutive suffix *-ик* (an affectionate nosing), which is why the adjective "*little*" is omitted. However, sometimes overlaps occur (cf. "*маленький носик*" is also possible).

Below are some examples of the stylistic device - comparison (simile). As is known, in English, comparison can be introduced using the comparative conjunctions *as*, *like*, *as ... as*, *not so ... as*.

Let's look at example with *as ... as*:

...an autograph letter of her sister, Miss Pinkerton, was an object of *as deep veneration as would have been a letter from a sovereign* [1, p. 9]

...каждое собственноручное письмо ее сестры, мисс Пинкертон, было священо, как послание какой-нибудь коронованной особы [2, p. 1].

In the English sentence, *deep veneration* is part of the comparison structure, whereas in the Russian sentence it goes beyond the comparison, and *deep* goes down.

In the translation of the expression *sing like a lark – she sang like a lark*. The poetic expression *словно* is used, not *как* or *подобно*. This English expression can be considered a well-established, frequently used expression; in Russian, singing is usually compared to a nightingale.

An example of such a frequently used comparison is the following sentence, in which, by the way, we observe the use of the same diminutive-affectionate technique, which may indicate the regularity of such a translation:

...the orphan followed her about *like a little dog* [1, p. 12].

... сиротка, ходила за ней по пятам, как собачонка [2, p. 2].

In the following case, no introductory conjunction is used in the English sentence, and the meaning of comparison is conveyed by means of a two-syllable epithet *Roman-nosed*.

...throwing up her venerable and *Roman-nosed* head [1, p.14].

...вздернув украшенную римским носом почтенную голову [2, p. 3].

The following transformations occurred in translation from English to Russian:

- the adjective *venerable* has changed its position, that is, in the English sentence it is located before the adjective in question *Roman-nosed*, whereas in the Russian translation it is after it;

- a two-syllable epithet *Roman-nosed* conveyed in the Russian version by a participial phrase - *украшенную римским носом* - the technique of adding and expanding the meaning is used.

An example of the stylistic device of zeugma is presented in the following example:

...and though she no more *comprehended sensibility than she did Algebra* [1, p. 12].

...и хотя была способна к пониманию чувствительных сердец не более, чем алгебры [2, p. 2].

Zeugma is used when two words or two sentences are combined that don't fit together in meaning. This often occurs when different nouns are attached to the same verb. In this example, these are *восприятие чувствительных сердец и понимание алгебры*. Clearly, this technique creates a comical and even ironic effect.

The text being analyzed is interesting in its use of *antonomasia* – the use of proper names: For example - that pompous old Minerva - эта напыщенная и престарелая Минерва.

The fact is that in mythology, Minerva is the goddess of wisdom, who supported men of science and art, but in the text, she overlooks all of Miss Sedley's qualities, used ironically. The next time the author of the original text uses the name Semiramis (the legendary queen of Assyria).

... Semiramis tossed up her turban more indignantly than ever [1, p. 14].

...Семирамида с большим, чем когда-либо, негодованием тряхнула тюрбаном [2, p. 3].

As a rule, international words and expressions are conveyed by correspondence – a tracing in the target language, as in our example.

A striking example of the stylistic device of antithesis (contrast) can be seen in the following example:

Frown at it, and it will in turn *look sourly* upon you; *laugh at it* and with it, and it is *a jolly kind companion* [1, p. 18].

Нахмурьтесь - и он, в свою очередь, *кисло взглянет на вас*; *засмейтесь* ему и вместе с ним - *и он станет вашим веселым, милым товарищем* [2, p. 4]

English contrasts *frown – laugh, sourly – jolly, kind* translated directly: *нахмурьтесь – засмейтесь; кисло – весёлым, милым*.

The language of W. Thackeray is rich in metaphors. Here is one from examples:

Oh, why did Miss Pinkerton let such a dangerous bird into her cage? [1, p. 19].

О, зачем мисс Пинкертон впустила в свою клетку такую опасную птицу! [2, p. 4].

Here Miss Pinkerton is identified with a dangerous bird in a cage.

Thus, as a result of the analysis, we identified the use of such stylistic devices as repetition, comparison (simile), one of the types of metonymy synecdoche (synecdoche), zeugma (zeugma), *antonomasia* - the use of proper names, antithesis (contrast), metaphor. Such translation techniques were used: omission, addition, etc.

Bibliography

1. Thackeray W. Vanity Fair. URL:[https://ebook-mecca.com/online/William Makepeace Thackeray Vanity Fair.pdf](https://ebook-mecca.com/online/William_Makepeace_Thackeray_Vanity_Fair.pdf) Accessed: 10.12.2025.

2. Теккерей У. Ярмарка тщеславия. URL:https://loveread.ec/read_book.php?id=10502&p=1 Accessed: December 10, 2025.

3. Dictionary of synonyms URL:<https://sinonim.org/sc/27111/22> Accessed: December 10, 2025.

Батаева Фроза Асановна, кандидат филологических наук, доцент, Кокшетауский университет им. Абая Мырзахметова (Республика Казахстан, г. Кокшетау).

Batayeva Froza Asanovna, candidate of philological sciences, Associate Professor, Abay Myrzakhmetov Kokshetau University (Kokshetau, Republic of Kazakhstan).

: asanfroza@gmail.com

Мухамедина Айгуль Алкеновна, кандидат филологических наук, доцент, Кокшетауский университет им. Абая Мырзахметова (Республика Казахстан, г. Кокшетау).

Mukhamedina Aigul Alkenovna, candidate of philological sciences, Associate Professor, Abay Myrzakhmetov Kokshetau University (Kokshetau, Republic of Kazakhstan).

: aigul_kuam@mail.ru

Сембаева Гулмарал Токтагазыкызы, магистрант 2 курса, Кокшетауский университет им. Абая Мырзахметова (Республика Казахстан, г. Кокшетау).

Sembaeva Gulmaral Toktagazykyzy, 2nd year Master's student, Abay Myrzakhmetov Kokshetau University (Kokshetau, Republic of Kazakhstan).

Приступа Елена Николаевна, доктор педагогических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет (г.Москва, Россия).

Pristupa Elena Nikolaevna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Moscow State Pedagogical University (Moscow, Russia).

: en.pristupa@mpgu.su

Дата поступления: 19.01.2026

© Батаева Ф.А., Мухамедина А.А., Сембаева Г.Т., Приступа Е.Н. 2026

УДК 81.42

Научная статья

ИЗУЧЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ И ТРАНСФОРМАЦИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ КАЗАХСКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Батаева Ф.А., Шаригат А.
Кокшетауский университет имени А.Мырзахметова
(г. Кокшетау, Республика Казахстан)

Аннотация. В статье рассматриваются сходства и различия пословиц и поговорок в казахском и английском языках. Анализируются изменения и трансформации, происходящие при переводе казахских пословиц и поговорок на английский язык. Изучение пословиц и поговорок на казахском и английском языках влияет на выявление национальных культурных особенностей этих стран.

Ключевые слова: перевод, языковые средства, лексико-стилистические средства, казахские пословицы и поговорки.

Для цитирования: Батаева Ф.А., Шаригат А. Изучение изменений и трансформаций при переводе казахских пословиц и поговорок на английский язык // Наука и реальность. 2026. № 1 (25). С. 128–131.

STUDY OF THE CHANGES AND TRANSFORMATIONS WHEN TRANSLATING KAZAKH PROVERBS AND SAYINGS INTO ENGLISH

Batayeva F.A., Sharigat A.
Abay Myrzakhmetov Kokshetau University
(Kokshetau, Republic of Kazakhstan)

Abstract. The article focuses on the study of the similarities and differences of proverbs and sayings in the Kazakh and English languages. The article regards the changes and transformations that occur when Kazakh proverbs and sayings are translated into English. The study of proverbs and sayings in the Kazakh and English languages affects the identification of the national cultural characteristics of these countries.

Key words: translation, language tools, lexical and stylistic means, Kazakh proverbs and sayings.

For citation: Batayeva F.A., Sharigat A. Study of the changes and transformations when translating Kazakh proverbs and sayings into English // Science & Reality. 2026. no. 1 (25). pp. 128–131. (in English).

Although the various phenomena that occur in life are similar in every nation in the world, the means of understanding and expressing them through language are different. Because the image of the world of each nation is expressed through linguistic phenomena.

One of these linguistic tools is proverbs. Proverbs are part of the phraseological fund of the language and are studied in the department of lexicology. Phraseology reflects the mentality, culture and psychology of the nation.

It is of great interest to consider, describe, and compare the similarities of proverbs and sayings in the Kazakh and English languages. We believe that it is even more important to study the changes and transformations that occur when Kazakh proverbs and sayings are translated into English. This is because the cultures, religions, histories, and social and political conditions of the Kazakh and English nations are different and have many differences. The study of proverbs and sayings in the Kazakh and English languages affects the identification of the national cultural characteristics of these countries.

Being a clear, figurative saying that conveys an undeniable truth and folk wisdom in a concise and accessible form, a proverb is very well repeated in speech. For centuries, people have expressed a certain idea in various ways, until its content acquired an optimal form in accordance with the knowledge and perception of all members of a given language community. Therefore, proverbs are often understood “without words” by native speakers and can be repeated elliptically, that is, incompletely [1].

Proverbs that have stood the test of time have organically merged with speech; they always decorate it with wit and the ability to accurately and accurately describe all the diverse manifestations of life. Proverbs can be divided into different semantic groups. Most proverbs are related to the theme of the homeland.

For example:

Ел – елдің бәрі жақсы, өз елің бәрінен жақсы (The country is good, but your own country is better than all others).

We find the equivalent in English:

There is no place like home.

However, the Kazakh proverb is often associated with the word "country" - it is repeated three times, while its English counterpart is associated with the concept of "home". Thus, it is clear that the Kazakh nation has a high respect for its country, while the English believe that the country begins with its home. The English proverb - *An Englishman's home is his castle* [2] clearly demonstrates this concept.

So, during the translation process, not only did the structure of the sentence change, but a whole transformation took place - the English equivalent was used.

There are several proverbs in the Kazakh language related to the topic of the country:

Өзге елде сұлтан болғаниша, өз еліңе ұлтан бол (Before you become a sultan in another country, be a citizen of your own country).

First, in addition to thematic grouping, they are also grouped in terms of grammatical composition. This proverb belongs to imperative sentences [2]. Opposite words are used: sultan - ultan. It is again clear that the meaning of the country prevails, and it is also noted that the word sultan honors the king of the Kazakh nation.

Let's see the English equivalent:

Dry bread at home is better than roast meat abroad

In the English equivalent, the main foods given to the person are bread and meat.

These proverbs and sayings summarize the love of home and country of the Kazakh and English peoples.

The following table analyzes several more proverbs and sayings on this topic of homeland.

Table 1 - Analysis of proverbs and sayings of Kazakh and English languages

Proverbs and sayings in the Kazakh language	English equivalent	Literal translation	Analysis
Отан елдің анасы, Ел ердің анасы	Motherland - mother, know how to stand by her	The motherland is the mother of the country The country is the mother of the hero	The Kazakh proverb emphasizes the importance of the man, while the English equivalent provides the exact meaning - an explanation method
Жауда қалған бұлбұлдан Отанға қайтқан ит артық	The wider we roam, the welcome home	A dog that returns to the homeland is better than a nightingale left behind by the enemy	In Kazakh, the contrast between a dog and a nightingale is given, while in the English translation, the main meaning is travelling, walking - completely changed.
Отаны бардың жүрегі бар Жүрегі бардың тілегі бар	Home is where the heart is	He who has a homeland has a heart He who has a heart has a desire	The main thematic idea of the proverbs in both languages - the heart - is in complete agreement.
Өз үйім – кең сарайдай боз үйім	An Englishman's home is his castle	My own home is a gray house like a spacious palace	For Kazakhs, a palace is important, and for Englishmen, a castle is important - a partial coincidence
Өз елім – өлең төсемім	East or West Home is best	My own country is my bed of poetry	The Kazakh example uses the stylistic method of metaphor, while the English equivalent uses the example of places, so each country has proverbs with its own connotations.
Бұлбұл гүлзараны сүйеді, Адал адам Отанын сүйеді	Every bird likes its own nest.	The nightingale loves the flowerbed, A loyal man loves his homeland	The nightingale is seen for the second time in a Kazakh proverb, and in English it has a general meaning - generalization.
Сұңқар қиясын сағынады, Торғай ұясын сағынады	It is a foolish bird. That soils its own nest	The falcon misses the shore The sparrow misses its nest.	Both sentences use birds as examples, but while the Kazakh language uses the name of specific birds, the English language uses a general concept - generalization.

During this analysis, we came to the following conclusion:

Proverbs in the Kazakh language are associated with a person's country, business, birds and animals. Although they have English equivalents, they have a completely different semantic

meaning. The translator must not only translate proverbs and sayings literally, but also understand their meaning and be able to convey their meaning coherently and competently [3].

Studying Kazakh and English proverbs allows us to learn about the psychology and worldview of another country.

Bibliography

1. Sikhimova A. M. Kazakh and English in languages proverbs of translation Difficulties / Current problem translation. Philological science – 6. URL: https://www.rusnauka.com/11_NPE_2013/Philologia/6_133879.doc.htm Application date 11.12.2025
2. Russian-English dictionary. URL: <https://www.babla.ru> Access date 11.12.2025
3. Berikhanova A. E., Zhunusova Zh. M., Mukhametzhanova Zh. A. Russian and Kazakh equivalents of English proverbs are working Austrian Journal of Humanities and Social Sciences (5-6) 2014. - S. 73-76.

Батаева Фроза Асановна, кандидат филологических наук, доцент, Кокшетауский университет им. Абая Мырзахметова (Республика Казахстан, г. Кокшетау).

Batayeva Froza Asanovna, candidate of philological sciences, Associate Professor, Abay Myrzakhmetov Kokshetau University (Kokshetau, Republic of Kazakhstan).

: asanfroza@gmail.com

Шаригат Айгерим, магистрант 2 курса, Кокшетауский университет им. Абая Мырзахметова (Республика Казахстан, г. Кокшетау).

Sharigat Aigerim, 2nd year Master's student, Abay Myrzakhmetov Kokshetau University (Kokshetau, Republic of Kazakhstan).

Дата поступления: 19.01.2026

© Батаева Ф.А., Шаригат А. 2026

УДК 81.42

Научная статья

**ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СТИЛИСТИЧЕСКИХ
ОСОБЕННОСТЕЙ ПРОИЗВЕДЕНИЯ УИЛЬЯМА УИЛКИ КОЛЛИНЗА
«ЖЕНЩИНА В БЕЛОМ»**

Батаева Ф.А., Джармуханова А.Б.
Кокшетауский университет имени А.Мырзахметова
(г. Кокшетау, Республика Казахстан)

Аннотация. Данное исследование посвящено проблемам перевода лингвистических стилистических особенностей произведения Уильяма Уилки Коллинза «Женщина в белом». Изучение лингвистических стилистических особенностей литературных произведений включает детальное исследование роли и функций языковых средств на различных уровнях, а также стилистических особенностей. Для проведения переводческого исследования литературного текста был проведен лингвистический анализ исходного текста с рассмотрением всех аспектов языка: грамматического, лексического, стилистического и фонетического.

Ключевые слова: перевод, языковые средства, литературный текст, стилистические особенности.

Для цитирования: Батаева Ф.А., Джармуханова А.Б. Проблемы перевода лингвистических стилистических особенностей произведения Уильяма Уилки Коллинза «Женщина в белом» // Наука и реальность. 2026. № 1 (25). С. 132–136.

**PROBLEMS OF TRANSLATING THE LINGUISTIC STYLISTIC FEATURES OF
WILLIAM WILKIE COLLINS'S WORK «THE WOMAN IN WHITE»**

Batayeva F.A., Dzarmukhanova A.B.
Abay Myrzakhmetov Kokshetau University
(Kokshetau, Republic of Kazakhstan)

Abstract. This study is devoted to the problems of translating the linguistic stylistic features of William Wilkie Collins's work "The Woman in White". The study of the linguistic stylistic features of literary works involves a detailed examination of the role and functions of linguistic means at various levels, as well as stylistic features. To conduct a translation study of a literary text, a linguistic stylistic analysis of the source text has been carried out, examining all aspects of the language: grammatical, lexical, stylistic, and phonetic.

Key words: translation, linguistic means, literary text, stylistic features.

For citation: Batayeva F.A., Dzhamukhanova A.B. Problems of translating the linguistic stylistic features of William Wilkie Collins's work «The woman in white» // Science & Reality. 2026. no. 1 (25). pp. 132–136. (in English).

This study is devoted to the problems of translating the linguostylistic features of William Wilkie Collins's work “The Woman in White”.

The problems of linguistics—a discipline that examines various styles (of language, speech, genres, writers, etc.) and the expressive, emotional, and evaluative properties of linguistic units—attract the attention of many scholars. Among these, a prominent place is occupied by the study of the linguistics features of literary works, which involves a detailed examination of the role and functions of linguistic means at various levels, as well as stylistic features [1].

To conduct a translation study of a literary text, it is first necessary to conduct a linguistics analysis of the source text, which involves examining all aspects of the language: grammatical, lexical, stylistic, and phonetic. We believe that the study of the linguistics aspects of literary translation should be comprehensive and systematic, encompassing the entire range of linguistics devices used in the literary text.

In this paper, preference will be given to the stylistics of the language of the work, as it can identify the expressive means of language, which can be expressed through grammatical, lexical, and even phonetic forms and techniques. Linguistics analysis of the original and target languages reveals all the means used by the author of the source text and the author of the translation and establishes similarities and differences in the linguistic structure of the two languages. Identifying all these patterns allows the translator to correctly select the linguistic means necessary to convey the original author's thoughts.

Wilkie Collins wrote “The Woman in White” in 1860, and it immediately became the most popular novel of the 19th century. His style is characterized by intriguing plots, colorful characters, psychological dramas, and mysterious situations.

There are several translations of W. Collins's novel into Russian: by T. Leshchenko-Sukhomlinskaya, A. Bystrova, and I. Tarasenko. There have also been anonymous translations of the novel; our study uses T. Leshchenko-Sukhomlinskaya's translation as the basis.

On the very first page of the narrative we observe an example of the use of metonymy-synecdoche:

Thus, the story will be told by more than one pen [2, p. 1].

This sentence in the original language uses the word *pen*, meaning the person who writes (cf. feather).

In the Russian translation, the author resorts to direct translation, and metonymy is no longer used:

Итак, эту историю будут писать несколько человек [3, p. 1].

Moreover, in the English sentence the predicate verb *tell* is used, whereas in the Russian translation it is replaced with *write*, as if filling the metonymic function of *pen*.

In the next example – *pilgrims of the London pavement* – we note a striking example of the use of metaphor (cf.: pilgrims of London sidewalks), which in Russian translation loses the figurative meaning of the metaphor – *странствовать по лондонским мостовым* – but the verb *странствовать* is used, the semantics of which includes the meaning of a long, grueling journey.

During the translation, a grammatical transformation occurred: one part of speech is transformed into another - the English noun *pilgrims* is replaced in the Russian sentence by the verb *странствовать*.

We offer the following example for analysis:

... *the fading summer left me out of health, out of spirits, and, if the truth must be told, out of money as well* [2, p. 1] .

As can be seen from the example, the prepositional combination *out of* is repeated three times. Thus, in addition to repetition, this sentence uses the stylistic device of *zeugma*, when health, mood, and money are all attached to this preposition. Let's see how the irony and bitterness conveyed in the English text manifests itself in Russian:

- *уходящее лето оставляло меня в плохом настроении, в плохом состоянии здоровья и, по правде сказать, почти без денег* [3, p.1].

The repetition technique was implemented in the Russian translation by repeating the word "*bad*." As for translation techniques, the addition technique was used: the words *плохой, состояние (здоровья,) почти* were supplemented. The effect created by *zeugma*—irony—is practically lost, although the meaning of bitterness remains.

The original text used the phraseological unit with a negative connotation *out of*, in translation into Russian the translator had to resort to lexical substitutes.

Such problems in translation occur when the linguistic means of the source text, whether lexical or grammatical, do not have an exact correspondence in the target language, and then transformations occur in the target language.

We will format the following sentence using three syntagmas, since each of them uses colorful stylistic devices:

...*the London air was at its heaviest; the drum distant was at its faintest* [2, p. 2] .

In this part of the English sentence, the stylistic device of *antithesis* is used - *opposition*, from the point of view of grammar it is necessary to note the use of the superlative degree of adjectives, we also note the syntactic device of *parallel construction (parallelism)*, in which not a word or expression is repeated, but the structure of the sentence.

In the translation into Russian, the superlative degree was not maintained:

... *лондонский воздух был удушливым, городской шум стихал* [3, p.1].

At the same time, the air is not simply heavy, but suffocating, which in Russian has a connotation of more than just heavy. The verb "*stihal*" also sounds not simply quiet, but quieter and quieter. This may be due to the fact that the semantics of some words include additional information.

Now let's look at the second part of the sentence:

the small pulse of the life within me, and the great heart of the city around me, Seemed to be sinking in unison, [2, p. 2].

We note the use of parallel structures again, the use of metonymy (*heart of the city*), oppositions (*small - great*), all this together creates the feeling of a person in the rhythm of a big city.

In the Russian translation - *Сердце огромного города и моё, казалось, бились в унисон* - we note the translation technique of omission (*the small pulse of life*) and the introduction of the stylistic device of zeugma (*сердце города и моё*) [3, p.1].

In the third part of the original sentence there is a gradation and climax - *languidly and more languidly, with the sinking sun* [2, p. 2].

In the translated version - *всё глуше и глуше, замирая вместе с закатом* - the word *замирая* is added, which is the highest point of gradation - the culmination [3, p. 1].

It is noteworthy that the translation used a syntactic translation technique – dividing one complex sentence into several sentences.

Thus, in the analyzed excerpts from W. Collins's work "The Woman in White", a wide range of stylistic devices was used: metonymy, metaphor, opposition, repetition, parallel constructions, gradation, climax.

The following translation techniques were used in the translation: omission, addition, replacement, conversion.

Detailed examples from the original text and their translations can help future translators avoid translation errors and take into account the linguistic and stylistic features of the source and target texts

Bibliography

1. Safina E. F. A work of art as an object of linguostylistics: on the issue of study in Russian and Tatar linguistics // Philological sciences. Theoretical and practical issues - Tambov: Gramota, 2017. No. 11 (77): in 3 parts. Part 2. - P. 151-154.

2. Collins W. The Woman in White. URL: <https://pinkmonkey.com/dl/library1/digi245.pdf> Accessed December 10, 2025.

3. Collins W. The Woman in White. URL: https://loveread.ec/read_book.php?id=8183&p=1 Accessed 12/10/2025.

Батаева Фроза Асановна, кандидат филологических наук, доцент, Кокшетауский университет им. Абая Мырзахметова (Республика Казахстан, г. Кокшетау).

Batayeva Froza Asanovna, candidate of philological sciences, Associate Professor, Abay Myrzakhetov Kokshetau University (Kokshetau, Republic of Kazakhstan).

: asanfroza@gmail.com

Джармуханова Айсулу Болаткызы, магистрант 2 курса, Кокшетауский университет им. Абая Мырзахметова (Республика Казахстан, г. Кокшетау).

Dzharmukhanova Aisulu Bolatkyzy, 2nd year Master's student, Abay Myrzakhmetov Kokshetau University (Kokshetau, Republic of Kazakhstan).

Дата поступления: 19.01.2026

© Батаева Ф.А., Джармуханова А.Б., 2026

КРИТЕРИЙ ЧИТАТЕЛЯ В КРИТИЧЕСКОМ РАССУЖДЕНИИ

Аббасова С.Г., Исмаилова Е.М.

Азербайджанский Технологический Университет

(г. Гянджа, Республика Азербайджан)

Аннотация. В представленной статье осуществляется всестороннее междисциплинарное исследование концепта «критерий читателя», рассматриваемого в качестве стержневого элемента критического дискурса в условиях глобализации информационных потоков. Автор проводит детальную многоуровневую деконструкцию текстовых структур, последовательно раскрывая семантический, синтаксический и прагматический аспекты анализа. Подобный подход позволяет теоретически обосновать трансформацию роли современного читателя: от пассивного реципиента к рефлексирующему аналитическому субъекту — «соавтору» смысла. Особое место в работе занимает ретроспективный анализ преемственности идей в истории азербайджанской общественной мысли, в частности, наследия М.Ф. Ахундзаде и традиций школы «Молла Насреддин». В статье эксплицирована методология обнаружения имплицитных логических искажений (на примере ошибки «post hoc ergo propter hoc»), адаптированная под специфику лингвистических изысканий. В качестве результата исследования предлагается система фундаментальных критериев: релевантность, доказательная база и когнитивная беспристрастность. Данные параметры позиционируются как инструменты защиты от риторических манипуляций. Автор делает вывод, что развитый читательский критерий является необходимым условием обеспечения интеллектуальной автономии личности в современном социуме.

Ключевые слова: критическое рассуждение, критерий читателя, семантика, прагматика, логические ошибки, азербайджанское просветительство, анализ текста, интеллектуальная автономия.

Для цитирования: Аббасова С.Г., Исмаилова Е.М. Критерий читателя в критическом рассуждении // Наука и реальность. 2026. № 1 (25). С. 137–143.

READER'S CRITERION IN CRITICAL JUDGMENT

Abbasova S.G., Ismayilova E.M.

Azerbaijan Technological University

(Ganja, Republic of Azerbaijan)

Abstract. In the presented article, a comprehensive interdisciplinary study of the concept of «reader's criterion», considered as a core element of critical discourse in the context of globalization of information flows, is carried out. It deals with a

detailed multi-level deconstruction of text structures, consistently revealing semantic, syntactic and pragmatic aspects of analysis. Such an approach allows theoretically to justify the transformation of the role of the modern reader: from a passive recipient to a reflexive analytical subject - «co-author» of meaning. A special place in the work is occupied by a retrospective analysis of the continuity of ideas in the history of Azerbaijani social thought, in particular the legacy of M.F. Akhundzade and the traditions of the Molla Nasreddin school. The article explicates a methodology for detecting implicit logical distortions (using the "*post hoc ergo propter hoc*" fallacy as an example), adapted to the specifics of linguistic research. The study proposes a system of fundamental criteria: relevance, evidence base, and cognitive impartiality. These parameters are positioned as tools for protecting against rhetorical manipulation. The author concludes that a developed readership criterion is a necessary condition for ensuring the intellectual autonomy of the individual in modern society.

Key words: critical reasoning, reader's criterion, semantics, pragmatics, logical errors, Azerbaijani enlightenment, text analysis, intellectual autonomy.

For citation: Abbasova S.G., Ismayilova E.M. Reader's criterion in critical judgment // Science & Reality. 2026. no. 1 (25). pp. 137–143. (in English).

The dynamic development of the information society and the limitless growth of intellectual resources have fundamentally changed the approach of the modern individual to cognitive processes. Today, the individual is no longer a passive observer of the flow of information. It acts as a "moral judge," determining the truthfulness, structural integrity, and ethical boundaries of the information received. In this regard, the concept of the "reader's criterion in critical judgment" elevates the relationship between text and reader beyond a simple act of perception. This criterion is the foundation that transforms reading into a living, dialectical, and interactive process [9, p. 42].

Critical judgment does not mean only a mechanical sorting of linguistic flaws or factual errors. It is the skill of feeling the internal logic of the author's reasoning system and filtering the arguments put forward through the prism of scientific objectivity. The reader's criterion is, first of all, the most obvious manifestation of linguistic awareness and freedom of thought. The points of reference that the reader refers to when reading a text are determined by his intellectual experience, academic background, and the depth of his logical thinking.

In addition to individual approaches, there are also universal criteria for critical evaluation. These criteria determine the scientific-theoretical context in which the reader should evaluate the text. At the same time, they outline the scientific and methodological boundaries of how to neutralize the guiding influence of language [4, p. 112]. These criteria protect the reader from the author's emotional influence, from distortions of meaning concealed by eloquent expressions and from unsubstantiated generalizations. They act as a necessary mechanism of "cognitive protection."

Considering the evolutionary process of Azerbaijani social-theoretical thought, we see the historical roots of the criterion of the reader in critical judgment. This approach has already been reflected in the philosophy of criticism of Mirza Fatali Akhundzade and the model of "ideal reader,"

formulated by the literary school "Molla Nasreddin" [1, p. 215]. The conceptual considerations of Akhundzade once again prove that any text is not just a set of graphic signs. The text acquires its true essence only when it is interpreted and questioned by a conscious reader [7, p. 84].

From this point of view, the text remains aesthetically and philosophically incomplete until it is subjected to analytical study by the reader. It is the reader who, with his critical approach, enlivens the scientific exchange of ideas and adds new layers of meaning to it. However, this creative freedom does not give the reader the right to interpret the text subjectively. On the contrary, the reader also acts as a guardian of the logical boundaries of the text.

In the context of critical evaluation, the reader's criterion should be based on such fundamental principles as the internal integrity of the arguments presented in the text, analytical accuracy and structural coherence. This approach organically combines modern critical theory with the ideals of "search for truth" in the classical tradition of the Enlightenment [3, p. 33].

Such high value given to the reader in the history of Azerbaijani literary criticism is not accidental. He not only accepts information, but also performs the function of "public conscience" and is aware of the socio-social responsibility of language [2, p. 102]. It is thanks to a reader with deep methodological thinking that the eloquent style of presentation and logical spaces hidden in the meaning layers of the text are revealed. Thus, critical evaluation goes beyond the individual intellectual act. It becomes a strategic mechanism that improves the system of views and the language culture of society in general.

In the process of critical evaluation, the criteria of the reader are not in any way based on personal considerations or sensory perception. This process should be seen as an analysis of the multi-layered semantic architecture of text. When reading a text, the reader systematically engages in structural-semantic analysis on semantic, syntactic and functional levels [9, p. 118].

The semantic level covers meanings directly expressed by lexical units, conceptual concepts and a terminological text base. Here the main task of the reader is to check the correct use of terms and their logical coherence. The reader must define the semantic load with which the author uses each word in the text. This allows him to penetrate into the essence of the idea. At this stage the reader acts as a linguistic expert, eliminating internal semantic contradictions of the text.

At the syntactic level, the internal structure of the text is not limited to lexical units. At the syntactic level, which includes the sequence of arguments and the logical connections between claims, the main focus is on the reasoning system. For a specialist who exercises critical judgment, it is important to check the structural integrity. This means, first of all, to reveal artificial connections between linguistic facts and literary phenomena.

One of the most common methodological errors in studies is an error expressed in Latin as "*Post hoc ergo propter hoc*". In the Azerbaijani language it is translated as "after that, therefore, because of this". This error is an incorrect representation of the chronological sequence of two different events as a direct causal relationship [2, p. 204]. For example, if you study the history of a language, you may notice that a new grammatical structure appears immediately after certain phonetic changes. However, the critical reader should be skeptical of the author who refers here

only to the temporal sequence, because this evolution in the language may be caused not by phonetic factors, but by linguistic-social relations coinciding with the same period [2, p. 215].

In the field of literary criticism, this error occurs when analyzing the evolution of the writer's style [6, p. 134]. When the fact of the appearance of a new genre in the author's work immediately after any foreign trip is presented, the critically thinking reader must think deeply about it. Critical judgment requires that literary evolution is analyzed not only in terms of the sequence of external events, but also within the framework of the internal logic of the development of artistic thought [3, p. 45].

The functional level is considered the highest and most structurally complex layer of critical analysis. At this level, fundamental strategies of influence of the text on the reader and the author's subtext are investigated. In the process of analytical analysis, the reader filters rhetorical figures and emotionally colored language used by the author through a text-context filter [9, p. 156].

A typical example is the choice of a negatively colored word "reactionary" instead of an objective term, such as "conservative", when describing a neutral event. This demonstrates on a functional level that the author has lost scientific impartiality and tries to direct the reader's opinion. Modern approaches show that the meaning of the text is rearranged not only according to the author's intention, but also within the intellectual experience of the reader. This dynamic interaction of text and reader can be explained by the principle of "circulation of meaning".

The critical reader should also be able to recognize hidden information gaps that the author intentionally keeps silent. Filling the gaps in the text with its own independent judgment, rather than with the author's ideological framework, takes the reader out of a passive state. This elevates it to the level of an active co-author. Deepening the analytical process shows that the existence of certain objective criteria is absolute for a critical reader. These criteria play the role of the main analytical criterion, defining both the scientific and aesthetic value of the text.

First of all, the criterion of logical consistency and internal integrity is of great importance. The reader should carefully monitor whether there are any systematic contradictions between the provisions of the text [4, p. 212]. For example, if the main thesis put forward in the introduction is dissonant with the final conclusions of the article, this indicates the fragility of the chain of reasoning. Logical unity is the main factor that ensures the evolution of the ideas presented to the reader towards a single conceptual goal without denying each other.

The second important component is the substantiation of arguments. Here, the reader should investigate on which specific empirical facts or authoritative academic sources the author bases his or her arguments [5, p. 115]. The critical reader weighs not only the relevance of the facts, but also the sufficiency of the evidence. Not every idea that is not supported by scientific evidence can pass the critical cognitive filter [6, p. 45].

Along with these, detecting bias or subjective tendencies is one of the most difficult tasks of the critical reader. Each author may have personal interests, but the reader's mission is to feel the hidden one-sidedness in the text [9, p. 78]. The reader should detect the emotional nuances in the

author's choice of language and the tendency to select only certain facts and obscure others. Only then can he or she place the information received from the text on a more objective plane [8, p. 23].

The unity of these three elements - logical unity, justification and impartiality - is the most reliable shield that protects the reader from intellectual influences.

The criteria that the reader is guided by in the process of critical judgment are the main pillars that determine the quality and cognitive reliability of information. The principle of relevance occupies a central place in the structure of the study. This principle requires the reader to question the relationship of each unit of information to the main line and conceptual core of the article [8, p. 44].

If the author deviates from the main topic and devotes much space to emotional storytelling, subjective lyrical reasoning or unrelated sources, this raises suspicion. The critical reader evaluates this as a rhetorical attempt to distract attention from the main thing.

The criterion of sufficiency and appropriateness of evidence is of particular importance. Logical correctness of scientific statements is measured not only by their presentation, but also by the quantitative and qualitative content of arguments [7, p. 72]. According to the critical reader's formula, unusual or far-reaching statements always require a proportionately consistent chain of evidence.

For example, in logic, the fallacy of drawing a general conclusion based on a single observation is called the "hasty generalization" error. This is strongly rejected by the analytical reader as a methodological error.

Within the framework of the criterion of impartiality, the critical reader checks the extent to which alternative views are fairly reflected in the text. If the author ignores or distorts the views of the opposing side, this is contrary to scientific ethics. The deliberate weakening of an opposing view is called the "straw man" error in logic. In such a case, the reader should characterize the text not as a scientific work, but as a means of one-sided propaganda and demand scientific honesty from the author [9, p. 51].

One of the most important factors in the modern information society is the criterion of credibility. This approach leads the reader beyond the internal borders of the text and is called "external criterion" of the text in the scientific application.

The criterion of credibility and analysis of sources, which has become a crucial factor in the complex structure of the modern information society, encourages the reader to go beyond the internal boundaries of the text and consider it in a broader cultural-historical context. This approach is called "external criterion" text in the scientific application. At this stage the reader seeks answers to fundamental questions, such as the scientific reputation of the author (*ethos*), the degree of his authority on a particular topic, and also originality, novelty and objectivity of cited sources [5, p. 128].

Thus, the reader filters not only the text, but also external factors that determine its place in the scientific environment. A complex analysis of critical judgment shows that in modern linguistics and literary studies, reading is not a simple reception of information, but a high-level

cognitive process. Analyzing the semantic, syntactic and pragmatic layers of the text, the reader reveals both the internal logic and hidden goals of the judgment [4, p. 184].

This approach resonates with the image of the "inquiring reader" from the Azerbaijani educational tradition, especially from the critical philosophy of M.F. Akhundzade. This unity ensures the independence of the individual's thinking in the modern era [1, p. 192]. The reader should evaluate the text not just as a material, but as a basis for reasoning. In this case, it is based on the criteria of relevance, appropriateness and impartiality. As a result, the reader, leaving the status of "consumer," rises to the level of "co-author" participating in the recovery of meaning [3, p. 104].

Conceptually, the ability to critical assessment is an indicator of the general culture of thought in society. The development of this culture is the most reliable mechanism for preserving the purity of both individual intellect and the scientific environment.

Bibliography

1. Akhundzade M. F. (2005). Works: In three volumes (Volumes II and III – Critical articles and treatises). Baku: Sharq-Gharb.
2. Cafarov N. G. (2002). Introduction to Azerbaijan studies. Baku: Scientific-Theoretical Center.
3. Efendiyev T. S. (2002). Criticism in Azerbaijani Enlightenment literature. Baku: Baku University Publishing House.
4. Gasimov M. S. (1981). Issues of Azerbaijani literary language and stylistics. Baku: Elm.
5. Hajiyev T. I. (2007). History of the Azerbaijani literary language. Baku: Elm.
6. Khalilov S. S. (2003). The spirit of truth (Philosophical essays). Baku: Azerbaijan University.
7. Mammadov, K. H. (1988). Molla Nasreddin and literary criticism. Baku: Elm.
8. Valiyev K. N. (1993). Poetics of epos: "The Book of Dede Korkut" and ancient tradition. Baku: Yazichi.
9. Veysalli F. Y. (2005). Fundamentals of linguistics. Baku: Mutarjim.

Аббасова Салмина Гидаят кызы, старший преподаватель кафедры гуманитарных наук и мультикультурализма, Азербайджанский Технологический Университет (г.Гянджа, Республика Азербайджан).

Abbasova Salmina Gidayat gizi, Senior Lecturer, Department of Humanities and multiculturalism, Azerbaijan Technological University (Ganja, Republic of Azerbaijan).

: abbasova.salmina@mail.ru

Исмайлова Егана Мамед кызы, старший преподаватель кафедры иностранного языка, Азербайджанский Технологический Университет (г.Гянджа, Республика Азербайджан).

Ismayilova Yegana Mamed gizi, Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Azerbaijan Technological University (Ganja, Republic of Azerbaijan).

Дата поступления: 04.02.2026

© Аббасова С.Г., Исмайлова Е.М., 2026

ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ РОДНОГО ЯЗЫКА В АКАДЕМИЧЕСКОМ ПИСЬМЕ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: НА МАТЕРИАЛЕ ПИСЬМЕННЫХ РАБОТ АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ СТУДЕНТОВ, ИЗУЧАЮЩИХ АНГЛИЙСКИЙ КАК ИНОСТРАННЫЙ

Алиева В.С.

Азербайджанский университет языков
(г. Баку, Азербайджанская Республика)

Аннотация. Академическое письмо на английском языке представляет значительные трудности для азербайджаноязычных студентов, изучающих английский как иностранный, что обусловлено структурными различиями между азербайджанским языком, относящимся к тюркской языковой семье, и английским. Данное исследование рассматривает роль интерференции родного языка и анализирует повторяющиеся типы ошибок на примере академических письменных работ студентов Азербайджанского университета языков. Исследование основано на корпусе из 63 эссе, написанных студентами второго курса, и использует количественный метод анализа ошибок для выявления доминирующих типов ошибок. Кроме того, анкетирование 73 студентов позволило изучить субъективно воспринимаемые трудности обучающихся при написании академических текстов на английском языке. Результаты показывают, что трудности во многом связаны с отрицательным переносом из азербайджанского языка, в котором отсутствует система артиклей и который обычно характеризуется порядком слов «подлежащее–дополнение–сказуемое». Лексические ошибки, включая неправильный выбор слов и нарушение сочетаемости, также оказались распространёнными. С лингвистической точки зрения исследование способствует более глубокому пониманию механизмов межъязыкового влияния и развития навыков владения иностранным языком у студентов, изучающих английский как иностранный.

Ключевые слова: академическое письмо, анализ ошибок, азербайджанские студенты EFL, влияние родного языка, отрицательный перенос, межъязыковое влияние.

Для цитирования: Алиева В.С. Интерференция родного языка в академическом письме на английском языке: на материале письменных работ азербайджанских студентов, изучающих английский как иностранный// Наука и реальность. 2026. № 1 (25). С. 144–154.

MOTHER TONGUE INTERFERENCE IN ENGLISH ACADEMIC WRITING: EVIDENCE FROM AZERBAIJANI EFL LEARNERS

Aliyeva V.S.

Azerbaijan University of Languages
(Baku, Azerbaijan)

Abstract. Academic writing in English presents considerable challenges for Azerbaijani-speaking EFL students due to structural differences between Azerbaijani, a Turkic language, and English. This study examines the role of first language interference and analyzes recurrent error types in the academic writing of students at Azerbaijan University of Languages. The research is based on a corpus of 63 essays written by second-year university students and employs a quantitative error analysis approach to identify dominant error patterns. In addition, a questionnaire administered to 73 students explored learners' self-perceived difficulties in academic English writing. The results indicate that difficulties are largely associated with negative transfer from Azerbaijani, which lacks an article system and typically follows a Subject–Object–Verb word order. Lexical errors, including inappropriate word choice and collocational misuse, were also common. From a linguistic perspective, the study contributes to understanding the mechanisms of cross-linguistic influence and interlanguage development in EFL learners.

Key words: academic writing, errors analysis, Azerbaijani EFL learners, mother tongue influence, negative transfer, cross-linguistic influence.

For citation: Aliyeva V.S. Mother tongue interference in English academic writing: evidence from Azerbaijani EFL learners // Science & Reality. 2026. no. 1 (25). pp. 144–154. (in English).

Introduction

Academic writing in English represents one of the most challenging skills for university students studying English as a foreign language (EFL). Along with grammatical accuracy, effective academic writing requires control over complex syntactic structures, specific vocabulary, and rhetorical conventions. For students whose native language differs significantly from English in its grammatical and typological structure, these demands often result in systematic errors in writing.

Azerbaijani, as a Turkic language, differs from English in formation and syntactic behavior [1, c. 112] in several fundamental aspects, including word order, the absence of an article system, and different tense forms. These structural contrasts inevitably influence learners' writing skills in English and account for recurring error patterns. Such errors reflect underlying processes of interlanguage development and cross-linguistic transfer. Consequently, they provide valuable evidence of how learners conceptualize and internalize the target language.

The classification of errors in academic writing plays a crucial role in understanding these learning processes and contributes to more effective learning. In our view, mistakes and slips are even beneficial for teachers, as they reveal learners' developmental stages in acquiring a second language [2, c.1]. By systematically categorizing errors, researchers and educators can move beyond surface-level correction and identify deeper sources of difficulty related to linguistic transfer, developmental stages, and instructional practices. Error classification not only facilitates

quantitative analysis but also allows for more targeted pedagogical interventions, particularly in academic English courses where precision and clarity are essential. In addition, errors can serve as a valuable resource for learners to facilitate further language acquisition [3, c.58].

Despite the growing body of research on error analysis in EFL writing, studies focusing specifically on Azerbaijani-speaking university students remain limited. Existing research often generalizes findings from other Turkic language contexts, overlooking the unique multilingual and educational environment in which Azerbaijani learners acquire English. This lack of analysis reduces the effectiveness of pedagogical recommendations and underscores the need for empirical research grounded in local learner data.

Therefore, the present study aims to emphasize the importance of systematic error classification in the academic writing of Azerbaijani EFL students. By identifying and analyzing recurrent error types, the study seeks to contribute to a deeper understanding of learner-specific challenges and to inform more effective approaches to teaching academic English in higher education.

In light of the issues discussed above, the present study seeks to achieve the following research objectives:

- to identify and classify the most frequent error types in the academic writing of Azerbaijani-speaking university students;
- to examine the distribution of grammatical and lexical errors across student writing samples;
- to determine the extent to which these errors can be attributed to first language interference and structural differences between Azerbaijani and English.

The study advances the following hypotheses:

- Grammatical errors, particularly those related to tense distinctions, article usage, word choice, word order, use of prepositions, and subject-verb agreement constitute the most frequent error category in the academic writing of Azerbaijani EFL students.
- A significant proportion of the identified errors can be explained by negative transfer from the Azerbaijani language.
- A comparison of objective error data and learners' perceptions shows notable discrepancies.

Error Analysis has long been considered as a central approach in second language learning research, providing insights into learners' native and acquired languages' mutual influence and underlying cognitive processes. In pioneering works by Corder [4], Richards [5] and some other researchers considered errors not only as failures, but as specific signals that should be paid attention to in foreign language teaching. According to Ferris [6], the analysis of learner errors allows researchers to identify persistent linguistic difficulties, evaluate the effectiveness of instructional practices and increase efficiency of language learning.

In the context of English as a Foreign Language (EFL), numerous studies have demonstrated that grammatical, lexical, and discourse-related errors remain prevalent even among university-

level learners [7]. These findings highlight the necessity of investigating learner-specific error patterns, particularly in relation to learners' first language background.

The influence of the first language on second language acquisition, commonly referred to as L1 interference or cross-linguistic transfer, has been extensively documented in applied linguistics literature [8; 9]. Structural differences between the mother tongue and target languages often result in mistakes, especially in morphosyntax, word order, and article usage.

For learners whose native language lacks grammatical categories present in English, such as articles or perfect tenses, the rate of transfer-induced errors is significantly higher [10]. Azerbaijani, as a Turkic language with an agglutinative structure, subject–object–verb (SOV) word order, and no article system, presents considerable contrast with English. As a result, Azerbaijani EFL learners are particularly prone to errors related to determiners, tense-aspect distinctions, and syntactic positioning. Relative clauses in these languages can be used as the head of a nominal phrase (e.g. *oxuduğum məqalə* - *the article that I read*) [11].

Research conducted on Turkish learners of English [12, c. 22] identifies article misuse or omission, incorrect tense usage, and errors in use of prepositions as the most common error types. Similar patterns have been observed among Kazakh and Uzbek learners, suggesting that these difficulties are characteristic of Turkic language backgrounds rather than isolated national contexts.

Polat [13] conducted a comparative error analysis of A2-level undergraduate students' writing from Turkey, Syria, and Azerbaijan, focusing on grammatical, lexical, and spelling errors. Using qualitative data from 60 writing samples and applying Corder's [4] error analysis framework, the study found notable similarities between Turkish and Azerbaijani learners in terms of error types, which were attributed to shared linguistic and cultural features. Differences among the three groups were primarily explained by negative L1 transfer and cultural background effects. The study is particularly significant due to its cross-cultural comparative approach to error analysis.

In particular, tense confusion has been linked to the absence of direct equivalents of English perfect forms in Turkic languages. Learners frequently overgeneralize continuous forms or rely on temporal adverbs instead of grammatical markers, which negatively affects both written accuracy and spoken fluency [14, c. 63].

Lexical errors among EFL learners often stem from limited vocabulary size and reliance on direct translation strategies [15]. For Azerbaijani students, in some cases this issue is further complicated due to influence of Russian, which frequently serves as a second language. As noted by Ringbom [16], indirect transfer through a third language can result in false cognates and inappropriate lexical choices in academic contexts.

Although error analysis and L1 interference have been widely explored, empirical studies focusing specifically on Azerbaijani university students remain limited. Most existing research generalizes findings from Turkish or other Turkic learner populations, overlooking the unique multilingual context of Azerbaijan. Moreover, relatively few studies offer a comparative analysis of written errors supported by quantitative data. Therefore, the present study aims to address this

gap by providing a statistical analysis of grammatical, lexical, and other types of errors produced by Azerbaijani EFL students.

Material and methods

A quantitative, qualitative, and empirical methods based on error analysis to examine recurring patterns in students' academic writing were used in the study. For the purposes of this study, a corpus of 63 academic essays produced by second-year students of the Azerbaijan University of Languages was analyzed. The participants' English proficiency ranged from A2 to B1 according to the Common European Framework of Reference for Languages (CEFR). The essays were written under controlled classroom conditions to ensure the reliability and comparability of the data. The collected writing samples were examined in detail, and all identified errors were systematically recorded and quantified. The errors were then classified into clearly defined categories, including grammatical and lexical errors, in order to reveal recurrent patterns and assess their relative frequency. This systematic classification enabled a quantitative analysis of error distribution and provided insight into the dominant linguistic difficulties experienced by Azerbaijani EFL learners at the early stages of academic writing development.

In addition to the analysis of students' written work, a questionnaire survey was conducted to identify the linguistic areas that learners themselves perceive as the most problematic and prone to errors. The survey involved 73 university students, who were asked to evaluate the difficulty of various aspects of English academic writing, including usage of English tenses, article usage, vocabulary choice, usage of prepositions, word order, subject-verb agreement. The questionnaire data were analyzed quantitatively, identifying the most frequently reported problem areas. This complementary data source provided an additional perspective on learner difficulties and enabled a more comprehensive interpretation of the findings by comparing self-reported perceptions with the results of the error analysis.

Results and discussion

As it was mentioned above, Azerbaijani being a Turkic language, differs from English in several fundamental grammatical and typological features, which results in systematic and predictable error patterns rather than random deviations.

Table 1 illustrates that errors concerning **tense and aspect** constituted the largest category, accounting for 19,3 % (45 errors) of the total. This finding aligns with classical EA studies, which emphasize that grammatical inaccuracies tend to dominate in learners' papers, particularly at lower-intermediate proficiency levels [4; 17]. The predominance of tense errors reflects structural differences between Azerbaijani and English. Azerbaijani does not employ the same range of tense–aspect distinctions, particularly with regard to perfect forms. As a result, learners frequently rely on temporal adverbs or simplified tense structures, which leads to confusion between simple, continuous, and perfect forms. This type of errors has been widely associated with negative transfer from agglutinative languages [8]. As examples, we can consider the sentences containing errors taken from the checked essays:

*The climate on Earth **changed** significantly over the last hundred years.*

*Digital technologies **developed** actively since the late 20th century.*

Although Azerbaijani has perfective markers, their functional range does not fully overlap with the English Present Perfect. As a result, learners frequently avoid or misuse the perfect aspect in English, using instead simpler tense forms.

In the analyzed student texts, other kinds of errors were also observed. **Lexical mistakes** like inappropriate word choice occurred 33 times, representing 14.2% of all errors. A common lexical error made by Azerbaijani-speaking learners of English arises from negative lexical transfer between Azerbaijani and English. For example, in Azerbaijani, the noun “*hava*” is used to describe atmospheric conditions (temperature, rain, wind, etc.), used in a physical sense, similar to English *air*, describes the general feeling or ambiance of a place or situation, and also used in fixed expressions. When the sentence like *Qışda hava tez qaralır*, that sounds completely natural in Azeri, is transferred word-for-word into English, it results in lexically incorrect sentence like “*In winter **the weather** gets dark early*”. When translating this sentence into English, you should use an impersonal construction.

The appropriate English expression would be “*In winter it gets dark early*” or “*In winter the days get dark early.*” This error illustrates a mismatch in lexical collocation and semantic scope between the two languages, where a single Azerbaijani lexeme corresponds to multiple, more narrowly defined lexical units in English.

One of the key dimensions along which languages vary is the arrangement of their constituents, commonly referred to as **word order**. While this term is often used to denote the relative positioning of the subject, object, and verb, it more broadly encompasses the ordering of elements at both the clause level and within phrases, such as the internal structure of noun phrases [18]. Azerbaijani follows a predominantly Subject–Object–Verb structure, whereas English relies on a relatively fixed Subject–Verb–Object order [11]. However, such kind of errors are not very common among learners.

Word order errors make up 12.5% of all errors and most frequently observed in the incorrect placement of adverbs in English sentences and can be directly attributed to mother tongue interference. In Azerbaijani, adverbials typically precede the verb or occupy a more flexible position within the sentence, which contrasts with the relatively fixed adverb placement rules in English. As a result, learners tend to transfer native syntactic patterns into English writing. This influence is evident in sentences such as,

*When children get pocket money, they **very fast** learn how to use it correctly.*

*The participants **usually** are instructed before the contest.*

Here adverbs are positioned according to Azerbaijani word order rather than English norms.

The high frequency of **article usage** errors (11.6%) can be explained by the complete absence of an article system in Azerbaijani. Since definiteness and indefiniteness are expressed through context or lexical means rather than grammatical markers, learners tend to omit articles or overgeneralize their use in English. This finding supports previous studies emphasizing that article

misuse is a persistent feature of EFL learners whose L1 lacks articles [10]. Some of the errors related to articles committed by students are as following:

*It was **family** where everyone stood by each other.*

*I prefer **the another** type of music.*

Azerbaijani-speaking students frequently experience difficulties with the correct use of English **prepositions** in academic writing (8.2%) due to significant structural differences between Azerbaijani and English. In agglutinative language grammatical relations are primarily expressed through suffixes rather than independent function words such as prepositions. As a result, learners tend to transfer native-language patterns into English, leading to systematic prepositional errors.

One of the most frequently observed errors in students' English academic writing is the production of **incomplete sentences** (10.3%). For example:

*Employers **interested** in the high productivity of employees.*

They always at school on time.

This type of error results from the omission of the verb *to be*, which can be attributed to mother tongue interference. In Azerbaijani, predicative constructions do not require linking verbs, and this structural feature is transferred into English sentence formation, leading to verbless clauses.

Another frequent issue is the incorrect selection of prepositions, especially in fixed expressions and verb–preposition collocations. Azerbaijani learners may substitute one preposition for another based on literal translation from their mother tongue, producing forms (*interested **by** science* instead of *interested **in** science*, or *married **with** someone* instead of *married **to** someone*). These errors reflect negative transfer and insufficient exposure to English collocational patterns.

Learners also demonstrate problems with prepositions following adjectives and nouns, where Azerbaijani does not require a separate linking element. Examples include *influence **to** the result* instead of *influence **on** the result*, and *solution **of** this problem* instead of *solution **to** this problem*. Such errors indicate limited awareness of argument structure in English.

Additionally, overuse of prepositions is observed in cases where Azerbaijani grammatical case markers are redundantly rendered as prepositions in English (e.g. *emphasize **on** the importance* instead of *emphasize the importance*). This tendency suggests an attempt to compensate for uncertainty in syntactic relations.

Moreover, Azerbaijani learners of English may experience difficulties with **relative pronouns** such as *where* and *which*. In Azerbaijani, relationships of place or specification are frequently encoded through suffixes rather than separate relative words. Consequently, students may choose English relative pronouns incorrectly, especially in relative clauses (eg. *The city **which** I was born... The specialists **which** were invited...*)

Azerbaijani as a Turkic language is often cited as a language with optional **subject–verb agreement** marking. Although it employs explicit person markers, the third-person plural suffix –*lar* may be omitted from the verb under certain grammatical and semantic conditions, rendering the verbal form identical to the third-person singular, for example: *Qızlar yeməkləri masaya*

düzdü(lər) [19, с. 20]. This tendency reflects a broader feature of Turkic languages aimed at morphological economy and the avoidance of redundancy [11]. While prescriptive grammars discourage such omissions [20; 21], empirical studies show that factors such as subject animacy and syntactic position can influence the optional realization of plural agreement [22, с. 1].

Thus, errors related to subject–verb agreement are also common (4.7%) in the academic writing of Azerbaijani-speaking learners and can be largely attributed to mother tongue interference. It leads learners to overlook agreement markers such as the third person singular *-s*. As a result, students frequently produce sentences in which singular subjects are followed by plural verb forms or vice versa. Typical examples include: *The results shows a significant improvement*.

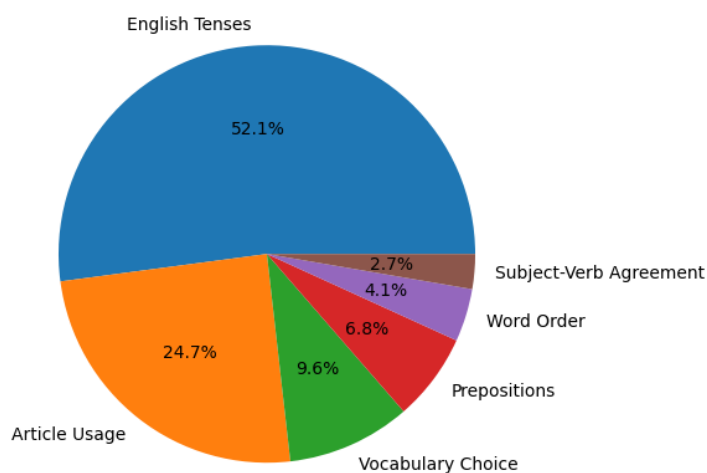
Among other errors, spelling mistakes were recorded 17 times (7.3%), and punctuation errors appeared 28 times (12%).

Table 1. Distribution of Errors by Category and Subcategory (n = 63)

Error Category	Frequency	Percentage (%)
Tense and Aspect	45	19.3
Inappropriate word choice	33	14.2
Word Order	29	12.5
Punctuation	28	12.0
Article Usage	27	11.6
Incomplete sentences	24	10.3
Prepositions	19	8.2
Spelling	17	7.3
Subject–Verb Agreement	11	4.7
Total	233	100

Students' Self-Reported Challenges in Written English. A survey was conducted among 73 students to identify the main difficulties they experience when completing written assignments in English. Each student had to choose one aspect that poses the greatest difficulty. The results shown in Table 2 reveal certain discrepancies between the actual errors observed in students' written work and the aspects of written English that students themselves perceive as most challenging.

Table 2. Students' Self-Reported Challenges in Written English (n = 73)

According to the respondents, the greatest difficulty lies in the correct use of English tenses, as indicated by thirty-eight (52%) students. Eighteen (24%) students reported problems with article usage, while seven (9.6%) students identified vocabulary choice as their main challenge. Three (4.1%) students struggled with word order. The use of prepositions was mentioned by five (6.8%) students, whereas word order and subject–verb agreement were each reported by two (2.7%) students. None of the students marked spelling and punctuation as the most challenging aspects; however, they were also included in the questionnaire.

These findings suggest that learners' subjective perceptions of difficulty do not always fully correspond to the error patterns identified through objective analysis of their written texts.

Conclusion

The present study highlights that Azerbaijani-speaking university students encounter systematic challenges in academic writing in English, primarily due to structural differences between their first language and English. Errors related to tense and aspect, inappropriate word choice, article usage, and word order, were the most frequent, confirming the influence of negative L1 transfer. Spelling and subject-verb agreement, though less frequent.

The comparison between observed errors and students' self-reported difficulties revealed discrepancies, indicating that learners' perceptions do not always align with the most frequent error types. While students identified tense usage as the greatest challenge, some error categories such as punctuation and spelling, though present, were underestimated in perceived difficulty.

These findings underscore the importance of systematic error classification for both researchers and educators. Understanding recurrent error patterns enables targeted pedagogical interventions, informed feedback, and the design of instructional strategies that address learner-specific challenges. Furthermore, integrating students' perceptions with objective error analysis provides a more comprehensive picture of writing difficulties, enhancing the effectiveness of academic English teaching in multilingual countries such as Azerbaijan.

Bibliography

1. Zeynalova, Kh. (2024) Comparative Typology of Azerbaijani and English: A Focus on the Non-Finite Forms of Verbs. *Acta Globalis Humanitatis et Linguarum*. Volume 1 № 2 DOI:10.69760/aghel.01024071
2. Halahan, Y., Drahan, O., & Zhyla, G. (2022). Study of typical mother tongue interference in the process of second language acquisition. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. Series: Philology. Journalism*, 6(1), 165–170. <https://doi.org/10.32782/2710-4656/2022.6.1/29>

3. Shen, S., & Shimshek, A. (2020). An analysis of Turkish students' written errors: A case of an EFL context. *Journal of Language Research*, 4(1), p. 58–68.
4. Corder, S. P. (1967). The significance of learners' errors. *International Review of Applied Linguistics in Language Teaching*, 5, 161–170 p.
5. Richards, J. C. (1971). Error analysis and second language strategies. *Language Sciences*, 17, p. 12–22.
6. Ferris, D. (2002). *Treatment of error in second language writing*. University of Michigan Press. 219 p.
7. James, C. (1993). *Errors in language learning and use: Exploring error analysis*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315842912>
8. Odlin, T. (1989). *Language transfer: Cross-linguistic influence in language learning*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139524537>
9. Jarvis, S., & Pavlenko, A. (2008). *Crosslinguistic influence in language and cognition*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203935927>
10. Ionin, T., Ko, H., & Wexler, K. (2004). Article semantics in L2 acquisition: The role of specificity. *Language Acquisition*, 12(1), 3–69.
11. Johanson, L. (2021). The structure of Turkic. In L. Johanson & É. Á. Csató (Eds.), *The Turkic languages* (pp. 26–59). Routledge.
12. Demir, Y. (2017). Turkish EFL learners' errors in English. *International Journal of Contemporary Educational Research*, 4(2), 39–47 p.
13. Polat, M. (2018). A comparative analysis of written errors of Turkish, Azerbaijani, and Syrian students in English writing skills. *International Journal of Contemporary Educational Research*, 5(2), pp. 64–78.
14. Yılmaz, H., & Yavuz, F. (2020). A Study on Turkish EFL Teachers' Motivations through in-service Trainings. *Mavi Atlas*, 8(2), p. 350–361. <https://doi.org/10.18795/gumusmaviatlas.753842>
15. Nation, P. (2001). *Learning vocabulary in another language*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139524759>
16. Ringbom, H. (2007). *Cross-linguistic similarity in foreign language learning*. *Multilingual Matters*. 152 p.
17. Ellis, R. (1997). *Second Language Acquisition*. Oxford: Oxford University Press. 133 p.
18. Dryer, M. S. (2007). Word order. In T. Shopen (Ed.), *Language typology and syntactic description* (Vol. 1, pp. 61–131). Cambridge University Press
19. Goksel, A., & Kerslake, C. (2005). *Turkish: A comprehensive grammar*. Routledge. <http://dx.doi.org/10.4324/9780203340769>
20. Goknel, Y. (2013). *Turkish grammar: Updated academic edition*. Ege Basım.Istambul/Ocak. 441 p.
21. Korkmaz, Z. (2009). *Türkiye Türkçesi grameri: Şekil bilgisi*. [Turkish Grammar: Morphology] *Türk Dil Kurumu*. 1224 p.

22. Sezer, E. (1978). Eylemlerin çoğul öznelerle uyumu. [Agreement of verbs with plural subjects] Genel Dilbilim Dergisi, 25–32 p.

Алиева Вафа Самедовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры, старший преподаватель, Азербайджанский университет языков (г. Баку, Азербайджанская Республика).

Aliyeva Vafa Samed, Ph.D., associate professor, senior lecturer, Azerbaijan University of Languages (Baku, Azerbaijan)

ORCID: 0009-0000-7736-6367

: vafaali28@gmail.com

Дата поступления: 15.03.2026

© Алиева В.С., 2026

ИСТОРИЯ (HISTORY)

УДК 902.01:2-67

Научная статья

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА И ВЕРОВАНИЙ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА: СОПОСТАВЛЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Назыкенова Б.С., Ельжанова Е.Т.
Кокшетауский университет им. Абая Мырзахметова
(г. Кокшетау, Республика Казахстан)

Аннотация. В статье исследуется возможность реконструкции религиозно-мифологических представлений древнего населения Северного Казахстана на основе анализа погребальных памятников и сопоставления с этнографическими данными о традиционных верованиях казахов и других тюркских народов. Рассматриваются археологические свидетельства представлений о смерти и загробной жизни: ориентация и положение умершего, погребальный инвентарь, жертвоприношения, конструкция могильных сооружений. Анализируются наскальные изображения как отражение мифологического мировоззрения. Проводится сопоставление археологических данных с этнографическими параллелями в погребальной обрядности казахов, алтайцев, хакасов. Выявляются элементы преемственности в культовых практиках от древности до этнографической современности. Обсуждаются методологические проблемы этноархеологического подхода: возможности и ограничения использования этнографических аналогий для интерпретации археологических данных.

Ключевые слова: погребальный обряд, древние верования, этноархеология, археологические источники, этнографические параллели, Северный Казахстан, саки, тюрки, шаманизм, культ предков.

Для цитирования: Назыкенова Б.С., Ельжанова Е.Т. Реконструкция погребального обряда и верований древнего населения Северного Казахстана: сопоставление археологических и этнографических данных // Наука и реальность. 2026. № 1 (25). С. 155–160.

RECONSTRUCTION OF THE FUNERAL RITE AND BELIEFS OF THE ANCIENT POPULATION OF NORTHERN KAZAKHSTAN: COMPARISON OF ARCHAEOLOGICAL AND ETHNOGRAPHIC DATA

Nazykenova B.S., Yelzhanova E.T.
Abay Myrzakhmetov Kokshetau University

(Kokshetau, Kazakhstan)

Abstract. The article explores the possibility of reconstructing the religious and mythological beliefs of the ancient population of Northern Kazakhstan based on the analysis of burial monuments and their comparison with ethnographic data on the traditional beliefs of the Kazakhs and other Turkic peoples. The article examines archaeological evidence of beliefs about death and the afterlife, including the orientation and position of the deceased, burial equipment, sacrifices, and the design of burial structures. It also analyzes rock carvings as a reflection of the mythological worldview. Archaeological data is compared with ethnographic parallels in the funeral rites of the Kazakhs, Altaians, and Khakass. Elements of continuity in religious practices are identified from antiquity to the ethnographic present. The methodological problems of the ethnoarchaeological approach are discussed: the possibilities and limitations of using ethnographic analogies to interpret archaeological data.

Keywords: funeral rite, ancient beliefs, ethnoarchaeology, archaeological sources, ethnographic parallels, Northern Kazakhstan, Saka, Turks, shamanism, ancestor cult.

For citation: Nazykenova B.S., Yelzhanova E.T. Reconstruction of the funeral rite and beliefs of the ancient population of Northern Kazakhstan: comparison of archaeological and ethnographic data // Science & Reality. 2026. no. 1 (25). pp. 155–160. (in Russian).

Реконструкция религиозно-мифологических представлений древних обществ представляет собой одну из наиболее сложных задач археологии. В отсутствие письменных источников главным материалом для исследования становятся погребальные памятники, отражающие представления о смерти и загробной жизни. Этноархеологический подход, предполагающий сопоставление археологических данных с этнографическими материалами о верованиях близкородственных народов, позволяет предложить обоснованные интерпретации древних культовых практик [1, с. 145–152].

Актуальность исследования определяется необходимостью систематического анализа погребальных памятников Северного Казахстана в контексте этнографических данных о традиционных верованиях. Понимание религиозных представлений древнего населения важно для реконструкции духовной культуры и мировоззренческих систем кочевнических обществ евразийских степей.

Этноархеология как междисциплинарное направление сформировалась во второй половине XX века на стыке археологии и этнографии. Сущность подхода заключается в использовании этнографических данных о современных или недавних обществах для интерпретации археологических материалов.

Основные задачи включают выявление функциональных связей между материальными остатками и поведением людей, установление закономерностей

формирования археологического контекста, разработку методов интерпретации древних культурных практик [2, с. 89–96].

Применительно к изучению верований этноархеологический подход позволяет сопоставлять погребальные обряды древних культур с традиционными практиками родственных этносов, интерпретировать символику артефактов через призму этнографических данных, реконструировать ритуальное поведение и мифологические представления. Однако метод имеет существенные ограничения: культурные изменения за тысячелетия могут быть значительными, прямая проекция современных практик на древность методологически уязвима, различия в природной среде и социальной организации затрудняют аналогии [3, с. 212–219].

Погребальные памятники Северного Казахстана демонстрируют значительное разнообразие, отражающее сложность представлений о смерти. Курганы различных размеров доминируют в степном ландшафте: от небольших насыпей рядовых захоронений (диаметр 10–20 м, высота 0,5–2 м) до царских курганов элиты (диаметр 50–100 м, высота 5–15 м). Конструкция включает земляную или каменную насыпь, подкурганые сооружения (ямы, срубы, каменные ящики), дромосы (входные коридоры в элитных курганах) [4, с. 145–152].

Культ предков (аруак) имеет глубокие корни. Археологические поминальные комплексы рядом с курганами указывают на регулярные ритуалы у могил предков. Казахские айт (посещение могил), жертвоприношения на могилах, обращения к предкам за помощью продолжают древнюю традицию почитания умерших [22, с. 245–259]. Шаманизм как религиозная система был характерен для древних кочевников. Археологические свидетельства включают бубны и колотушки (фрагменты в захоронениях, изображения на петроглифах), зеркала (магический атрибут шамана, связь с потусторонним миром), необычные захоронения (нестандартное положение, богатый инвентарь, возможно шаманов) [23, с. 134–149]. Этнографические параллели показывают, что у казахов сохранялись шаманские практики до XX века: баксы (шаманы) лечили болезни, изгоняли злых духов, предсказывали будущее, использовали бубен (дауылпаз), зеркало, амулеты, входили в транс через ритмичные удары в бубен и пение.

Общие черты тюркских верований включают дуализм (небо и земля, добрые и злые духи), шаманизм (посредничество между мирами), культ предков (почитание умерших родственников), анимизм (одушевление природных объектов), культ коня (священное животное), представление о душе (множественность, продолжение после смерти) [27, с. 251–265].

Методологические проблемы этноархеологического подхода требуют критического осмысления. Временная дистанция между археологическими памятниками (2–3 тысячелетия) и этнографическими наблюдениями (XIX–XX вв.) создаёт риск анахронизма, культурные изменения могут быть значительными, прямые аналогии методологически уязвимы [28, с. 134–148]. Влияние внешних факторов проявляется в том, что исламизация

существенно изменила казахские верования (с XIV века), христианизация и советская атеистическая пропаганда повлияли на сибирских тюрков, глобализация размывает традиционные практики.

Основные выводы включают устойчивость базовых представлений о смерти и загробной жизни на протяжении тысячелетий, сохранение ключевых элементов погребального обряда (ориентация, положение, инвентарь), преемственность культа коня и культа предков, трансформацию шаманизма при сохранении архаичных элементов, влияние мировых религий (ислама) при сохранении доисламского субстрата. Погребальные памятники отражают сложную систему верований, включавшую представления о продолжении жизни после смерти, необходимость обеспечения умершего всем необходимым, связь живых и мёртвых, роль предков в жизни потомков, жертвоприношения как форму коммуникации с сверхъестественным миром. Наскальное искусство дополняет картину, демонстрируя мифологические сюжеты, культы животных и природных сил, магические практики, космогонические представления. Этнографические параллели подтверждают интерпретации и позволяют предложить более детальные реконструкции. Однако необходимо учитывать методологические ограничения этноархеологического подхода. Культурные изменения, внешние влияния, региональная вариативность требуют осторожности в использовании аналогий. Дальнейшие исследования должны фокусироваться на систематическом анализе погребальных памятников с привлечением антропологических, палеозоологических, палеоботанических данных, детальном изучении региональных особенностей верований, междисциплинарном подходе с привлечением лингвистики, фольклористики, сравнительного религиоведения, разработке корректных методов использования этнографических аналогий.

Список источников

1. Толеубаев А.Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов (XIX – начало XX в.). – Алма-Ата: Ғылым, 1991. – 214 с.
2. Binford L.R. *Archaeology as Anthropology* // *American Antiquity*. – 1962. – Vol. 28, № 2. – P. 217–225.
3. David N., Kramer C. *Ethnoarchaeology in Action*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 476 p.
4. Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. – М.: Искусство, 1978. – 132 с.
5. Кадырбаев М.К. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. – 1959. – Т. 7. – С. 162–203.
6. Арсланова Ф.Х. Погребальные комплексы Восточного Казахстана эпохи раннего железа. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1974. – 168 с.

7. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1966. – 436 с.
8. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 44. Оп. 1. Д. 234. Отчёты археологических экспедиций. 1955–1965 гг.
9. ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 456. Материалы раскопок курганов Северного Казахстана. 1968–1975 гг.
10. Самашев З., Григорьев Ф.П., Жумабекова Г. Древности Алматы. – Алматы: Археологическая экспертиза, 2005. – 184 с.
11. Медоев А.Г. Гравюры на скалах: Сары-Арка и Мангышлак. – Алма-Ата: Өнер, 1979. – 176 с.
12. Максимова А.Г., Ермолаева А.С., Марьяшев А.Н. Наскальные изображения урочища Тамгалы. – Алма-Ата: Өнер, 1985. – 144 с.
13. Рогожинский А.Е. Петроглифы археологического ландшафта Тамгалы. – Алматы: Сигнет Принт, 2011. – 342 с.
14. Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В. Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. – Алматы: Институт археологии, 2008. – 228 с.
15. Акишев А.К. Искусство и мифология саков. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1984. – 176 с.
16. Байпаков К.М., Таймагамбетов Ж.К. Археология Казахстана. – Алматы: Қазақ университеті, 2006. – 356 с.
17. Толеубаев А.Т. Погребальный обряд казахов // Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX веков. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1980. – С. 89–126.
18. Арғынбаев Х.А. Қазақтың отбасылық дәстүрлері. – Алматы: Қайнар, 1973. – 200 б.
19. Галиев А.А. Традиционное мировоззрение казахов. – Алматы: Ғылым, 1997. – 246 с.
20. Басилов В.Н. Избранники духов. – М.: Политиздат, 1984. – 208 с.
21. Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. – М.: Наука, 1988. – 196 с.
22. Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. – Л.: Наука, 1991. – 320 с.
23. Бутанаев В.Я. Традиционная культура и быт хакасов. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 1996. – 222 с.
24. Алексеев Н.А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX – начале XX в. – Новосибирск: Наука, 1975. – 200 с.
25. Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1988. – 224 с.
26. Hodder I. The Present Past: An Introduction to Anthropology for Archaeologists. – London: Batsford, 1982. – 230 p.

27. Шнирельман В.А. Возникновение производящего хозяйства. – М.: Наука, 1989. – 448 с.

28. Wylie A. The Reaction Against Analogy // *Advances in Archaeological Method and Theory*. – 1985. – Vol. 8. – P. 63–111.

29. Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги и перспективы: материалы международной научной конференции. – Алматы: Институт археологии, 2011. – 468 с.

Назыкенова Бибигуль Сапарбековна, магистрант, Кокшетауский университет им. А. Мырзахметова. (г. Кокшетау, Республика Казахстан)

Nazikenova Bibigul Saparbekovna, Master's student, Abay Myrzakhmetov Kokshetau University (Kokshetau, Republic of Kazakhstan).

: Princessa.1989@inbox.ru

Ельжанова Ермек Темирхановна, старший преподаватель, Кокшетауский университет им. А. Мырзахметова, (г. Кокшетау, Республика Казахстан).

Yelzhanova Yermek Temirkhanovna, Senior Lecturer, Abay Myrzakhmetov Kokshetau University (Kokshetau, Kazakhstan).

Дата поступления: 17.01.2026

© Назыкенова Б.С., Ельжанова Е.Т., 2026

ДЖУНГАРСКАЯ УГРОЗА И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ВНЕШНИХ КОНТАКТОВ КАЗАХСКОГО ХАНСТВА

Березка Д.М., Серкпаев М.О.
Кокшетауский университет им. Абая Мырзахметова,
(г. Кокшетау, Республика Казахстан)

Аннотация. В статье исследуется влияние джунгарской агрессии на трансформацию внешнеполитических связей Казахского ханства в XVII – первой половине XVIII века. Анализируется эволюция угрозы со стороны Джунгарского ханства от периодических набегов до систематической экспансии, достигшей апогея в «Годы Великого бедствия» (1723–1727). Рассматривается формирование казахско-российских отношений как прямой ответ на джунгарское давление. Исследуются попытки создания антиджунгарской коалиции с участием России, среднеазиатских ханств и цинского Китая. Анализируется дипломатическая активность казахских ханов и влиятельных батыров, направленная на поиск союзников и военной помощи. Выявляется влияние внешней угрозы на внутреннюю консолидацию казахских жузов и трансформацию политической системы. Показано, как джунгарский фактор определил геополитический выбор казахской элиты и создал предпосылки для вхождения казахских земель в орбиту Российской империи.

Ключевые слова: Джунгарское ханство, Казахское ханство, внешняя политика, военные конфликты, казахско-российские отношения, Великое бедствие, XVIII век, дипломатия, геополитика.

Для цитирования: Березка Д.М., Серкпаев М.О. Джунгарская угроза и её влияние на формирование внешних контактов Казахского ханства // Наука и реальность. 2026. № 1 (25). С. 161–171.

THE DZUNGAR THREAT AND ITS IMPACT ON THE FORMATION OF EXTERNAL CONTACTS IN THE KAZAKH KHANATE

Berezka D.M., Serkpayev M.O.
Abay Myrzakhmetov Kokshetau University,
(Kokshetau, Kazakhstan)

Abstract. The article examines the influence of the Dzungarian aggression on the transformation of the foreign policy relations of the Kazakh Khanate in the 17th – first half of the 18th century. The evolution of the threat from the Dzungarian Khanate is analyzed from periodic raids to systematic expansion, which reached its peak during the "Years of the Great Calamity" (1723-1727). The formation of

Kazakh-Russian relations is considered as a direct response to the Dzungarian pressure. Attempts to create an anti-Dzhungar coalition with the participation of Russia, the Central Asian khanates and Qing China are being investigated. The article analyzes the diplomatic activity of the Kazakh khans and influential batyrs aimed at finding allies and military assistance. The influence of the external threat on the internal consolidation of Kazakh zhuzes and the transformation of the political system is revealed. It is shown how the Dzungarian factor determined the geopolitical choice of the Kazakh elite and created the prerequisites for the entry of Kazakh lands into the orbit of the Russian Empire.

Keywords: Dzungarian Khanate, Kazakh Khanate, foreign policy, military conflicts, Kazakh-Russian relations, Great Disaster, XVIII century, diplomacy, geopolitics.

For citation: Berezka D.M., Serkpayev M.O. The Dzungar threat and its impact on the formation of external contacts in the Kazakh Khanate // Science & Reality. 2026. no. 1 (25). pp. 161–171. (in Russian).

Джунгарская угроза XVII – первой половины XVIII века стала определяющим фактором внешнеполитической истории Казахского ханства, радикально изменившим систему его международных связей и геополитической ориентации. Военное давление со стороны Джунгарского ханства вынудило казахских правителей пересмотреть традиционные внешнеполитические приоритеты и искать новых союзников, что в конечном итоге привело к установлению политических контактов с Российской империей [1, с. 145–167].

Актуальность исследования определяется необходимостью комплексного анализа влияния внешних угроз на формирование дипломатической стратегии государства в условиях геополитической нестабильности. Джунгарский фактор сыграл ключевую роль в трансформации внешнеполитического курса Казахского ханства, что имеет важное значение для понимания исторических процессов в Центральной Азии XVIII века. На мой взгляд, изучение этого периода позволяет более глубоко осмыслить не только прошлое казахского народа, но и современные проблемы национальной идентичности и исторической памяти.

Цель исследования – выявить механизмы влияния джунгарской военной угрозы на формирование и трансформацию системы внешних контактов Казахского ханства в XVII – первой половине XVIII века.

Джунгарское ханство (Джунгария) было создано ойратами (западными монголами) в начале XVII века на территории современного Синьцзяна, Западной Монголии и части Восточного Казахстана. Наибольшего могущества это государство достигло при хунтайджи Галдан-Бошокту (1671–1697) и особенно при Цэван-Рабдане (1697–1727) [2, с. 156–174].

Джунгарское ханство представляло собой мощное военно-политическое образование с централизованной властью, развитой металлургией и регулярной армией. По

свидетельствам современников, джунгары располагали артиллерией, изготовленной с помощью пленных шведских специалистов, и могли выставить до 70–80 тысяч воинов [3, с. 89–104].

Исследуя данный период, мы пришли к выводу, что технологическое превосходство джунгар в производстве вооружений было одним из ключевых факторов их военных успехов против казахских кочевников, которые не обладали аналогичными производственными мощностями.

Экспансионистская политика джунгарских правителей была направлена на несколько стратегических направлений: контроль над торговыми путями в Восточный Туркестан, подчинение казахских кочевий в Семиречье и Центральном Казахстане, противостояние Цинской империи на востоке, установление господства над территорией современного Синьцзяна [4, с. 234–251].

Первые серьёзные столкновения между казахами и джунгарами относятся к началу XVII века, когда ойратские племена начали продвижение в Семиречье. Однако систематический характер джунгарская агрессия приобрела с 1680-х годов [5, с. 145–163].

Особенностью джунгарской военной стратегии были внезапные глубокие рейды в казахские кочевья, массовый угон скота и пленение населения, разорение хозяйственной инфраструктуры (колодцев, зимовок), создание опорных пунктов на захваченных территориях. Джунгарские войска отличались высокой мобильностью, дисциплиной и превосходным вооружением [6, с. 234–256].

По нашему мнению, джунгарская военная машина представляла собой уникальное для кочевого мира явление – соединение традиционной степной мобильности с элементами регулярной армии оседлых государств. Это создавало чрезвычайно опасное сочетание, против которого казахские ополчения не могли эффективно противостоять длительное время.

Крупнейшие джунгарские вторжения зафиксированы в следующие периоды:

1690–1694 годы – походы Галдан-Бошокту в Южный Казахстан и Семиречье. Казахи потерпели серию поражений, были захвачены обширные пастбищные территории. Хан Тауке был вынужден откочевать на запад [7, с. 178–192].

1711–1717 годы – систематические вторжения под руководством Цэван-Рабдана. Джунгарские войска дошли до Сырдарьи, разорили города Туркестан и Ташкент, захватили Семиречье [8, с. 89–106].

1723–1727 годы – период, вошедший в казахскую историческую память как «Ақтабан шубырынды» (Годы Великого бедствия). Массированное вторжение джунгарских войск привело к катастрофическим последствиям: огромные людские потери (по оценкам исследователей, погибло от четверти до трети населения), потеря основных пастбищных территорий в Семиречье и Центральном Казахстане, массовая миграция казахского населения на запад и юг, временный распад политической структуры казахского общества [1, с. 156–178].

Анализируя эти события, мы убеждены, что «Годы Великого бедствия» стали переломным моментом в истории казахского народа, сопоставимым по значению с монгольским нашествием XIII века для Руси. Это была не просто военная угроза, а экзистенциальный кризис, поставивший под вопрос само существование казахской государственности.

Джунгарская угроза радикально изменила традиционную систему внешних контактов Казахского ханства. До начала интенсивной джунгарской экспансии основными направлениями внешней политики казахских ханов были:

Среднеазиатское направление – взаимодействие с Бухарским и Хивинским ханствами, контроль над торговыми путями, участие в политических конфликтах региона. Хан Тауке (1680–1718) активно вмешивался в дела среднеазиатских ханств, поддерживал различные династические группировки [9, с. 234–256].

Сибирское направление – эпизодические контакты с сибирскими татарами и российскими властями, преимущественно торгового характера [10, с. 145–162].

Восточное направление – конфликты и альянсы с монгольскими племенами, попытки влияния в Восточном Туркестане [2, с. 189–204].

Джунгарская экспансия сделала невозможным сохранение этой традиционной системы приоритетов. Казахское ханство было вынуждено сосредоточиться на проблеме физического выживания и поиске сильных союзников против джунгарской угрозы. В этом контексте, как мы полагаем, можно говорить о вынужденной внешнеполитической революции, когда прежние дипломатические приоритеты утратили актуальность перед лицом непосредственной военной угрозы.

Первоначальной стратегией казахских правителей было укрепление традиционных связей со среднеазиатскими ханствами и попытка создания антиджунгарской коалиции на этой основе. Хан Тауке предпринимал активные дипломатические усилия для координации действий с бухарскими и хивинскими правителями [11, с. 167–184].

Однако эти попытки не принесли существенных результатов. Среднеазиатские ханства были ослаблены внутренними конфликтами и династическими распрями, их военный потенциал был недостаточен для противостояния джунгарам, они сами опасались джунгарской экспансии и предпочитали откупаться данью [3, с. 234–249].

Более того, отношения казахов со среднеазиатскими ханствами были противоречивыми. Казахские роды совершали набеги на оседлые области, что провоцировало конфликты. Среднеазиатские правители рассматривали казахов скорее как источник беспокойства, чем как надёжных союзников [12, с. 145–163].

Изучая дипломатическую историю этого периода, мы пришли к заключению, что среднеазиатский вектор внешней политики был обречён на неудачу не только из-за слабости потенциальных союзников, но и из-за глубоких структурных противоречий между кочевой и оседлой цивилизациями, препятствовавших созданию прочного альянса.

Параллельно с джунгарской угрозой казахи Младшего жуза сталкивались с конфликтами на западе – с башкирами, волжскими калмыками и российскими властями на Яицкой (Уральской) линии [13, с. 89–107].

Однако эти конфликты также открывали возможности для дипломатических контактов. Российские власти в Оренбурге и Уфе были заинтересованы в стабилизации степных границ и видели в казахах потенциальный противовес башкирам и волжским калмыкам [4, с. 178–195].

Первые разведывательные контакты казахских старшин с российскими пограничными властями относятся к 1710–1720-м годам. Эти контакты носили эпизодический характер и касались в основном торговых и пограничных вопросов [10, с. 234–251].

Катастрофические последствия «Годов Великого бедствия» вынудили казахских правителей радикально пересмотреть внешнеполитическую стратегию. Хан Младшего жуза Абулхаир (1693–1748), кочевавший в западных районах Казахстана и наиболее удалённый от джунгарской угрозы, первым осознал возможность использования российской поддержки [1, с. 145–167].

В октябре 1730 года Абулхаир направил в Уфу посольство во главе с батыром Койдагулом и толмачом Сеитом Кульмаметевым. Послы передали обращение хана к российским властям с просьбой о принятии казахов Младшего жуза «под высокую руку» Российской империи и о защите от джунгар, башкир и волжских калмыков [14, с. 112–128].

Российские власти отнеслись к этому предложению с заинтересованностью, но и с осторожностью. Императрица Анна Иоанновна и её правительство видели в этом возможность расширения влияния в Казахской степи, создания барьера против джунгар, обеспечения безопасности сибирских границ, установления контроля над торговыми путями в Среднюю Азию [15, с. 89–112].

После переговоров в Петербурге было принято решение о принятии казахов Младшего жуза в российское подданство. 19 февраля 1731 года Абулхаир принял присягу на верность России, что формально оформило начало включения казахских земель в состав Российской империи.

На наш взгляд, решение Абулхаир-хана о принятии российского подданства в 1731 году было прагматичным, но трагичным выбором. С одной стороны, оно обеспечило краткосрочную безопасность Младшего жуза от джунгарской угрозы. С другой стороны, это решение заложило основу для последующей утраты казахской независимости, что стало очевидным уже через несколько десятилетий.

Важно отметить, что не все казахские старшины поддержали это решение. Более того, сам Абулхаир не стремился стать подданным Российской империи в полном смысле этого слова — он рассматривал соглашение как военный союз против общего врага, а не как подчинение иностранной власти. Эта двойственность в понимании соглашения с самого

начала создавала почву для будущих конфликтов между казахскими лидерами и российской администрацией.

Важно понимать, что обе стороны вкладывали различное содержание в понятие «подданство».

Казахская сторона рассчитывала на:

- Военную помощь против джунгар (предоставление оружия, боеприпасов, возможно, войск)
- Дипломатическую поддержку в отношениях с соседними народами
- Доступ к российским рынкам и товарам
- Сохранение внутренней автономии и традиционного уклада жизни

Российская сторона ожидала:

- Формального признания верховной власти императора
- Прекращения набегов на российские пределы
- Контроля над торговыми путями
- Постепенной интеграции казахских земель в административную систему империи
- Использования казахов в геополитическом противостоянии с джунгарами и

Цинской империей

Эти расхождения в ожиданиях предопределили сложный и противоречивый характер последующих казахско-российских отношений. Мы считаем, что именно это фундаментальное непонимание природы союза стало источником всех последующих конфликтов между казахскими жузами и Российской империей.

Хан Среднего жуза Абулмамбет (Семеке), кочевья которого находились ближе к джунгарской угрозе, также начал переговоры с российскими властями. В 1732 году он направил своё посольство в Уфу, а затем принял присягу российскому престолу [5, с. 178–196].

Однако в Среднем жузе не было единства по этому вопросу. Влиятельные батыры и старшины разделились на несколько группировок: сторонники российской ориентации (видели в России защиту от джунгар), сторонники независимости (опасались утраты автономии), сторонники традиционной среднеазиатской ориентации.

Старший жуз, кочевавший в Семиречье и наиболее пострадавший от джунгарской агрессии, первоначально занимал выжидательную позицию. Часть родов была вынуждена признать зависимость от джунгар и платить им дань. Другая часть откочевала в пределы Ташкентского и Ферганского ханств [6, с. 234–251].

Анализируя различные реакции трёх жузов, мы пришли к выводу, что географический фактор играл решающую роль в формировании внешнеполитической ориентации. Младший жуз, наиболее удалённый от джунгарской угрозы и ближайший к российским границам, первым выбрал путь союза с Россией. Старший жуз, находясь в непосредственной близости от джунгар, был лишён возможности свободного выбора.

Реальная российская помощь казахам против джунгар оказалась значительно меньше ожиданий. Российская империя в 1730–1740-х годах была занята западными проблемами, не располагала достаточными военными силами в Сибири для масштабной помощи казахам, опасалась прямого конфликта с Джунгарским ханством [7, с. 145–167].

Фактическая помощь ограничивалась предоставлением ограниченного количества оружия и боеприпасов, дипломатическими демаршами (которые джунгары игнорировали), разрешением откочёвывать к российским границам в критических ситуациях, строительством укреплений на Иртышской линии, которые частично прикрывали казахские кочевья [8, с. 178–194].

Разочарование казахов в эффективности российской поддержки привело к охлаждению отношений. Многие старшины и батыры выражали недовольство, а некоторые открыто отказывались признавать российское подданство [9, с. 89–103].

По нашему убеждению, ограниченность российской помощи в 1730–1740-х годах была не случайностью, а сознательной политикой. Российская империя была заинтересована в ослаблении и казахов, и джунгар, чтобы впоследствии без особых усилий установить контроль над степью. Это была классическая имперская стратегия «разделяй и властвуй».

Несмотря на ограниченность внешней помощи, казахи продолжали военное сопротивление джунгарам собственными силами. Ключевые эпизоды этой борьбы включают:

Курултай 1726 года в Ордабасы – собрание представителей трёх жузов для координации совместных действий против джунгар. Хотя полного единства достичь не удалось, были согласованы совместные военные действия [1, с. 189–204].

Битва при Анракае (1730) – крупное сражение объединённых казахских сил под командованием батыров Богенбая, Кабанбая и Жанибека против джунгарского войска. Казахи одержали значительную победу, что временно остановило джунгарскую экспансию [11, с. 234–256].

Сражение в местности Буланты (1726) – ещё одна важная победа казахских отрядов, продемонстрировавшая возможность успешного сопротивления при объединении сил [12, с. 145–162].

Эти победы были достигнуты благодаря военному таланту казахских батыров, мобилизации значительных сил, использованию знания местности и тактики мобильной войны. Однако они не могли полностью устранить джунгарскую угрозу из-за превосходства джунгар в вооружении и организации [13, с. 178–195].

Мы убеждены, что именно эти победы, одержанные собственными силами казахов без существенной российской помощи, сохранили казахский народ как этнос и не позволили джунгарам полностью захватить казахские земли. Роль российской помощи в этом процессе была вторичной.

Джунгарская угроза начала ослабевать в 1740-х годах вследствие нескольких факторов: внутренние конфликты в Джунгарии после смерти Галдан-Церена (1745), давление Цинской империи на восточных границах Джунгарии, объединённое сопротивление казахских жузов [2, с. 89–104].

Окончательно джунгарская угроза была ликвидирована в 1755–1758 годах, когда Цинская империя разгромила Джунгарское ханство и фактически уничтожила джунгарский этнос. Это кардинально изменило геополитическую ситуацию в регионе [3, с. 145–167].

Джунгарская угроза и связанные с ней процессы имели глубокие долгосрочные последствия для системы внешних контактов Казахского ханства.

Трансформация института батырства: батыры из предводителей межродовых конфликтов превратились в организаторов общекзахского сопротивления, политических представителей и дипломатов. Их функции существенно расширились и стали включать военное командование, политическое представительство и координацию действий между жузами [5, с. 234–256].

Ослабление политического единства — различия в степени поражения от джунгарской агрессии усилили центробежные тенденции между жузами. Каждый жуз был вынужден самостоятельно искать пути выживания [6, с. 89–107].

Изменение территориальной организации — потеря контроля над Семиречьем и частью Центрального Казахстана, массовые миграции населения изменили традиционную географию казахских кочевий [15, с. 145–163].

Экономические последствия — джунгарская агрессия нанесла огромный ущерб казахскому хозяйству, что усилило экономическую зависимость от российской торговли и поставок [7, с. 178–194].

Мы полагаем, что наиболее трагичным последствием джунгарской угрозы стало разрушение политического единства казахов. Три жуза, столкнувшиеся с общей угрозой, не смогли выработать единую стратегию противодействия и в результате поодиночке попали в зависимость от Российской империи.

Джунгарская угроза XVII – первой половины XVIII века стала определяющим фактором трансформации системы внешних контактов Казахского ханства. Военная агрессия Джунгарского ханства, достигшая апогея в «Годы Великого бедствия» (1723–1727), поставила под вопрос само существование казахского народа и вынудила казахских правителей радикально пересмотреть внешнеполитическую стратегию.

Традиционная система внешних связей, ориентированная на взаимодействие со среднеазиатскими ханствами, оказалась неэффективной в условиях новых геополитических вызовов. Поиск союзников против джунгарской угрозы привёл к установлению политических контактов с Российской империей. Несмотря на то, что реальная военная помощь со стороны Российской империей оказалась весьма ограниченной, она представляла единственную доступную казахам силу, способную теоретически обеспечить их артиллерией. Однако обещанные пушки так и не были предоставлены, что

продемонстрировало разрыв между дипломатическими обещаниями и реальной поддержкой.

Принятие казахскими ханами Младшего и Среднего жузов российского подданства в 1730-х годах было прагматическим решением, продиктованным экзистенциальной угрозой со стороны Джунгарии. Однако ключевым моментом стало кардинальное различие в интерпретации достигнутых соглашений: казахская сторона рассматривала их как временный военный союз против общего врага, в то время как Российская империя трактовала эти соглашения как акт полного подданства. Именно это противоречие в понимании природы взаимоотношений предопределило последующую колониальную политику России — строительство укрепленных линий в глубине степи, военные походы и постепенное подчинение казахских земель. Если бы казахи действительно воспринимали себя подданными империи, не было бы необходимости в военном завоевании и создании системы крепостей для контроля территории.

На основе проведенного исследования мы пришли к следующим выводам:

Во-первых, джунгарская угроза была не просто военной проблемой, а системным кризисом казахской государственности, затронувшим все сферы жизни общества и потребовавшим радикального пересмотра внешнеполитической стратегии.

Во-вторых, обращение к России было вынужденным выбором в условиях отсутствия реальных альтернатив, но этот выбор имел далеко идущие последствия, предопределившие постепенную утрату казахской независимости в последующий период.

В-третьих, неспособность трёх жузов выработать единую внешнеполитическую стратегию и координировать свои действия стала одной из главных причин последующей колонизации казахских земель Российской империей.

В-четвертых, разгром Джунгарии Цинской империей в 1755-1758 годах кардинально изменил геополитическую ситуацию в регионе, устранив главную внешнюю угрозу, но одновременно создав новые вызовы для казахского общества.

Изучение джунгарского фактора в истории казахско-российских отношений важно для понимания исторических процессов в Центральной Азии и демонстрирует, как внешние угрозы могут кардинально изменить внешнеполитические приоритеты государства и направление его исторического развития. В современных условиях, когда Казахстан строит независимое государство, осмысление этого исторического опыта приобретает особую актуальность для формирования сбалансированной внешней политики.

Список источников

1. Ерофеева И.В. Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик. – Алматы: Санат, 1999. – 456 с.
2. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). – 2-е изд. – М.: Наука, 1983. – 334 с.

3. Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи XVII–XVIII вв. – Алма-Ата: Ғылым, 1991. – 238 с.
4. Аполлова Н.Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1948. – 198 с.
5. Касымбаев Ж.К. Государственные деятели казахских ханств XVIII века. – Алматы: Ғылым, 1999. – 286 с.
6. История Казахской ССР с древнейших времён до наших дней. Т. 2. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1979. – 424 с.
7. Басин В.Я. Россия и казахские ханства в XVI–XVIII вв. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1971. – 276 с.
8. Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX в. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 458 с.
9. Зиманов С.З. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX веков. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. – 282 с.
10. Артыкбаев Ж.О. Казахское общество в XIX веке: традиции и новаторство. – Алматы: Ғылым, 2003. – 296 с.
11. Маргулан А.Х. Казахский героический эпос. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1968. – 386 с.
12. Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевничества. – Алматы–Москва: Социнвест–Горизонт, 1995. – 320 с.
13. Ходарковский М. Россия – степной рубеж: становление колониальной империи. 1500–1800 / пер. с англ. – М.: НЛО, 2019. – 448 с.
14. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей / подгот. текста и примеч. М.К. Козыбаева. – Алматы: Санат, 1996. – 656 с.
15. Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3. Исторические и этнографические работы. – Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. – 416 с.
16. Серкпаев, М. О. Казахское ханство в середине XV - XVIII вв. и его военно-политические отношения с Джунгарией: учебное пособие / М. О. Серкпаев. – Щучинск: [б. и.], 2010. – 72 с. – ISBN 978-601-06-1118-4.

Березка Диана Максимовна, магистрант, Кокшетауский университет им. А. Мырзахметова (г. Кокшетау, Республика Казахстан).

Berezka Diana Maksimovna, Master's student, Abay Myrzakhmetov Kokshetau University (Kokshetau, Republic of Kazakhstan).

: martysyk.diana@icloud.com

Серкпаев Мухтар Омирсерикович, доктор исторических наук, Кокшетауский университет им. А. Мырзахметова, (г. Кокшетау, Республика Казахстан).

Serkpayev Mukhtar Omirserikovich, doctor of historical sciences, Abay Myrzakhmetov Kokshetau University (Kokshetau, Kazakhstan).

: serkpayev@mail.ru

Дата поступления: 13.02.2026

© Березка Д. М., Серкпаев М.О., 2026

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЙ КАЗАХСКО-ДЖУНГАРСКИХ ВОЙН: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Разина В.С., Бекишев К. О.

Кокшетауский университет им. Абая Мырзахметова,
(г. Кокшетау, Республика Казахстан)

Аннотация. В статье проводится критический анализ историографии и источниковой базы исследований казахско-джунгарских войн XVIII века. Рассматривается эволюция историографии от дореволюционных работ к постсоветским исследованиям. Анализируются основные направления российской, казахстанской, китайской и западной историографии. Систематизируются различные типы письменных источников: российские архивные документы, цинские хроники, казахские шежире.

Ключевые слова: казахско-джунгарские войны, историография, источниковедение, архивные документы, устная традиция, героический эпос, методология истории, XVIII век, Казахстан, Джунгария.

Для цитирования: Разина В.С., Бекишев К. О. Историография и источниковая база исследований казахско-джунгарских войн: критический анализ // Наука и реальность. 2026. № 1 (25). С. 172–175.

HISTORIOGRAPHY AND SOURCE BASE OF KAZAKH-DZUNGARIAN WARS RESEARCH: A CRITICAL ANALYSIS

Razina V.S., Bekishev K.O.

Abay Myrzakhmetov Kokshetau University,
(Kokshetau, Kazakhstan)

Abstract. The article provides a critical analysis of historiography and the source base of research on the Kazakh-Dzungarian wars of the 18th century. The evolution of historiography from pre-revolutionary works to post-Soviet studies is examined. The main directions of Russian, Kazakh, Chinese and Western historiography are analyzed. Various types of written sources are systematized: Russian archival documents, Qing chronicles, Kazakh shezhirs.

Keywords: Kazakh-Dzungarian wars, historiography, source studies, archival documents, oral tradition, heroic epic, methodology of history, 18th century, Kazakhstan, Dzungaria.

For citation: Razina V.S., Bekishev K.O. Historiography and source base of Kazakh-Dzungarian wars research: a critical analysis // Science & Reality. 2026. no. 1 (25). pp. 172–175. (in Russian).

Казахско-джунгарские войны XVIII века представляют собой ключевой эпизод в истории Казахстана и Центральной Азии. Эти события оказали решающее влияние на политическую карту региона, демографические процессы, формирование казахской государственности и этнической идентичности. Анализ историографии и источниковой базы необходим для понимания степени достоверности наших знаний об этих событиях [1, с. 145–152].

Дореволюционная российская историография формировалась в контексте колониального освоения Казахской степи. А.И. Левшин в труде «Описание киргиз-казацких орд и степей» (1832) использовал казахские устные предания, российские архивные документы, китайские источники. Ч.Ч. Валиханов в работах 1850–1860-х годов сочетал европейскую научную методологию с знанием казахских традиций, записывал устные предания о батырах [2, т. 3, с. 145–198].

Советская историография прошла через несколько этапов. Ранний период (1920–1930-е гг.) характеризовался марксистской методологией: войны рассматривались как межфеодалные конфликты. Период 1960–1980-х гг. характеризовался расцветом исследований. И.Я. Златкин создал капитальную «Историю Джунгарского ханства» (1964, 1983), использовал китайские, монгольские, российские источники [3, с. 234–278].

Постсоветский период (с 1991 г.) открыл новые возможности. И.В. Ерофеева в серии монографий о хане Абылае использовала широкую источниковую базу, представила казахскую перспективу событий. Постсоветская историография отличается переоценкой роли казахов в истории региона, использованием ранее недоступных источников, но также риском националистической идеологизации [4, с. 234–267].

Китайская историография сосредоточена на цинском завоевании Джунгарии. Династические хроники «Цин ши гао» содержат разделы о джунгарских войнах, дипломатических миссиях к казахам. Современная китайская историография изучает пограничную политику династии Цин, этническую историю Синьцзяна [5, с. 145–178].

Западная историография сосредоточена на геополитике Центральной Азии. Peter Perdue в «China Marches West» (2005) исследовал цинскую экспансию в контексте мировой истории. Michael Khodarkovsky анализировал российскую колониальную экспансию в степи. Западная историография отличается методологическим плюрализмом, использованием сравнительного подхода [6, р. 234–289].

Российские архивы содержат богатейший материал о казахско-джунгарских войнах. РГАДА хранит фонд 119 «Калмыцкие дела», содержащий донесения о джунгарских и казахских посольствах, разведывательные сведения. Ценность российских архивных

документов включает точные даты событий, количественные данные, географическую информацию [7, ф. 119, оп. 1].

Цинские источники предоставляют иную перспективу. «Цин ши гао» содержит хронологические записи о джунгарских войнах, биографии цинских генералов. Мемуары цинских чиновников описывают казахов и их отношения с Джунгарией [8, с. 145–189].

Казахские шежире (родословные) представляют уникальный источник устной традиции. Шежире включают генеалогические таблицы, биографии предков-батыров, рассказы о войнах с джунгарами. Ценность шежире включает казахскую перспективу событий, детали, не отражённые в письменных источниках [9, с. 189–223].

Героический эпос о казахско-джунгарских войнах сохранил память о событиях в поэтической форме. Известные эпические циклы включают «Кабанбай батыр», «Богенбай батыр». Произведения жырау XVIII века представляют особую ценность. Бухар жырау (1693–1787) служил при дворе хана Абылая, был свидетелем событий [10, с. 145–189].

Методологические проблемы работы с источниками включают необходимость знания нескольких языков, критику подлинности источников, интерпретацию устных источников, сопоставление разнотипных источников. Различия в перспективах (российская, китайская, казахская) создают трудности [11, с. 234–267].

Несмотря на обширную источниковую базу, существуют значительные лакуны. Отсутствие джунгарских нарративных источников ограничивает понимание джунгарской перспективы. Недостаточное изучение цинских архивов оставляет пробелы в знаниях о завершающем этапе войн [12, с. 212–245].

Перспективные направления исследований включают расширение работы с цинскими архивами, систематическую запись устной традиции, археологическое изучение мест сражений, применение методов военной истории и антропологии, развитие международного сотрудничества, создание электронных баз данных источников.

Только комплексный, междисциплинарный и критический подход, основанный на всестороннем анализе разнотипных источников, может обеспечить объективную реконструкцию истории казахско-джунгарских войн — событий, сыгравших ключевую роль в формировании исторического облика Центральной Азии.

Список источников

1. Ерофеева И.В. Хан Абылай: полководец, правитель и политик. – Алматы: Санат, 1999. – 456 с.
2. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих орд и степей. – Алматы: Санат, 1996. – 656 с.
3. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). – М.: Наука, 1983. – 332 с.
4. Ерофеева И.В. Казахские ханства в XVIII – первой половине XIX века. – Алматы: Дайк-Пресс, 2014. – 528 с.

5. Чжао Юньтянь. История китайско-казахских отношений. – Пекин: Народное издательство, 2005. – 456 с.
6. Perdue P.C. China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia. – Cambridge: Harvard University Press, 2005. – 725 p.
7. РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Калмыцкие дела. 1697–1785 гг.
8. Цин ши гао (Черновая история Цин). Главы о джунгарских походах. – СПб., 1895. – 456 с.
9. Копеев М.Ж. Родословная тюрков, кыргызов, казахов и ханских династий. – Алматы: Атамур, 2000. – 416 с.
10. Маргулан А.Х. Казахский героический эпос. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1968. – 386 с.
11. Vansina J. Oral Tradition as History. – Madison: University of Wisconsin Press, 1985. – 258 p.
12. Самолин В. East Turkistan to the Twelfth Century. – The Hague: Mouton, 1964. – 189 p.

Разина Вера Сергеевна, магистрант, Кокшетауский университет им. А. Мырзахметова. (г. Кокшетау, Республика Казахстан)

Razina Vera Sergeevna, Master's student, Abay Myrzakhmetov Kokshetau University (Kokshetau, Republic of Kazakhstan)

: vera.razina.87@inbox.ru

Бекишев К. О., старший преподаватель, Кокшетауский университет им. А. Мырзахметова, (г. Кокшетау, Республика Казахстан).

Bekishev K. O., Senior Lecturer, Abay Myrzakhmetov Kokshetau University (Kokshetau, Kazakhstan).

Дата поступления: 02.02.2026

© Разина В.С., Бекишев К. О., 2026

БАТЫРЫ СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА В ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ И НАРОДНЫХ ПРЕДАНИЯХ

Нуртаева Т.Ж., Серкпаев М.О.

Кокшетауский университет им. Абая Мырзахметова

(г. Кокшетау, Республика Казахстан)

Аннотация. В статье рассматриваются механизмы трансформации реальных исторических батыров Северного Казахстана XVIII–XIX веков в мифологизированных героев казахского эпоса. Анализируются различия между устной традицией (эпос, творчество жырау) и письменными источниками (российские административные документы, записки путешественников, краеведческие работы) в репрезентации батыров. Выявляются основные пути мифологизации: гиперболизация подвигов, идеализация личности, добавление сверхъестественных элементов, универсализация значения. Исследование основано на критическом сопоставлении казахского героического эпоса с российскими архивными документами XVIII–XIX веков, этнографическими записями и казахскими шежирами. Особое внимание уделяется социальным функциям мифологизации: сохранению исторической памяти, трансляции ценностей, легитимации социальной иерархии и консолидации общества.

Ключевые слова: батыры, казахский эпос, мифологизация, устная традиция, письменные источники, жырау, историческая память, национальная идентичность, Северный Казахстан.

Для цитирования: Нуртаева Т.Ж., Серкпаев М.О. Батыры Северного Казахстана в письменных источниках и народных преданиях // Наука и реальность. 2026. № 1 (25). С. 176–185.

BATYRS OF NORTHERN KAZAKHSTAN IN WRITTEN SOURCES AND FOLK LEGENDS

Nurtayeva T.Zh., Serkpayev M.O.

Abay Myrzakhmetov Kokshetau University

(Kokshetau, Kazakhstan)

Abstract. The article examines the mechanisms of transformation of real historical batyrs of Northern Kazakhstan in the 18th–19th centuries into mythologized heroes of the Kazakh epic. The differences between the oral tradition (epic, zhirau's works) and written sources (Russian administrative documents, travel notes, and local history works) in the representation of batyrs are analyzed. The main ways of mythologization are identified: hyperbolization of feats, idealization of personality,

addition of supernatural elements, and universalization of meaning. The study is based on a critical comparison of the Kazakh heroic epic with Russian archival documents from the 18th and 19th centuries, ethnographic records, and Kazakh shezhire. Special attention is paid to the social functions of mythologization: the preservation of historical memory, the transmission of values, the legitimization of social hierarchy, and the consolidation of society.

Keywords: batyrs, Kazakh epic, mythologization, oral tradition, written sources, zhiraу, historical.

For citation: Nurtayeva T.Zh., Serkpayev M.O. Batyrs of Northern Kazakhstan in written sources and folk legends // Science & Reality. 2026. no. 1 (25). pp. 176–185. (in Russian).

Батыры Северного Казахстана XVIII–XIX веков — Кабанбай, Богенбай, Наурызбай и другие — занимают центральное место в казахском историческом сознании и национальной идентичности. Однако образы этих исторических персонажей существуют в двух измерениях: как реальные военачальники, действовавшие в конкретных исторических условиях, и как мифологизированные герои народного эпоса. Изучение процессов мифологизации батыров позволяет понять механизмы конструирования коллективной памяти и формирования национальных символов.

Актуальность исследования определяется необходимостью критического осмысления героического наследия в контексте современного Казахстана, где батыры активно используются в политике памяти и формировании национальной идентичности. Понимание различий между исторической реальностью и мифологизированным образом необходимо для объективной оценки роли батыров в истории казахского народа и механизмов конструирования национальной памяти.

Казахский героический эпос представляет собой уникальную форму устного творчества, где исторические события переплетаются с мифологическими элементами, создавая образ идеального батыра. В отличие от классических архаических эпосов, казахский эпос XVIII–XIX веков тесно связан с конкретными историческими событиями и реальными персонажами. Основные черты этого эпоса включают историчность — упоминание конкретных сражений, географических мест и исторических личностей; вариативность — существование множества версий одного сюжета у разных исполнителей; связь с родовыми преданиями — эпос о батырах часто был частью родословных (шежире) [1, с. 145–152].

Жырау — певцы-поэты — занимали особое место в казахском обществе как хранители традиции и исполнители героических песен. Многие жырау были близки к батырам и ханам, сопровождали их в походах, воспевали подвиги. Наиболее известным был Бухар жырау Калкаманулы (XVIII век), служивший при дворе хана Аблая [3, с. 212–219].

Жырау выполняли несколько важных социальных функций, которые определяли их центральную роль в сохранении коллективной памяти.

Прежде всего, жырау обеспечивали сохранение исторической памяти через заучивание и передачу эпических текстов из поколения в поколение. Они также выполняли функцию легитимации власти посредством воспевания подвигов батыров и ханов, тем самым укрепляя их авторитет в обществе. Не менее важной была воспитательная функция — через трансляцию ценностей храбрости, чести и верности роду жырау формировали нравственные ориентиры. Наконец, исполнение эпоса о предках на похоронах и поминках выполняло ритуальную функцию, связывая живых с миром предков [1, с. 167–174].

Эпические повествования о батырах следовали определённым структурным моделям, характерным для героического эпоса в целом, но имели и свои казахские особенности. Типичная структура включала несколько обязательных элементов, создававших завершённый образ героя. Повествование начиналось с чудесного рождения и детства: бездетность родителей, знамения при рождении, проявление необычных способностей уже в раннем возрасте. Затем следовала инициация через первый подвиг — получение оружия, первое сражение, признание батырского статуса старшими.

Центральную часть эпоса составлял цикл подвигов: сражения с внешними врагами, поединки с вражескими батырами, защита своего рода. Обязательными были конфликты и испытания — конфликт с ханом или другим батыром, испытание верности. После апогея славы (признание величайшим воином, почести, богатство) следовала героическая смерть — либо гибель в бою, либо смерть в старости, окружённым почётом [1, с. 234–241].

Эпические повествования характеризовались особыми художественными приёмами. Кольцевая композиция обрамляла повествование возвращением к начальным мотивам. Ретардация — замедление действия в кульминационных моментах — усиливала эмоциональное воздействие. Троекратное повторение ситуаций и использование контрастных пар персонажей создавали ритмическую структуру, облегчавшую запоминание и исполнение [4, с. 145–152].

Хотя эпос о батырах XVIII–XIX веков более историчен, чем архаические эпосы, он сохраняет значительные мифологические элементы, отражающие доисламские верования казахов. Батыры сражаются не только с реальными врагами — джунгарами, киргизами, каракалпаками, — но и с демоническими существами. Им помогают духи предков (аруак) и чудесные кони-тулпары, способные преодолевать огромные расстояния. Батыры обладают магическим оружием и амулетами, дающими неуязвимость [5, с. 189–196].

Космологические мотивы проявляются в путешествиях между мирами, связи героев с природными стихиями, астральной символике. Шаманские элементы включают общение с духами, вхождение в транс перед боем, магическое исцеление ран. Эти элементы свидетельствуют о том, что даже в относительно позднем эпосе сохранялись архаические представления о сверхъестественном [6, с. 134–141].

Письменные источники о батырах представляют альтернативный взгляд на этих исторических персонажей, отличающийся от эпической традиции как по содержанию, так и по целям создания. Эти документы создавались с иными целями — управление, контроль, информирование — и несли другую систему ценностей, отражавшую интересы Российской империи и образованной элиты.

Основными типами российских документов о батырах были донесения военных губернаторов и пограничных комендантов, содержавшие информацию о влиятельных батырах; дипломатическая переписка о переговорах с казахскими делегациями; судебные дела по конфликтам между родами или с российскими властями; статистические описания с данными о численности родов и влиятельных лицах [7, с. 89–96].

Российские источники описывают батыров прагматично, с точки зрения имперских интересов. Положительные характеристики включали: «влиятельный», «верноподданный», «рассудительный», «почитаемый в народе». Отрицательные характеристики: «беспокойный», «хищный», «непокорный», «своенравный». Эти оценки отражали степень лояльности батыра к российской власти [7, с. 189–196].

Характерный пример из документов: «Старшина Кабанбай, человек весьма влиятельный в Средней орде, имеет в своём распоряжении до 300 кибиток, храбр в сражениях с зенгорцами [джунгарами], но своенравен и не всегда покорен воле хана Аблая» [8, л. 27]. Такие характеристики предоставляли властям конкретную информацию о распределении сил в казахском обществе.

Информационная ценность российских документов включает точную датировку событий, числовые данные о численности войск и населения, политический контекст межродовых отношений, подтверждение реальности исторических фигур, детали экономической деятельности и дипломатических миссий. Однако эти источники имеют существенные ограничения: внешняя перспектива (непонимание внутренней логики казахского общества), избирательность (фиксация только значимых для империи событий), предвзятость (колониальная идеология), языковые проблемы (неточный перевод казахских терминов и титулов) [7, с. 212–219; 9, с. 234–241].

Европейские и российские путешественники XVIII–XIX веков оставили описания казахского общества, включая характеристики батыров. А.И. Левшин в фундаментальном труде «Описание киргиз-казачьих орд и степей» (1832) писал: «Батыры — это храбрейшие воины, прославившиеся в сражениях с неприятелями. Они пользуются большим почётом в народе и зачастую имеют больше власти, чем сами султаны» [10, т. 3, с. 289]. Эти наблюдения особенно ценны, поскольку основаны на непосредственных контактах с казахами.

Особое значение имеют работы Ч.Ч. Валиханова, казахского учёного XIX века, писавшего на русском языке. Его труды предоставили информацию о батырах с точки зрения как казахского общества, так и европейской науки, став мостом между двумя культурными традициями [11, с. 178–185].

С 1860-х годов развивается краеведческое движение. Публикуются исторические очерки о конкретных батырах, записи народных преданий, описания мест, связанных с батырами. Работа А. Алекторова «Кабанбай батыр» (1900) содержит биографию батыра, составленную на основе казахских преданий и российских архивных данных [12, с. 23–34]. Эти работы уже представляют собой синтез устной и письменной традиций.

Казахская письменная традиция до XX века была ограниченной, но включала важный жанр — шежире (родословные), записанные арабской графикой. Шежире содержали генеалогические таблицы, краткие биографии предков-батыров, историю родовых территорий и миграций, списки потомков [2, с. 145–152].

Шежире выполняли несколько важных функций в казахском обществе: узаконивание статуса рода через демонстрацию знатного происхождения, сохранение исторической памяти о важных событиях родовой истории, регулирование социальных отношений через определение степени родства. В отличие от героического эпоса, шежире представляли более «документальную» традицию, хотя и они содержали элементы мифологизации [2, с. 189–196].

Критическое сопоставление народного и документального портретов батыров выявляет существенные различия, обусловленные разными функциями этих дискурсов и разными системами ценностей.

В эпосе происхождение батыра часто чудесное — бездетность родителей, знамения при рождении, необычные обстоятельства. В документах — конкретные генеалогические данные: принадлежность к определённому роду, имена отца и деда. Мотивация действий в эпосе представлена как защита народа, месть за предков, стремление к славе. В документах прослеживаются политические амбиции, экономические интересы, борьба за власть внутри рода [13, с. 89–96].

Подвиги в эпосе гиперболизированы: батыр в одиночку побеждает сотни врагов, совершает невозможные деяния. В документах описываются конкретные военные операции с указанием масштабов — участие в набеге такого-то числа воинов, захват определённого количества скота. Враги в эпосе часто демонизированы — представлены как великаны, чудовища, нелюди. В документах это конкретные противники — джунгары, киргизы, враждебные казахские роды [1, с. 234–241].

Оружие и конь батыра в эпосе чудесные: сабля, разрубающая камни; летающий тулпар, преодолевающий за день путь в несколько месяцев. В документах упоминается обычное, хотя и качественное вооружение — панцирь, хороший конь, дорогая сабля. Эти различия отражают разные цели создания текстов: героизация в эпосе против информирования в документах.

Процесс превращения реального военачальника в мифологизированного героя осуществлялся через несколько взаимосвязанных механизмов. Гиперболизация означала преувеличение реальных подвигов: если батыр участвовал в успешной битве, эпос изображал его побеждающим в одиночку десятки врагов. Идеализация включала

сглаживание негативных черт характера: жестокость представлялась как справедливое возмездие, своекорыстие — как заботу о роде [1, с. 167–174].

Символизация превращала батыра в воплощение определённых ценностей: храбрости, свободы, верности роду. Конкретная историческая личность становилась носителем абстрактных качеств. Универсализация обобщала конкретные исторические события, делая батыра образцом для подражания во все времена, независимо от изменившихся условий [4, с. 189–196].

Сакрализация наделяла батыра сверхъестественными качествами и связью с божественным миром. Батыр получал помощь от духов предков, обладал магическими способностями. Эти механизмы действовали под влиянием нескольких факторов: устная форма передачи, допускавшая вариативность и творческое преобразование; временная дистанция от событий, стиравшая детали и позволявшая фантазии; социальный заказ родов на героизацию предков для повышения собственного статуса; идеологическая функция консолидации рода вокруг общих героев [1, с. 234–241].

Наглядным примером процесса мифологизации служит образ Кабанбай батыра. Реальный Кабанбай (ок. 1692–1770) был влиятельным военачальником из рода найман, участвовавшим в войнах с джунгарами. Российские документы упоминают его как «влиятельного старшину», обладавшего значительными военными силами, участника посольств к российским властям. Документы фиксируют конкретные события: участие в сражениях, дипломатические миссии, конфликты с другими батырами [8, л. 15–18].

В эпосе Кабанбай превращается в величайшего батыра всех времён, непобедимого воина, не проигравшего ни одного сражения. Он становится обладателем чудесного оружия и коня, способного летать. Эпос представляет его как мудрого советника хана Аблая и защитника всего казахского народа, а не только своего рода. Кабанбай превращается в национального героя, символизирующего независимость и воинскую доблесть [14, с. 145–163].

Это сопоставление ясно показывает процесс мифологизации: конкретный исторический персонаж с реальными достижениями и недостатками превращается в идеализированный символ. При этом ядро исторической правды сохраняется — Кабанбай действительно был влиятельным военачальником и участником войн с джунгарами.

Различия между народным и официальным портретами батыров объясняются разными функциями этих дискурсов. Эпический портрет выполнял воспитательную функцию, предоставляя образец для подражания молодым воинам. Консолидирующая функция превращала батыра в символ единства рода или всего народа. Легитимизирующая функция возвеличивания батыров укрепляла статус их потомков в обществе. Компенсаторная функция в условиях военных поражений позволяла эпосу о непобедимых батырах компенсировать коллективные травмы. Религиозно-мифологическая функция представляла батыра как посредника между людьми и сверхъестественным миром [13, с. 189–203].

Документальный портрет выполнял иные функции. Информационная функция предоставляла властям данные о влиятельных фигурах казахского общества. Контролирующая функция обеспечивала наблюдение за потенциально опасными лидерами. Инструментальная функция помогала определить, кого можно использовать в имперских целях. Юридическая функция фиксировала конфликты и правовые статусы для разрешения споров [7, с. 212–219].

Несмотря на существенные различия, обе традиции подтверждают ряд важных фактов: существование конкретных исторических персонажей с определёнными именами и родовой принадлежностью; участие этих персонажей в реальных событиях — войнах с джунгарами, межродовых конфликтах, дипломатических миссиях; высокий социальный статус и влияние батыров в казахском обществе; выполнение батырами военной функции как организаторов и предводителей военных отрядов; родовую основу власти батыров, опиравшихся на поддержку своих родов [13, с. 212–219].

Эти точки соприкосновения позволяют реконструировать историческое ядро, вокруг которого нарастали эпические элементы. Критическое сопоставление источников даёт возможность отделить историческую реальность от мифологизации, понять как реальную роль батыров, так и механизмы конструирования их героического образа.

Соотношение между «реальным» и «мифическим» батыром менялось с течением времени. При жизни батыра современники знали его как конкретного человека со всеми достоинствами и недостатками. Первое поколение после смерти батыра сохраняло живую память о реальном человеке, хотя уже началась умеренная героизация. Последующие поколения видели усиление эпической мифологизации: постепенное стирание конкретных деталей, добавление сверхъестественных элементов, превращение батыра в символ и архетип [1, с. 212–219].

В XIX–XX веках происходило взаимопроникновение народной и официальной традиций, создававшее синтетический образ. Казахские грамотеи, читавшие краеведческие работы, вносили «исторические» элементы в устные предания. Краеведы и этнографы, записывавшие предания, часто принимали их за исторические факты без критического анализа. Эпические элементы проникали в «исторические» биографии, создавая смешанный жанр [15, с. 234–241].

Этот синтетический образ стал основой для советских и постсоветских представлений о батырах. В советский период батыры прошли сложный путь трансформации: от классовой критики как «феодалных эксплуататоров» в 1920-е годы через избирательную реабилитацию в сталинскую эпоху к полной героизации в брежневское время [16, с. 178–185].

В постсоветском Казахстане батыры превратились в центральные символы национальной идентичности и государственности. Они активно репрезентируются в школьных учебниках как безупречные герои, в музеях через специальные экспозиции, в кинематографе и литературе через художественные произведения. Батыры увековечены в

памятниках и топонимике — их имена носят улицы, площади, школы [17, с. 212–219]. Процесс мифологизации, таким образом, не прекратился, а принял новые формы, адаптируясь к требованиям современной политики памяти.

Проведённое исследование показывает, что батыры Северного Казахстана существуют в двух измерениях: в исторической реальности как конкретные военачальники XVIII–XIX веков и в культурной памяти как мифологизированные герои народного эпоса. Устная традиция превращала реальных военачальников в идеализированных героев посредством гиперболизации подвигов, идеализации личности, добавления сверхъестественных элементов и универсализации значения. Этот процесс мифологизации выполнял важные социальные функции: сохранение исторической памяти, трансляцию ценностей храбрости и чести, консолидацию общества вокруг общих героев, легитимацию социальной иерархии через возвеличивание предков.

Письменные источники — российские административные документы, записки путешественников, краеведческие работы и казахские шежере — предоставляют альтернативную перспективу, фиксируя конкретные события, даты и политический контекст. Критическое сопоставление устной и письменной традиций позволяет реконструировать как реальную роль батыров в истории Северного Казахстана, так и механизмы их превращения в «места памяти».

Процесс мифологизации не прекратился с появлением письменных источников и развитием исторической науки. Напротив, в XX–XXI веках он принял новые формы, адаптируясь к требованиям современной политики памяти. Батыры из реальных военачальников XVIII–XIX веков трансформировались в символы казахстанской государственности и национальной идентичности, активно используемые в образовании, культуре и политике.

Понимание различий между историческим и мифологизированным образами батыров необходимо для объективной оценки их роли в формировании национального самосознания и критического осмысления политики памяти в современном Казахстане. Дальнейшие исследования должны быть направлены на детальное изучение конкретных механизмов адаптации батырского мифа к меняющимся социально-политическим условиям и его влияния на формирование региональной и национальной идентичности в постсоветский период.

Список источников

1. Маргулан А.Х. Казахский героический эпос. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1968. – 386 с.
2. Копеев М.Ж. Родословная тюрков, кыргызов, казахов и ханских династий / под ред. Б.С. Сулейменова. – Алматы: Атамур, 2000. – 416 с.
3. Бухар жырау: Сборник песен и сказаний / сост. К. Жумалиев. – Алматы: Жазушы, 1993. – 224 с.

4. Каскабасов С.А. Героические песни казахского народа. – Алматы: Ғылым, 2002. – 312 с.
5. Батырлар жыры: эпос / сост. С. Муқанов. – Алматы: Жазушы, 1975. – 412 с.
6. Толеубаев А.Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов (XIX – начало XX в.). – Алма-Ата: Ғылым, 1991. – 214 с.
7. Зиманов С.З. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX веков. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. – 282 с.
8. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 127. Канцелярия Акмолинского военного губернатора. Переписка о казахских старшинах. 1858–1862 гг.
9. Касымбаев Ж.К. Города Восточного Казахстана (конец XVIII – начало XX в.). – Алма-Ата: Наука КазССР, 1990. – 174 с.
10. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей / подгот. текста и примеч. М.К. Козыбаева. – Алматы: Санат, 1996. – 656 с.
11. Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3. Исторические и этнографические работы / гл. ред. М.К. Козыбаев. – Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. – 416 с.
12. Алекторов А.Е. Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах. – Казань: Типо-литография Императорского университета, 1900. – 711 с.
13. Артыкбаев Ж.О. Казахское общество в XIX веке: традиции и новаторство. – Алматы: Ғылым, 2003. – 296 с.
14. Конаев М.К. Кабанбай батыр: историко-документальное исследование. – Кокшетау: Келешек, 2006. – 186 с.
15. Пралиев С.Ж. Республика Казахстан: от советского к современному. – Алматы: КИМЭП, 2010. – 384 с.
16. Аманжолова Д.А. Казахский автономизм и Россия: история движения Алаш. – М.: Россия молодая, 1994. – 216 с.
17. Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – 296 с.
18. Серкпаев М.О. Казахское ханство в середине XV-XVIII вв. и его военно – политические отношения с Джунгарией: учебное пособие / М.О.Серкпаев – Щучинск: [б.и.], 2010.

Нуртаева Тахмина Жумагалиевна, магистрант, Кокшетауский университет им. А. Мырзахметова (г. Кокшетау, Республика Казахстан).

Nurtayeva Tahmina Zhumagalievna, Master's student, Abay Myrzakhmetov Kokshetau University (Kokshetau, Republic of Kazakhstan).

: nurtaeva-tahmina@mail.ru

Серкпаев Мухтар Омирсерикович, доктор исторических наук, Кокшетауский университет им. А. Мырзахметова, (г. Кокшетау, Республика Казахстан).

Serkpayev Mukhtar Omirserikovich, doctor of historical sciences, Abay Myrzakhmetov Kokshetau University (Kokshetau, Kazakhstan).

: serkpayev@mail.ru

Дата поступления: 24.02.2026

© Нуртаева Т.Ж., Серкпаев М.О., 2026

ГОРОДСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО КАЗАХСТАНА

Науkenov P.V., Yelzhanova E.T.

Кокшетауский университет имени Абая Мырзахметова

(г.Кокшетау, Республика Казахстан)

Аннотация. Статья посвящена анализу феномена городской цивилизации средневекового Казахстана в контексте социально-экономических, политических и культурных процессов Центральной Азии VI-XV вв. Рассматриваются основные центры городской жизни на территории Южного Казахстана и Семиречья, их роль в системе трансконтинентальных торговых коммуникаций, прежде всего Великого Шелкового пути, а также особенности градостроительной структуры, ремесленного производства и межкультурных контактов.

Ключевые слова: городская цивилизация, средневековый Казахстан, культура, ремесло, торговля, исламская культура, кочевники, оседлость.

Для цитирования: Науkenov P.V., Yelzhanova E.T. Городская цивилизация средневекового Казахстана // Наука и реальность. 2026. № 1 (25). С. 186–189.

URBAN CIVILIZATION OF MEDIEVAL KAZAKHSTAN

Naukenov R.V, Yelzhanova Ye.T.

Abay Myrzakhmetov Kokshetau University

(Kokshetau, Kazakhstan)

Abstract. The article analyzes the phenomenon of urban civilization in medieval Kazakhstan in the context of the socio-economic, political, and cultural processes in Central Asia during the 6th-15th centuries. It examines the main centers of urban life in Southern Kazakhstan and Semirechye, their role in the system of transcontinental trade routes, particularly the Silk Road, as well as the features of urban planning, craft production, and intercultural contacts.

Keywords: urban civilization, medieval Kazakhstan, culture, craftsmanship, trade, Islamic culture, nomads, and sedentary life.

For citation: Naukenov R.V, Yelzhanova Ye.T. Urban civilization of medieval Kazakhstan// Science & Reality. 2026. no. 1 (25). pp. 186–189. (in Russian).

Первые сведения о городах Южного Казахстана и Семиречья содержатся в трудах арабо-персидских географов и историков IX-XIII вв. – ал Истахри, ал - Максиди, Ибн Хаукаля, ал-Балхи, Махмуда ал-Кашгари. Эти авторы фиксировали наличие развитой городской сети, ремесленного производства и интенсивной торговли. В дореволюционной историографии значительный вклад в изучение городов Казахстана внесли В.В.Бартольд и П.И.Лерх, которые на основе письменных источников и археологических данных доказали высокую степень урбанизации региона. Советский период характеризуется систематическими археологическими исследованиями (А.Н.Бернштам, К.А. Акишев, Е.И. Агеева, Г.И.Пацавич), позволившими реконструировать планировку городов, их хозяйственную структуру и хронологию [1].

Современная казахстанская историография (К.М.Байпаков, М.К. Козыбаев, Ж.О. Артыкбаев) рассматривает города как элементы единой социально-экономической системы, связанной с кочевым обществом и международными торговыми путями.

Основные городские центры располагались в оазисах Южного Казахстана, долинах рек Сырдарья, Талас, Чу, Или, где существовали возможности для ирригационного земледелия. Ключевую роль в формировании городской цивилизации сыграл Великий Шелковый путь, проходивший через территорию Казахстана. Города выполняли функцию караванных стоянок, торговых рынков и ремесленных центров, обеспечивая транзит товаров между Востоком и Западом. В средневековом Казахстане город и кочевая степь не противостояли друг другу, а образовывали устойчивую и взаимодополняющую социально-экономическую систему. Кочевое скотоводство обеспечивало города продуктами кочевого хозяйства и транспортом, в то время как города снабжали кочевников ремесленными изделиями, оружием, тканями и предметами роскоши.

Экономические связи между городом и степью носили регулярный характер и были институционализированы через рынки, налогообложение и систему дарообмена. Городские центры выполняли функцию посредников между кочевой знатью и международной торговлей, что способствовало включению степных элит в общеевразийские экономические процессы. Города нередко выступали административными и резиденциальными центрами кочевых государств. В эпоху Караханидов такие города, как Баласагун, Тараз и Отрар, являлись не только экономическими, но и политическими узлами, где концентрировалась власть, судопроизводство и религиозные институты [2]. В условиях улуса Джучи и позднемонгольских государствах города сохраняли значение опорных пунктов фискальной системы, обеспечивая сбор налогов с оседлого и кочевого населения. Таким образом, городская цивилизация функционировала как необходимый элемент управления кочевым пространством.

Ремесло являлось экономической основой городской жизни. Археологические материалы свидетельствуют о развитии гончарного, металлургического, ювелирного, кожевенного и текстильного производства. В городах Южного Казахстана выявлены кварталы ремесленников, что указывает на определенную специализацию и территориальную организацию производства [3]. Хотя классические цехи западноевропейского типа в городах Казахстана отсутствовали, ремесло регулировалось профессиональными традициями, семейными мастерскими и, вероятно, корпоративными нормами, связанными с мусульманским правом и городскими общинами.

Города выполняли функцию ключевых торговых узлов Великого Шелкового пути. Рыночные площади (базары) являлись центральными элементами городской структуры. Здесь осуществлялся обмен, как местной продукцией, так и транзитными товарами – шелком, пряностями, металлами, керамикой. Торговля охватывала не только межрегиональной, но и внутренний уровень, обеспечивая связь между оседлым и кочевым населением. Караванная торговля стимулировала рост городов и способствовала формированию многоэтничной городской среды.

Развитие торговли сопровождалось становлением монетного дела. В городах Тараза, Испиджаба, Отрара функционировали монетные дворы, чеканившие серебряные и медные монеты. Нумизматические находки свидетельствуют о включенности городов Казахстана в единую денежную систему исламского мира. Монеты выполняли не только экономическую, но и идеологическую функцию, отражая титул правителей и религиозные идеи, что подчеркивает роль городов как центров государственной и духовной среды [4].

Города средневекового Казахстана также являлись очагами письменной культуры, образования и искусства. Здесь функционировали медресе, библиотеки, мастерские каллиграфов и архитекторов. Городская среда способствовала формированию особого культурного пространства, отличного от степной традиции, но тесно с ней связанного.

Таким образом, городская культура средневекового Казахстана характеризуется синтезом исламских и тюркских элементов. Это проявлялось в архитектуре, эпиграфике, литературе и социальных практиках. Такой синтез обеспечивал устойчивость городской цивилизации и ее адаптацию к условиям кочевого окружения.

Список источников

1. Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана. - Алматы: Ғылым, 1998. – 212с.
2. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. – СПб.: Издательство восточной литературы, 1963. – 438с.
3. Бернштам А.Н. История культуры древних и средневековых народов Южного Казахстана. – Алма-Ата: Ғылым, 1992. – 146с.
4. Агеева Е.И. Города и поселения Семиречья. – Алма - Ата: Китап, 1992. - 174с.

5. Giddens A. Modernity and self-identity //Social theory re-wired. – Routledge, 2023. – С. 477-484.

6. Велиева С. В. Теория и практика наставничества молодого педагога. – 2021. – 80 с.

Науkenov Ruslan Vladimirovich, магистрант, Кокшетауский университет им. А. Мырзахметова (г. Кокшетау, Республика Казахстан).

Naukenov Ruslan Vladimirovich, Master's student, Abay Myrzakhmetov Kokshetau University (Kokshetau, Kazakhstan).

Ельжанова Ермек Темирхановна, старший преподаватель кафедры международных отношений, истории и социальной работы, Кокшетауский университет им. А. Мырзахметова (г. Кокшетау, Республика Казахстан).

Yelzhanova Ermek Temirkhanovna, senior lecturer of the department of international relations, history and social work, Abay Myrzakhmetov Kokshetau University (Kokshetau, Kazakhstan).

: elzhanovae@mail.ru

Дата поступления: 24.02.2026

© Науkenov P.V., Ельжанова Е.Т., 2026

ДРЕВНЕТЮРКСКОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ОДИН ИЗ КЛЮЧЕВЫХ КОМПОНЕНТОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Черкасова К.И., Ельжанова Е.Т.

Кокшетауский университет имени Абая Мырзахметова
(г.Кокшетау, Республика Казахстан)

Аннотация. В статье рассматривается значение древнетюркского наследия в формировании культурной, политической и духовной традиции Казахстана. Анализируются процессы становления тюркской государственности, письменной культуры, религиозно-мировоззренческих представлений и художественных форм, оказавших влияние на этногенез и культурную идентичность казахского народа. Особое внимание уделяется преемственности традиций древнетюркских каганатов, средневековых тюркских государств и казахской государственности.

Ключевые слова: наследие, древнетюркская культура, тенгрианство, руническая письменность, культурная преемственность, тюркская государственность, национальная идентичность.

Для цитирования: Черкасова К.И., Ельжанова Е.Т. Древнетюркское наследие как один из ключевых компонентов национальной идентичности // Наука и реальность. 2026. № 1 (25). С. 190–193.

THE OLD TURKIC HERITAGE AS A KEY COMPONENT OF NATIONAL IDENTITY

Cherkasova K.I., Yelzhanova Ye.T.

Abay Myrzakhmetov Kokshetau University
(Kokshetau, Kazakhstan)

Abstract. The article examines the significance of the ancient Turkic heritage in shaping the cultural, political, and spiritual traditions of Kazakhstan. It analyzes the processes of the formation of Turkic statehood, written culture, religious and worldview concepts, and artistic forms that influenced the ethnogenesis and cultural identity of the Kazakh people. Special attention is given to the continuity of the traditions of the ancient Turkic khaganates, medieval Turkic states, and the Kazakh statehood.

Keywords: heritage, ancient Turkic culture, Tengrianism, runic writing, cultural continuity, Turkic statehood, and national identity.

For citation: Cherkasova K.I., Yelzhanova Ye.T. The Old Turkic heritage as a key component of national identity // Science & Reality. 2026. no. 1 (25). pp. 190–193. (in Russian).

Древнетюркское наследие занимает фундаментальное место в историко-культурном развитии Казахстана. Формирование первых тюркских государств на территории Центральной Азии, начиная с VI века, стало важнейшим этапом политической и культурной консолидации кочевых обществ евразийской степи. Возникновение Тюркского каганата ознаменовало переход от разрозненных племенных объединений к централизованной модели власти, заложив основы государственности, правовой традиции и идеологии власти, повлиявших на последующие тюркские государства, включая Казахское ханство.

Создание Восточно-Тюркского каганата и Западно-Тюркского каганата стало важным этапом институционализации власти. Верховный правитель - каган – наделялся сакральным статусом, обосновываемым небесным мандатом (кут), что отражало синтез политической и религиозной легитимации [1].

Политическая культура древних тюрков основывалась на принципах военной организации, иерархии и верности кагану. Государство рассматривалась как сакральная структура, поддерживаемая небесным мандатом – Тенгри. Культ Неба, или тенгрианство, формировал особое мировоззрение, в котором гармония между человеком, природой и высшими силами становилась основой общественного порядка. Эти представления сохранились в фольклоре, эпических традициях и нравственных установках. Верховное божество Тенгри воспринималось как источник власти и судьбы государства [2]. Эти представления нашли отражение в традиционных казахских верованиях и обрядах.

Политическая структура каганата предполагала разделение власти между правящим родом ашина и племенной аристократией (беки, ябгу, шады), что обеспечивало баланс между центром и периферией. Данная модель повлияла на последующие формы государственности в степном регионе, включая политическую систему Казахского ханства[3].

В целом, военно-административная система древних тюрков отличалась высокой степенью мобильности и дисциплины. Десятичная организация войска и система вассально-родовых отношений стали прообразом казахской военной традиции. Правовые нормы, закрепленные обычным правом (төре), позднее нашли отражение в казахском адате.

Одним из важнейших источников понимания древнетюркского мировоззрения являются Орхон-Енисейские надписи, включая памятники в честь Культегина и Бильге-кагана. Эти тексты не только фиксируют исторические события, но и отражают концепцию

государственности, ответственности правителя перед народом и идею единства тюркского мира. В них прослеживается осознание общей судьбы, коллективной памяти и политической независимости – элементов, которые и сегодня играют важную роль в формировании национального самосознания. Тексты представляют собой раннюю форму тюркской рунической письменности и отражают высокий уровень политической и философской мысли.

Древнетюркский язык этих текстов рассматривается как один из источников формирования тюркской литературной традиции. Данная письменная традиция оказала влияние на формирование средневековой литературы тюркских народов. В частности, труды Юсуф Баласагуни и Махмуд Кашгари стали продолжением интеллектуальной традиции, заложенной в эпоху каганатов [4].

Современные музеи Казахстана используют древнетюркское искусство как ключевой элемент экспозиций. Так, в национальном музее Казахстана отдельный зал посвящен тюркскому периоду, где представлены балбалы из Жетысу, копии орхонских стел и реконструкции орнаментальных мотивов, что представляется нам как основа национального исторического нарратива. Экспозиционные решения формируют новое прочтение кочевой цивилизации. Образы балбалов, орнамента и петроглифов активно внедряются в учебники, символику и государственные программы, способствуя формированию исторической идентичности. Современный дизайн, архитектура и медиа используют мотивы древнетюркского искусства, трансформируя их в знаки культурной преемственности.

Древнетюркское наследие представляет собой фундаментальный пласт культурной, лингвистической и ментальной преемственности современных казахов как этноса и граждан Казахстана. Оно включает в себя исторические памятники, языковые и эпические традиции, мировоззренческие установки, художественные символы и социально-политические модели, восходящие к государствам раннего тюркского мира (VI-Xвв.).

В постсоветский период обращение к древнетюркскому прошлому стало важным элементом формирования национальной идентичности. Исследования древнетюркских памятников, реставрация археологических объектов и популяризация тюркской истории способствуют укреплению исторической памяти. Современные культурные проекты, международные тюркские форумы и научные конференции подчеркивают интеграционную роль древнетюркского наследия в формировании общего культурного пространства тюркских народов..

Список источников

1. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М.: Кристалл, 2003. – 362с.
2. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан: летопись трех тысячелетий. – Алматы: Рауан, 1992.- 373с.
3. Бартольд В.В. Тюрки: двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. – Алматы: Жалын, 1993. - 192с.

4. Маргулан А.Х. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алматы: Наука, 1979. – 435с.

Черкасова Кристина Ивановна, магистрант, Кокшетауский университет им. А. Мырзахметова (г. Кокшетау, Республика Казахстан).

Cherkasova Kristina Ivanovna, Master's student, Abay Myrzakhmetov Kokshetau University (Kokshetau, Kazakhstan).

Ельжанова Ермек Темирхановна, старший преподаватель кафедры международных отношений, истории и социальной работы, Кокшетауский университет им. А. Мырзахметова (г. Кокшетау, Республика Казахстан).

Yelzhanova Ermek Temirkhanovna, senior lecturer of the department of international relations, history and social work, Abay Myrzakhmetov Kokshetau University (Kokshetau, Kazakhstan).

: elzhanovae@mail.ru

Дата поступления: 24.02.2026

© Черкасова К.И., Ельжанова Е.Т., 2026

ИДЕОЛОГИЯ САКСКОГО ВОИНА

Шолимова А.Г., Ельжанова Е.Т.

Кокшетауский университет имени Абая Мырзахметова

(г.Кокшетау, Республика Казахстан)

Аннотация. Статья освещает воинскую идеологию саков, которая являлась фундаментом их политической устойчивости, механизмом социальной интеграции и важнейшим элементом культурной идентичности. Без ее реконструкции невозможно адекватное понимание ни военной организации сакских племен, ни их искусства, ни их мировоззрения.

Ключевые слова: идеология, воин, военная организация, сакские племена, род, статус сака.

Для цитирования: Шолимова А.Г., Ельжанова Е.Т. Идеология сакского воина // Наука и реальность. 2026. № 1 (25). С. 194–197.

THE IDEOLOGY OF THE SAKA WARRIOR

Sholimova A.G., Yelzhanova Ye.T.

Abay Myrzakhmetov Kokshetau University

(Kokshetau, Kazakhstan)

Abstract. The article highlights the military ideology of the Sakas, which was the foundation of their political stability, a mechanism of social integration, and a crucial element of their cultural identity. Without reconstructing this ideology, it is impossible to fully understand the military organization, art, or worldview of the Sakas.

Keywords: ideology, warrior, military organization, Saka tribes, clan, Saka status.

For citation: Sholimova A.G., Yelzhanova Ye.T. The ideology of the Saka warrior // Science & Reality. 2026. no. 1 (25). pp. 194–197. (in Russian).

Идеология сакского воина представляет собой совокупность мировоззренческих, ценностных и нормативных установок, формировавших поведение, социальный статус и военную практику представителей сакских племен в эпоху раннего железа. В условиях отсутствия собственных письменных источников у саков реконструкция данной идеологии основывается на комплексном анализе археологических, иконографических, лингвистических и нарративных свидетельств, прежде всего, античных и древневосточных авторов.

Античная традиция (Геродот, Ктесий, Страбон) фиксирует сакский воинский этос в контексте контактов с Ахеменидской державой и греко-персидским миром, подчеркивая воинственность, мобильность и независимость сакских племен[1]. Персидские клинописные надписи (Бехистунская надпись Дария I) дополняют эти сведения, представляя сакского воина как опасного, но достойного противника[2]. В них сакский воин предстает как противник Ахеменидской державы, обладающий организованной военной силой и собственной политической субъектностью. Сам факт включения саков в перечень покоренных или сопротивлявшихся народов свидетельствует о признании их военного потенциала.

Несмотря на идеологическую ангажированность этих источников, сопоставительный анализ позволяет выделить устойчивые элементы сакской воинской идеологии: культ храбрости, презрение к плену, высокая ценность военной доблести.

Археологические материалы – курганные погребения, оружие, элементы конского снаряжения и «звериный стиль» - позволяют реконструировать символический язык сакской воинской культуры. В сакском обществе воин выполнял не только военную, но и сакральную функцию. Он рассматривался как посредник между родом, предками и сверхъестественными силами. Это подтверждается характером погребального обряда, в котором оружие, боевые пояса, конское снаряжение и зооморфные украшения играли ключевую роль.

Поэтому, идеология сакского воина не была абстрактной доктриной, но представляла собой практико-ориентированную систему, встроенную в кочевой образ жизни, родо-племенную структуру и сакральные представления о мире. В сакском обществе воин был неотделим от родо-племенной структуры. Его статус определялся принадлежностью к определенному роду и возрастной группе. Воинская функция носила коллективный характер и была направлена на защиту интересов рода, а не индивидуальное самоутверждение.

Воинский статус был тесно связан с идеей избранности. Наличие оружия в погребении интерпретируется исследователями как знак принадлежности к элите, обладающей правом на защиту рода и участие в перераспределении добычи. При этом сакский воин не противопоставлялся обществу: его функция была коллективной, а не индивидуалистической. Особое значение имел образ «всадника-воина», символизирующий контроль над пространством степи. Конь выступал не просто средством передвижения, но

сакральным спутником воина, что находит отражение в жертвоприношениях коней и совместных погребениях [3]. Особенно показателен так называемый «золотой человек» из Исыкского кургана, где символическая символика сочетается с ярко выраженной мифологической программой. Это свидетельствует о том, что воин выступал не просто бойцом, но носителем космологического знания и сакральной функции.

Центральным элементом идеологии сакского воина была воинская доблесть, выражавшаяся в храбрости, стойкости и готовности к самопожертвованию. Геродот подчеркивает, что саки предпочитали смерть плену, что свидетельствует о наличии развитого кодекса чести. Смерть в бою воспринимались не как трагедия, а как форма высшего исполнения долга перед родом и предками. Курганные комплексы, часто имеющие монументальный характер, выполняли функцию мемориализации воинской славы и служили точками сакрального ландшафта [4]. Таким образом, идеология сакского воина включала четко выраженное представление о «правильной смерти». В этой связи «...насилие в сакской традиции носило легитимированный характер и было строго встроено в систему ценностей. Война рассматривалась как естественное состояние степного мира, а воин – как гарант космического и социального порядка» [5].

Идеология сакского воина была неотъемлемой частью более широкой кочевой цивилизационной модели. Она формировала нормы поведения, регулирующие отношения между родами, механизм распределения власти и принципы военного лидера [6]. Воинская идеология обеспечивала воспроизводство элиты и стабильность социальной структуры.

В отличие от оседлых обществ, где воин мог быть специализированной фигурой, у саков воинский идеал был универсальным и охватывал значительную часть мужского населения. Это обеспечивало высокую степень мобилизации и устойчивость внешним угрозам. Таким образом, идеология сакского воина выступает ключевым элементом сакской культуры, соединяющим военную практику, сакральные представления и социальную организацию в единое целое.

Список источников

1. Геродот История. Кн. VI. / История в девяти книгах. – Ленинград: Наука, 1972.
2. Дандамаев М. А. Отражение содержания Бехистунской надписи в труде Геродота. //Краткие сообщения Института народов Азии. Иранская филология. - М. – 1963. - С. 190–192.
3. Акишев К.А. Искусство и мифология саков. - Алма-Ата: Наука,1984. -176с.
4. Маргулан А.Х. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука,1984. - 435с.
5. Грязнов М.П. Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана. / История СССР с древнейших времён до образования древнерусского государства Ч. II. М.-Л., 1939, с. 399-413.

6. Акишев К.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. - Алма-Ата: Изд-во Акад. наук КазССР, 1963. - 300с.

Шолимова Айнур Галымовна, магистрант, Кокшетауский университет им. А. Мырзахметова (г. Кокшетау, Республика Казахстан).

Sholimova Ainur Galymovna, Master's student, Abay Myrzakhmetov Kokshetau University (Kokshetau, Kazakhstan).

Ельжанова Ермек Темирхановна, старший преподаватель кафедры международных отношений, истории и социальной работы, Кокшетауский университет им. А. Мырзахметова (г. Кокшетау, Республика Казахстан).

Yelzhanova Ermek Temirkhanovna, senior lecturer of the department of international relations, history and social work, Abay Myrzakhmetov Kokshetau University (Kokshetau, Kazakhstan).

: elzhanovae@mail.ru

Дата поступления: 24.02.2026

© Шолимова А.Г., Ельжанова Е.Т., 2026

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ МОДЕЛИ УЛУСА ДЖУЧИ

Исмаилова Г.Т., Ельжанова Е.Т.

Кокшетауский университет имени Абая Мырзахметова
(г.Кокшетау, Республика Казахстан)

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые аспекты хозяйственной модели Улуса Джучи как одного из крупнейших политико-экономических образований средневековой Евразии. Анализируются особенности кочевого скотоводческого уклада как базового элемента экономики, механизмы фискальной политики, формы эксплуатации зависимых территорий, а также роль трансконтинентальной торговли и городских центров в формировании устойчивой экономической системы.

Ключевые слова: хозяйственная модель, Улус Джучи, кочевая экономика, фискальная система, торговля.

Для цитирования: Исмаилова Г.Т., Ельжанова Е.Т. Некоторые аспекты хозяйственной модели Улуса Джучи // Наука и реальность. 2026. № 1 (25). С. 198–201.

SOME ASPECTS OF THE ECONOMIC MODEL OF THE ULUS OF JOCHI

Ismailova G. T., Yelzhanova Ye.T.

Abay Myrzakhmetov Kokshetau University
(Kokshetau, Kazakhstan)

Abstract. The article examines the key aspects of the economic model of the Ulus of Jochi, one of the largest political and economic entities in medieval Eurasia. It analyzes the features of the nomadic pastoralist economy as a fundamental element of the economy, the mechanisms of fiscal policy, the forms of exploitation of dependent territories, and the role of transcontinental trade and urban centers in shaping a sustainable economic system.

Keywords: economic model, Ulus of Jochi, nomadic economy, fiscal system, trade.

For citation: Ismailova G. T., Yelzhanova Ye.T. Some aspects of the economic model of the Ulus of Jochi // Science & Reality. 2026. No. 1 (25). pp. 198–201. (in Russian).

Геополитическая конфигурация Улуса Джучи, обеспечивавшая его хозяйственный подъем в XIII – начале XIV вв., одновременно заключала в себе потенциал будущих кризисов и преобразований экономической системы. Владение обширными пространствами, контроль над торговыми магистралями и управление разнородными регионами требовали

устойчивой политической координации и прочной центральной власти. Ослабление этих условий неизбежно сказывалось на стабильности экономического функционирования.

Одной из наиболее уязвимых характеристик хозяйственной модели Улуса Джучи являлась ее зависимость от транзитной функции. Любые изменения международной обстановки – трансформации торговых путей, военные столкновения, эпидемии либо разрушение системы безопасности коммуникаций – вели к сокращению товарооборота и уменьшению доходов от тамги. Особенно ощутимыми последствия стали во второй половине XIV в., когда междоусобные конфликты и ослабление ханской власти подорвали контроль над ключевыми транспортными артериями [1].

Серьезное воздействие на хозяйственную динамику оказали и внешние факторы. Укрепление соседних государств, прежде всего Московского княжества, а также изменение расстановки сил в Причерноморье и на Кавказе способствовали смещению торговых маршрутов в обход ордынских земель. Это привело к снижению транзитной роли Улуса Джучи и сокращению поступлений в казну, вследствие чего прежние геополитические преимущества постепенно превратились в ограничения.

Несмотря на кризисные явления, экономическая система демонстрировала определенную способность к адаптации. В ряде регионов усиливалась ориентация на внутренние ресурсы – земледелие, локальный обмен и ремесленное производство. Однако без восстановления контроля над общеевразийскими коммуникациями подобные меры не могли компенсировать утрату ключевых доходных источников [2].

Экономическая модель носила выраженный интегративный характер: она не унифицировала хозяйственные уклады, а использовала их разнообразие как источник устойчивости. Расположение между Востоком и Западом способствовало превращению улуса в посредническое звено между экономическими системами средневековой Евразии. Через его территорию проходили потоки товаров, людей и идей, стимулировавшие хозяйственную динамику и культурные контакты.

Геополитические фактор обусловил и специфику государственного регулирования экономики. Ханская власть концентрировалась преимущественно на контроле стратегических узлов – торговых путей, городских центров, пастбищ и налоговых источников, - не вмешиваясь непосредственно в производственные процессы. Это обеспечивало относительно автономию регионов при сохранении механизмов централизованного перераспределения ресурсов. Такая модель оказалась функциональной в условиях пространственной разобщенности и этнокультурного разнообразия населения.

Пространственная мобильность также повлияла на социальную структуру и экономическую динамику. Возможность свободного перемещения по обширным территориям, участие в транзитной торговле и доступ к ключевым коммуникациям способствовали формированию каналов социальной мобильности, особенно среди служилой знати и купечества. Экономическая активность была тесно связана с мобильностью, особенно среди служилой знати и купечества. Экономическая активность

была тесно связана с мобильностью, что отличало Улус Джучи от более замкнутых оседлых государств [3].

Следовательно, геополитическое положение следует рассматривать не как второстепенный фон, а как активный детерминант развития экономической модели. Контроль над пространством, коммуникациями и ресурсами обеспечил экономическую мощь государства и одновременно определил пределы его исторической устойчивости. Подводя итог, можно констатировать, что пространственный фактор играл ключевую роль в истории Улуса Джучи. Расположение в пределах евразийской степи и контроль над основными торгово-коммуникационными путями способствовали формированию экономики транзитно-перераспределительного типа, ориентированной на интеграцию различных хозяйственных укладов [4].

Особенностью хозяйственной модели стала адаптивность, основанная на сочетании кочевого и оседлого укладов, правовом плюрализме и избирательном государственном регулировании. Геополитическое положение создавало условия для взаимодействия различных экономических зон и социальных групп, формируя сложную, но устойчивую систему хозяйственных связей.

Таким образом, пространственный фактор выступал фундаментом экономической модели Улуса Джучи, определяя как источники его могущества, так и границы устойчивости. Осмысление данного аспекта позволяет глубже объяснить причины длительного доминирования государства в Евразии и последующего ослабления его экономического и политического влияния, создавая основу для дальнейшего анализа конкретных экономических институтов и механизмов функционирования

Список источников

1. Бартольд В. В. Сочинения. Т. II. М.: Наука, 1963. - 367с.
2. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. - М.: Наука, 1963. - 760с.
3. Золотоордынское наследие. //Материалы научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII-XV вв.)». - Выпуск I. — Казань: Фэн, 2009. - 525с.
4. Скрынникова Т. Д. Чингисхан: власть и культура. - СПб.: Евразия, 2010.-384с.

Исмаилова Гулчехра Телемурадовна, магистрант, Кокшетауский университет им. А. Мырзахметова (г. Кокшетау, Республика Казахстан).

Ismailova Gulchekhra Telemuradovna, Master's student, Abay Myrzakhmetov Kokshetau University (Kokshetau, Kazakhstan).

Ельжанова Ермек Темирхановна, старший преподаватель кафедры международных отношений, истории и социальной работы, Кокшетауский университет им. А. Мырзахметова (г. Кокшетау, Республика Казахстан).

Yelzhanova Ermek Temirkhanovna, senior lecturer of the department of international relations, history and social work, Abay Myrzakhmetov Kokshetau University (Kokshetau, Kazakhstan).

: elzhanovae@mail.ru

Дата поступления: 26.02.2026

© Исмаилова Г.Т., Ельжанова Е.Т., 2026

УДК 655.11(479.24)

Научная статья

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ КНИГОПЕЧАТАНИЯ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Тагиева А. Р.

Азербайджанский Технологический Университет

(г. Гянджа, Азербайджанская Республика)

Аннотация. Азербайджан был одной из стран с древними традициями государственности в мире. С самых древних времен в Азербайджане развивались наука, искусство и культура. Самым древним видом письма в Азербайджане было пиктографическое письмо. Позже возникло примерно клинописное письмо. С возникновением письменности среди людей в Азербайджане вырос интерес к науке. Еще начиная с V века в Азербайджане возник древний алфавит. В XII веке Азербайджан подарил миру таких поэтов и ученых, как Низами Гянджеви, Мехсети Гянджеви, Афзаладдин Хагани, Насреддин Туси.

Ключевые слова: каллиграф, миниатюрист, художник, история, искусство, литература.

Для цитирования: Тагиева А. Р. История развития книгопечатания в Азербайджане // Наука и реальность. 2026. № 1 (25). С. 202–206.

HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF BOOK PRINTING IN AZERBAIJAN

Taghiyeva A.R.

Azerbaijan Technological University

(Ganja, Azerbaijan)

Abstract. Azerbaijan has been one of the countries with ancient traditions of statehood in the world. Since ancient times, science, art, and culture have flourished in Azerbaijan. The earliest form of writing in Azerbaijan was pictographic writing. Later, cuneiform script emerged. With the advent of writing, interest in science among the people of Azerbaijan increased. Starting as early as the 5th century, an ancient alphabet was formed in Azerbaijan. In the 12th century, Azerbaijan bestowed upon the world such great poets and scholars as Nizami Ganjavi, Mahsati Ganjavi, Afzaladdin Khagani, and Nasiraddin Tusi.

Keywords: calligrapher, miniaturist, artist, history, art, literature.

For citation: Taghiyeva A.R. History of the development of book printing in Azerbaijan // Science & Reality. 2026. no. 1 (25). pp. 202–206. (in Russian).

Роль Фонда Гейдара Алиева в донесении богатейшего культурного наследия Азербайджана до мировой общественности неопределима, особенно в контексте сохранения памяти о развитии книжного дела. Книгопечатание как процесс механического

тиражирования информации стало итогом длительных поисков человечества, начавшихся с осознания необходимости создания устойчивых форм или клише. В ретроспективе мировой истории любое развитие цивилизации рассматривается как триумф книги, фиксирующей опыт поколений. Первые шаги в этом направлении были связаны с освоением природного пространства: древние народы использовали для фиксации своих мыслей, государственных актов и научных открытий те носители, которые предлагала им география — от египетского папируса до бамбука и шелка в Китае. Если в Месопотамии символы культуры высекались на базальтовых скалах, как знаменитые законы Хаммурапи, или фиксировались на глиняных табличках, то в Азербайджане книжная культура развивалась в тесном взаимодействии с мировыми интеллектуальными центрами.

Средневековый Азербайджан выступал в роли важнейшего узла культурного обмена, что подтверждается деятельностью таких научных центров, как обсерватория Марага и медресе Рашидийя. В их фондах хранились тысячи томов, привезенных из самых разных уголков мира. К XIV–XV векам процесс переписывания редких рукописей приобрел в регионе особый масштаб, способствуя росту числа уникальных экземпляров и формированию самобытной эстетики книжного искусства. В отличие от европейской традиции, где монополия на переписывание текстов принадлежала исключительно монашеству, на Востоке отношение к письму носило более массовый характер. Здесь каждый просвещенный человек считал своим духовным долгом и благодеянием переписать священные тексты или классическую поэзию.

Эта демократизация грамотности создала уникальную ситуацию: в то время как многие европейские монархи нередко оставались неграмотными, восточные султаны и шахи с ранних лет обучались каллиграфии. Они сами были мастерами пера, переписывая известные диваны стихов своим августейшим почерком, что придавало книге статус сакрального объекта. Из-за отсутствия станковой живописи в ее западном понимании, мастера книжного дела на Востоке — каллиграфы, орнаменталисты и переплетчики — воспринимались как подлинные творцы-демиурги.

Профессия мастера книги требовала всесторонней подготовки. Высокие требования к качеству художественного оформления превращали каждую книгу в уникальный синтез литературы и изобразительного искусства. Создание восточной рукописи являлось продуктом сложной синергии большой группы мастеров (до 15–19 человек). Во главе такой группы стоял высокопоставленный мастер — идеолог проекта. Анализ сохранившихся диванов свидетельствует, что эти мастера оставались передовыми гуманистами, тесно связанными с духовными традициями народа.

Уже к XII веку функции каллиграфа и наггаша (орнаменталиста) были строго разграничены. Существовавший институт профессиональных мирз обеспечивал многократное копирование текстов. Каллиграфы занимали исключительное положение; их мастерство применялось в канцеляриях, архитектурной эпитафике и оформлении рукописей. Выдающимся примером служит Мирзали Тебризи, подготовивший в 1377 году

для Эмира Тимура список «Бустана» Саади Ширази, выполненный безупречным насталиком.

Текстовая основа служила фундаментом для работы художника-мусаввира. Его задача заключалась в глубокой визуальной интерпретации произведения. Классическим примером являются иллюстрации к поэме Низами Гянджеви «Хосров и Ширин», где композиционная точность позволяла читателю мгновенно идентифицировать сюжет и героев. С XV века ключевую роль в сборке книги стал играть навваб. Он объединял текст и изображения, золотил края страниц. Заключительный этап находился в ведении мастера-музаххиба, который наносил штрихи краской «зераб» из золотого порошка. После этого страницы попадали к саххафу для сшивания, а затем к переплетчику — муджаллиду.

Развитие библиотечного дела в Азербайджане имеет многовековую историю. Еще в V веке в Кавказской Албании функционировали библиотеки при школах и церквях. Начиная с XI века, формируются значимые частные коллекции, такие как библиотека философа Абульгасана Бахманьяра. Вершиной библиотечной культуры стали дворцовые книгохранилища Тебриза. В 1501 году Кямаледдин Бехзад заложил основу масштабной Тебризской библиотеки, которая объединяла мастерские и читальные залы.

Производство книг координировалось «китабдаром» — заведующим библиотекой. В его подчинении находились мунши (секретари), ответственные за снабжение: бумагу, краски и кожу («мешина»). Величие этой работы видно на примере библиотеки Рашидийя в Тебризе (XIII в.), где было собрано до 60 тысяч книг. Именно в этой среде возникло тесное творческое общение между автором, каллиграфом и художником.

Искусство миниатюры развилось из прикладного элемента оформления рукописи в уникальный, самостоятельный жанр живописи, ставший вершиной восточного изобразительного искусства. Азербайджанская школа, последовательно формировавшаяся в периоды правления Ильханидов, Кара-Коюнлу, Ак-Коюнлу и Сефевидов, отличалась особой самобытной цветовой гармонией, изысканной линейностью и глубокой философской связью с классической литературой. В XIV веке Тебриз окончательно утвердился как эпицентр этого искусства. Именно в этот период в миниатюре начали проявляться отчетливые элементы восточного влияния — канонические мотивы «китайских» облаков (ти), причудливые декоративные ландшафты со скалистыми горами и цветущими садами, которые мастерски синтезировались с реалистичностью местных художественных наблюдений.

Самый яркий, «золотой» этап развития школы приходится на XV–XVI века. Творчество гениального мастера Султана Мухаммеда и созданные в этот период для Шаха Тахмасиба рукописи «Хамсе» Низами Гянджеви и «Шахнаме» Фирдоуси признаны шедеврами мирового значения, хранящимися сегодня в крупнейших музеях мира. Стилистически школа этого времени характеризовалась виртуозным использованием золотого фона, создающего эффект взвешенного сияния, богатым растительным орнаментом «ислими», а также специфической условной многоплановой перспективой. Эта перспектива

не стремилась к оптической точности, а служила инструментом визуальной интерпретации глубоких поэтических образов и мистических смыслов текста. Каждая деталь — от складки одежды до лепестка цветка — прорисовывалась с ювелирной точностью. Несмотря на перенос столицы в Исфахан в XVII веке, неразрывная связь с традициями Тебризской школы сохранилась, найдя свое отражение в монументальных настенных росписях дворцов и мечетей.

В XVII веке Сефевидские шахи продолжали выступать в роли великих меценатов, рассматривая книгу как символ государственной мощи и духовного авторитета. Библиотеки того времени (китабхана) представляли собой огромные художественные мастерские — своего рода академии искусств, где бок о бок работали лучшие умы и художники эпохи. Однако, в отличие от Европы, где книгопечатание стремительно вытесняло манускрипты, в Азербайджане этот процесс развивался медленно. Традиция рукописной книги, поддерживаемая высочайшим культом каллиграфии, была слишком сильна. Исторически зафиксированы попытки Шаха Аббаса II привезти типографское оборудование из Европы для модернизации издательского дела, однако из-за сложных экономических факторов и политической нестабильности тех лет эти замыслы не увенчались полным успехом. Лишь во второй половине XIX века, в условиях нового социально-культурного подъема, в Баку и Тифлисе началось масштабное и активное азербайджанское издательское дело.

Трансформация искусства миниатюры продолжилась и в последующие столетия. В XIX веке, под усиливающимся влиянием европейского академического реализма, классическая форма миниатюры начала постепенно уступать место новым живописным течениям. Однако её фундаментальные эстетические принципы — яркость колорита, орнаментальность и плоскостность — не исчезли, а органично перешли в народное творчество, в частности, в ковровое искусство и росписи по дереву (шебеке). В XX веке великий мастер Азим Азимзаде и другие выдающиеся художники черпали вдохновение в этих вековых традициях, адаптируя их к современным графическим формам.

Сегодня азербайджанское искусство миниатюры, официально включенное в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО, остается важнейшей формой выражения национального эстетического мышления. Оно не только сохраняет статус ценнейшего исторического артефакта, но и продолжает жить как актуальное искусство, вдохновляя современные поколения творцов и являясь неоценимым вкладом Азербайджана в сокровищницу мирового культурного наследия.

Анализ многовекового пути развития книжного дела и искусства миниатюры позволяет утверждать, что книжная культура Азербайджана является не просто технологическим процессом фиксации информации, а подлинным зеркалом интеллектуальной и духовной эволюции народа. Традиции письменности, заложенные еще в эпоху Кавказской Албании, и последующий расцвет крупнейших библиотечных центров в Мараге и Тебризе превратили регион в один из главных полюсов Восточного Ренессанса. В этих центрах процесс создания книги — от виртуозного пера каллиграфа до кисти

художника-мусаввира и золотого штриха музаххиба — подчинялся единой эстетической философии, превращающей каждую рукопись в синтетический шедевр мирового значения.

Художественные принципы Тебризской школы миниатюры, достигшие своего апогея в творчестве Султана Мухаммеда и его современников, сформировали уникальный визуальный код, который со временем вышел за рамки книжного оформления. Эти принципы гармонии цвета, орнаментальности и плоскостного символизма глубоко проникли в ковроткачество, искусство шебеке и другие виды декоративно-прикладного искусства, обеспечив преемственность национального художественного мышления даже в периоды трансформации жанров под влиянием европейской живописи.

Сегодня официальное включение азербайджанского искусства миниатюры в Репрезентативный список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО служит международным признанием того колоссального вклада, который внесла азербайджанская книжная традиция в сокровищницу мировой цивилизации. Таким образом, национальное искусство книги предстает не как застывший памятник прошлого, а как живой и динамичный феномен, который продолжает питать современное эстетическое сознание и оставаться важнейшим инструментом культурной идентификации в глобальном мире.

Список источников

1. Керимов К. Азербайджанские миниатюры. – Баку: Ишыг, 1980.
2. Казиев А. Ю. Художественное оформление азербайджанской рукописной книги XIII–XVII веков. – Баку: Искусство, 1968.
3. Мамедов Х. История развития азербайджанской книги. – Баку: Азернешр, 1978.
4. Гасанзаде Д. Формирование и развитие Тебризской школы миниатюры. – Баку: Элм, 2003.
5. Халилов А. Средневековая азербайджанская рукописная книга и искусство миниатюры. – Баку: Нурлар, 2012.
6. Алиев З. Искусство каллиграфии Азербайджана: от прошлого к настоящему. – Баку: Шарг-Гарб, 2007.
7. Султанова М. Миниатюрные иллюстрации к произведениям Низами Гянджеви. – Баку: Искусство, 1991.

Тагиева Аида Рза гызы, заслуженный учитель, старший преподаватель, Азербайджанский технологический университет (г. Гянджа, Азербайджанская Республика).

Taghiyeva Aida Rza gizi, Honored Teacher, senior lecturer, Azerbaijan Technological University (Ganja, Azerbaijan).

: abbasova.salmina@mail.ru

Дата поступления: 14.03.2026

СТРАНОВЕДЕНИЕ (COUNTRY STUDY)

УДК 328.1

Научная статья

ПАРЛАМЕНТ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Байрамова У. Ю.

Гянджинский Государственный Университет

(г. Гянджа, Республика Азербайджан)

Аннотация. Статья посвящена анализу британского парламента, который представляет собой уникальный и исторически обусловленный институт, прошедший многовековой путь становления. Рассматриваются ключевые элементы политической системы Британии, детально рассматриваются законодательные и контрольные функции парламента. Особое внимание уделяется гармоничному сосуществованию его многовековых традиций и актуальных современных методов работы. Парламент Англии был законодательным органом Королевства Англии с XIII века до 1707 года, когда его сменил Парламент Великобритании. Парламент развился из великого совета епископов и пэров, которые консультировали английского монарха. Великие советы впервые стали называться парламентами во время правления Генриха III (1216–1272). К этому времени королю требовалось согласие парламента для взимания налогов.

Ключевые слова: парламент, палата лордов, палата общин, королевская власть.

Для цитирования: Байрамова У. Ю. Парламент Великобритании // Наука и реальность. 2026. № 1 (25). С. 207–211.

PARLIAMENT OF UNITED KINGDOM

Bayramova U. Y.

Ganja State University

(Ganja, Azerbaijan)

Abstract. The article focuses on the analysis of the British Parliament, which is a unique and historically conditioned institution that has evolved over centuries. It examines the key elements of the British political system and delves into the legislative and oversight functions of the Parliament. The article emphasizes the harmonious coexistence of its centuries-old traditions and modern working methods. The Parliament of England served as the legislative body of the Kingdom of England from the 13th century until 1707, when it was replaced by the Parliament of Great Britain. The Parliament evolved from the Great Council of Bishops and Peers, which advised the English monarch. The Great Councils were first called

parliaments during the reign of Henry III (1216-1272). By this time, the king required the consent of the parliament to collect taxes.

Keywords: Parliament, the House of Lords, the House of Commons, and the royal authority.

For citation: Bayramova U. Y. Parliament of United Kingdom // Science & Reality. 2026. no. 1 (25). pp. 207–211. (in English).

Parliament is contained of the House of Commons. Civil servitors control departments and ministries. The same civil servitors are hired after the change of the election of the government. Civil servitors are officials.

In the 19th century, A.V.Dicey, a highly authoritative constitutional scientists and lawyer, worked on the twin columns of the constitution of the UK in his classic work is introduced (1885). The previous follows that Parliament is the supreme law-making body: its Acts are the highest source of British law (the idea of parliamentary sovereignty is debated in Scots law. Members of the House of Lords are not elected. House of Commons is elected by vote and House of Lords is appointed by recommendation of political party. The last is the opinion that all laws and state actions submit to the doctrine. This doctrine contains reference to the law: law is equal for everybody, compising those who have influence. No one is an infringement of the law: punished if there is no, if there is not an obvious infringement of the law, people can do anything; this way, no penalty without an infringement of the law. UK courts have no power to declare Parliament not constitutional.

In accordance with the principles of parliamentary sovereignty, Parliament is able to pass any codification which it likes.

The Prime Minister rules the executive and commands the house of Commons. House of Commons has departments which form Her Majesty's Government. There are many Acts of Parliament which themselves have constitutional importance. For instance, Parliament has the authority to define the period of its time. By the Parliament Acts 1911 and 1949, the full period of a term of parliament lasts years but it can be expanded with the agreement of both Houses. This authority was most lately used during World War II to expand the existence of the 1935 parliament in yearly extensions up to 1945. Parliament also has the authority to alter the make-up of its constituent houses and the relationship among them. Reform Act 1832 which made alterations to the system used to appoint members.

The Queen gives royal assent to new laws. The house of Lords is still unelected but is able to be overruled.

The authority expanded to Parliament contains the authority to define the way of succession to the British throne. This authority was used to pass His ceremonial Majesty's Abdication Act 1936, which gave constitutional influence to the abandonment of Edward VIII and dismissed any of his offered offspring's from the succession, and most lately to pass the Crown Act 2013, which altered to complete primogeniture (independent of gender) and also deprive of the disqualification

of marrying a Catholic. Parliament also has the authority to dismiss or regulate the authority of the Monarch.

The principle of the parliament is to rule the law, democracy, to advance the social economic development of its citizens.

The House of Commons includes of more than 600 people chosen by the individuals from single-member. According to the passage of the House of Lords Act 1999, the House of Lords has 26 priests of the Church of GB (Lords Spiritual), 92 people of the hereditary peers and some hundred life peers. The authority is to appoint priests and to shape hereditary. Though all codification must get the agreement of the Monarch (Royal Acknowledgement), no Monarch has withheld such agreement since 1708.

Both Houses must read, change, or approve juridical proposals three times.

Due to the assent of the United Kingdom to European Economic Community (now the European Union) in 1972, the United Kingdom was obligated by European law and more significantly, the doctrine of the supremacy of European Union law. The judiciary is ruled by a twelve representatives British Supreme Court.

Act of parliament is thought to be unconstitutional. But UK courts have power to think so.

In accordance with the doctrine, which was beelined by the European Court of Justice in 1964 in the affair of *Costa v. ENEL*, laws of member states that dispute with EU laws must not be applied by member states' courts. The dispute between the doctrine of the primacy of EU law and of parliamentary supremacy was declared in the judgment in *Thoburn v Sunderland City Council*, which took place that the European Communities Act 1972, the Act that began including in the EU, could not be completely cancelled just by the passing of subsequent codification changeable with European law. The courts have influence on judicial report, to guarantee that each institution must act according to law. The court went further and offered that the 1972 Act shaped part of a category of special "constitutional statutes" that were not subject to meant cancel. This exclusion to the principle of meant cancel was something of a novelty, although the court stated that it was open for Parliament to exactly cancel the Act. It is politically incredible at present that Parliament should do like this and constitutional lawyers have also asked a question whether such approach would be as straightforward in its legal influence as it might seem. The *Thoburn* judgment was handed down only by the Divisional Court (part of the High Court), which includes a related low level in the legal system.

Courts are demanded to review Whether legislation compatible international rights of people. The protection of everybody`s right.

The House of Commons alone has the influence to pass a motion of no trust in the Government, which demand the Government either to resign or search fresh elections (this doctrine was codified in the Fixed-term Parliaments Act 2011 -see below for more details). Such an approach does not demand passage by the Lords or Royal Assent.

Parliament historically also has the authority to dismiss individual members of the state by accusation (with the Commons beginning the accusation and the Lords trying the affair), though

this authority has not been used since 1806. By the Constitutional Reform Act 2005 it has the authority to dismiss personal judges from office for misbehavior. Courts explain statutes; progress the general law a doctrine of equity.

In addition, Dicey has reviewed that the constitution of Belgium (as it was at the time) "approach to a written reproduction of the British constitution."

Modern constitutional government includes Parliament, the civil service, public bodies, the judiciary and the executive. The advice of cross-political party groups nominate the House of Lords. The parliament is bicameral, containing of an upper house. The Sovereign shape the third part of the governing body.

House of Commons is elected by a democratic vote. The house of commons is a democratically chosen chamber. In reality, the Parliament was the former English parliament increased by Scottish MPs and compeers. Majority of cabinet congressmen are from the Commons. It became the present Parliament in 1927, several years later the Irish Free State had become independent in 1922. P arties, compete for one place. The representative who receive the majority of votes – can win.

The Parliament of GB was established in 1707 due to the treaty of Union passed by the parliament of England.

In theory, the United Kingdom's supreme law-making power is endowed in the Parliament. As, the crown acts on the suggestion of the Prime Minister and the influence of the House of Lords have been reduced, de facto influence is endowed in the House of Commons. All new laws are discussed by MPs in the Commons, then discussed in the Lords, and eventually signed by the Queen. All are part of Parliament in Britain.

With global development of British Empire the UK parliament was formed the political system of many countries as ex-colonies.

The crown usually acts on the recommendation at the Prime Minister. Taxation of UK may include payments to two level of government. 1.General government 2.Local government.

The House of Lords consists of 1.200 peers. The United Kingdom has a competitive tax system.

The house is controlled over by the Lord Chancellor. Government the Parliaments cut down the presentation. The Commons has 650 Member of Parliament. The changes have been made in 1958. In 1958 the systematic establishment had stopped. Reform of constitution led to cancel the judicial work.

British state system. Explanations: 1.Political system is not clean or logical or always completely democratic. 2.Reform has been very slow and pragmatic and formed on consensus.

In theory, the UK`s supreme legislative authority is vested in the Grown-in-Parliament. The PM, elects an organization of ministers named the Cabinet.

BRITISH GOVERNMENT

The prime minister is responsible for all policy and decisions. Parliament implies that in practice a government must search re-election at a minimum every five years. The civil service is

co-ordinated by Prime Minister. The monarch elects as Prime Minister the chairman of the party to order in Parliament.

Under the unchanged constitution, administrative power is monarchical, this power is implemented on the recommendation of the Cabinet. The monarch as members of the Privy Council is recommended by the Cabinet members and also implement authority straightforward.

At the present time Prime Minister is David Cameron, commander of the Conservative Party, who was assigned by Queen Elizabeth II on 11 May 2010 further the General Election on 6 May 2010. The election ruined to give a conclusive outcome, with the Conservatives as the huge party within a suspended parliament. Ministers are chosen by Prime Minister. A government was established on 12 May among the Conservatives and the Liberal Democrats. Departments are in charge of putting government into practice.

Ministers of the Kingdom are in charge of the House in which they take seats. Some aspects of government are devolved to Wales, Northern Ireland and Scotland. There have been recent exclusions to that, for instance cabinet ministers Lord Mandelson and Lord Adonis took seat in the Lords and were in charge of that House during the rule of Gordon Brown.

Since the speech-day of Edward VII as a selected member of Parliament was elected the Prime Minister. The Lords have restricted authority with reference to request for payment. Britain has very old government. The last Chancellor from the House of Lords was Lord Thomas Denman.

The Government demands the maintenance the House of Commons and in order to pass primary law. In some countries there is just one tier of local government for all functions. By conference that should either retire or a General Election takes place.

The Prime Minister takes place to account throughout Prime Minister's Question Time gives a chance inquire the Prime Minister. Prime Minister appoints members of the government. There are divided questions where Ministers reply questions according to their divided summary in the name of the government according to the subject of the question.

Each week members of the cabinet meet to discuss the most significant topics for government. Some departments cover the UK.

Bibliography

1. Philippa Gregory, The Boleyn inheritance. 2006.
2. Kate Fox, Watching the English. 2004.
3. Овчинников В. Сакура и дуб. 2014. 567 с.

Байрамова Ульвия Юсифовна, доцент кафедры страноведения, Гянджинский Государственный Университет (г. Гянджа, Азербайджанская Республика)

Bayramova Ulvia Yusifovna, Associate Professor of the Department of Regional Studies, Ganja State University (Ganja, Azerbaijan).

Дата поступления: 15.02.2026

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ И РЕСПУБЛИКОЙ УЗБЕКИСТАН

Тагиева М. И.

Азербайджанский Технологический Университет
(г. Гянджа, Азербайджанская Республика)

Аннотация. Взаимоотношения между Узбекистаном и Республикой Азербайджан после обретения независимости развиваются ускоренными темпами и на сегодняшний день поднялись на уровень стратегического партнерства. Оба государства помимо того, что опираются на исторические корни, религиозные и культурные сближения, превратились в надежное партнерство на международной и региональной платформе. Взаимоотношения между Азербайджаном и Узбекистаном охватывают различные сферы: политические, экономические, культурные и транспортно-коммуникационные. Взаимные визиты на уровне президентов двух государств и подписанные договоры стали причиной формирования высокого доверия между двумя государствами. Поддержка Узбекистаном территориальной целостности Азербайджана показывает глубину этих взаимоотношений. Одновременно оба государства тесно сотрудничают в таких международных структурах как ООН, Организация тюркских государств и Организация исламского сотрудничества. В области экономики товарооборот продолжает расти. Претворяются в жизнь совместные проекты в области энергетики, транспорта и сельского хозяйства. В рамках инициативы «Средний коридор» оба государства усиливают роль стратегического транзита между Европой и Азией. Особую значимость с точки зрения региональной интеграции приобретают взаимоотношения в области транспорта и логистики. В области культуры на основе совместного тюркско-мусульманского наследия взаимоотношения динамично развиваются. Проведенные совместные дни искусства, литературы и культуры усиливают взаимопонимание между народами. В результате взаимоотношения между Азербайджаном и Узбекистаном с точки зрения интеграции в области регионального, экономического и культурного развития приобретают примерный характер и в будущем будут углубляться.

Ключевые слова: Азербайджан, Узбекистан, двусторонние отношения, экономическое сотрудничество, культурные связи, Тюркский мир.

Для цитирования: Тагиева М. И. Взаимоотношения между Азербайджанской Республикой и Республикой Узбекистан // Наука и реальность. 2026. № 1 (25). С. 212–219.

RELATIONS BETWEEN THE REPUBLIC OF AZERBAIJAN AND THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

Tagieva M. I.

Azerbaijan Technological University

(Ganja, Azerbaijan)

Abstract. Since gaining independence, relations between Uzbekistan and the Republic of Azerbaijan have developed rapidly and have now reached the level of strategic partnership. Both countries, which share common historical roots as well as religious and cultural affinity, have become important partners supporting each other on regional and international platforms. Cooperation between Azerbaijan and Uzbekistan encompasses a wide range of areas, including political, economic, cultural, and transport-communication sectors. In the political sphere, reciprocal visits at the presidential level and the signing of various agreements have contributed to the establishment of a high level of mutual trust between the two countries. Uzbekistan's consistent support for the territorial integrity of the Republic of Azerbaijan and their shared position on regional issues demonstrate the depth of their relationship. Furthermore, both countries actively cooperate within international organizations such as the United Nations, the Organization of Turkic States, the Organization of Islamic Cooperation, and others. In terms of economic relations, bilateral trade turnover is steadily increasing. Joint projects are being implemented in the fields of energy, transport, and agriculture. Within the framework of the "Middle Corridor" initiative, both countries are strengthening their strategic role as transit hubs between Europe and Asia. Cooperation in transport and logistics plays a vital role in the regional integration process. In the cultural domain, collaboration based on a shared Turkic-Islamic heritage is dynamically developing. Cultural days, literary and artistic events, and the activities of cultural centers enhance mutual understanding between the two nations. In conclusion, relations between Azerbaijan and Uzbekistan serve as a model in terms of regional stability, economic development, and cultural integration, and are expected to deepen further in the future.

Keywords: Azerbaijan, Uzbekistan, bilateral relations, economic cooperation, cultural ties, Turkic world.

For citation: Tagieva M. I. Relations between the Republic of Azerbaijan and the Republic of Uzbekistan // Science & Reality. 2026. no. 1 (25). pp. 212–219. (in Russian).

Введение.

Взаимоотношения между Азербайджанской Республикой и Республикой Узбекистан, опирающиеся на исторические корни и религиозно-культурное наследие, поднялись на уровень стратегического партнерства. Каждое из двух государств является носителем древней тюркской культуры и на протяжении веков эти взаимоотношения обогащались на

основе похожей географической, политической и социальной среды. Это совместное культурное наследие является одним из важных приоритетов в развитии взаимоотношений между Азербайджаном и Узбекистаном. После падения Советского Союза в 1991 году Азербайджан и Узбекистан обретают независимость и начинают строить свою суверенную политику. Взаимоотношения между Азербайджаном и Узбекистаном развиваются не только в политической области, но также в экономической, культурной, гуманитарной сферах. В последние годы товарооборот между двумя государствами динамично повышается, расширяется сотрудничество на основе совместно проведенных бизнес – форумов, выставок и инвестиционных инициатив. Особенно важную значимость приобретает сотрудничество в области транспорта, логистики и энергетики. Реализуемый по инициативе Азербайджана проект Зангезурского коридора дает новый импульс взаимоотношениям с Узбекистаном, а также со странами Центральной Азии и Европы. В области культуры между двумя государствами наблюдается полезное сотрудничество. Взаимное ознакомление с историческими личностями и классическо-литературным наследием, проведение культурных дней и фестивалей еще более углубляет эти взаимоотношения.

Кроме этого сотрудничество в области образования и науки дает возможность сближения молодого поколения двух государств. Взаимоотношения между Азербайджаном и Узбекистаном – это не только отношения между двумя государствами, но и одновременно воспринимается как символ единства тюркского мира. В будущем для дальнейшего углубления этих взаимоотношений, необходимо ценить роль регионального развития.

Формирование исторических отношений.

Народы Азербайджана и Узбекистана являются наследниками древних тюрков и имеют похожую этнонимистику. В результате расселения тюркских племен на территории Средней Азии и Кавказа, начинают формироваться тесные связи в этом регионе. Такие государства, как Гунны, Гейтюрки, Хазары, Караханиды, Сельджуки и Тимуриды оставили неизгладимый след на территории Азербайджана и Узбекистана. В особенности в эпоху Сельджуков (1038-1137) на территории Южного Кавказа и Средней Азии усиливается культурная и административная интеграция.

В XII-XV веках под влиянием государства Тимуридов (1386-1408) эти связи еще более усиливаются. Во времена Тимуридов азербайджанские ученые и мастера продолжали свою деятельность в Самарканде и Бухаре, напротив ученые и поэты из Средней Азии продолжали деятельность во дворцах Тебриза и Ширвана.

Помимо того, что эти два государства являются основными маршрутами Великого Шелкового пути, одновременно они имеют стратегическую значимость в развитии межкультурных связей и научных знаний. С этой точки зрения исторически сформированные отношения между Азербайджаном и Узбекистаном могут оцениваться как составная часть тюрко-исламской культурной географии. В XX веке Азербайджан и Узбекистан жили в рамках единой идеологии Советского Союза. Одновременно в эту эпоху

национальная идентичность двух народов находилось под строгим контролем, и это ограничивало развитие национальное развитие.

Несмотря на это с помощью Союза писателей и Академии наук между учеными, писателями и деятелями искусств Азербайджана и Узбекистана строились взаимоотношения.

Проведенные в Москве и других центрах съезды, симпозиумы и фестивали способствовали укреплению этих связей. В конце XX века после обретения независимости Азербайджаном и Узбекистаном, историческая дружба и братство еще более усилились и укрепились.

Политические и экономические взаимоотношения. В годы независимости в укреплении и развитии межгосударственных отношений между двумя странами особая роль принадлежит общенациональному лидеру Гейдару Алиеву и бывшему президенту Узбекистана Исламу Каримову. Во время визитов в 1996 году президента Ислама Каримова в Азербайджан, в 1997 году общенационального лидера Гейдара Алиева в Узбекистан были определены стратегические направления в межгосударственных отношениях. 13 мая 1996 года Гейдар Алиев и Ислам Каримов во время проведения мероприятий по объединению железнодорожных путей между Азербайджаном, Грузией, Туркменистаном и Узбекистаном были определены согласованные действия. 26-27 мая 1996 года Президент Узбекистана с официальным визитом посетил Азербайджан.

27 мая 1996 года между Азербайджаном и Узбекистаном были подписаны договор о дружбе и сотрудничестве, а также 19 документов. Эти подписанные документы определили нормативно-юридические основы сотрудничества между двумя государствами. Договор о дружбе и сотрудничестве состоит из 22 статей.

21-22 октября 1996 года Президент Азербайджана Гейдар Алиев посетил Ташкент с целью участия в работе IV Форума глав Тюркоязычных государств и 660-летнем юбилее государственного деятеля Эмира Тимура.

18-19 июня 1997 года во время официального визита Президента Гейдара Алиева в Узбекистан была принята декларация по 17 пунктам, определяющая двусторонние отношения сотрудничества, а также были подписаны протоколы о формировании межгосударственных комиссий. Президент Азербайджана Ильхам Алиев в своем выступлении о заслугах двух президентов сказал: «Во времена Советского Союза взаимоотношения между нашими народами были очень тесными и братскими. В особенности во время независимости эти отношения были подняты на более высокий уровень. Эта заслуга двух лидеров: Гейдара Алиева и Ислама Каримова. Наша дружба опирается на большие исторические корни».

В 1996 году в странах Средней Азии, в частности в Узбекистане было открыто посольство Азербайджана. В Нагорном -Карабахском конфликте Узбекистан всегда защищал позицию Азербайджана и занимал справедливую и объективную позицию. Это влияет на развитие двусторонних отношений.

Президент Ильхам Алиев уделяет особое внимание этим братским отношениям. 23-24 марта 2004 года во время визита Ильхама Алиева в Узбекистан была подписана Декларация по дальнейшему укреплению стратегического партнерства. 2022 год является самым плодотворным в развитии двусторонних отношений между Азербайджаном и Узбекистаном. Именно в этом году визиты в Узбекистан Президента Ильхама Адиева стали показателем развития этих отношений. 15-16 сентября 2022 года Президент Ильхам Алиев во время визита в Узбекистан в качестве почетного гостя принял участие в саммите государств-членов Организации Шанхайского сотрудничества, а также Президент Ильхам Алиев во время очередного визита в Узбекистан принял участие в работе саммита IX встречи Организации тюркских государств. Все эти встречи и визиты определили основные контуры сотрудничества с Узбекистаном, который является ведущим государством Центральной Азии.

В феврале 2019 года азербайджанская делегация посетила Узбекистан. В рамках визита в Узбекистан азербайджанская делегация ознакомилась с работой текстильной фабрики «Бакан Тех», производством электронной техники «Артель», шелководческим объединением «Узбекипаксанат», производителем сельхозтехники «Узагротехсаноатхолдинг».

Кроме этого был проведен диалог в области торгово-экономического сотрудничества на уровне министров. Достигнуты определенные успехи в области инвестиционного сотрудничества. В настоящее время в Узбекистане с участием азербайджанских инвесторов продолжают работу свыше 70 совместных предприятий. Они свою деятельность специализируют в таких областях, как энергетика, пищевая и легкая промышленность, машиностроение, металлопроизводство, финансы, наука и образование, строительство и торговля. На основе большого транспортного потенциала сформирована выгодная инфраструктура.

В этом отношении особую актуальность имеют транспортно-портовые маршруты Центральная Азия – Каспийское море, далее Кавказ – Черное море – Средиземное море. Узбекистан заинтересован в том, чтобы на Каспийском море было наличие кораблей. Директор центра по изучению развития транспорта и логистики при Министерстве транспорта Узбекистана Бекзад Холматов утверждает, что Узбекистан, как страна, не имеющая прямого выхода к морю, заинтересована в формировании флотилии Узбекистана. Неимение выхода к морю, означает, что Узбекистан для выхода к океану, должен как минимум пройти через границы двух государств.

В 2022 году импорт из Узбекистана в Азербайджан составил 74,5 %, экспорт из Азербайджана в Узбекистан составил 38,7%. В 2023 году взаимный товарооборот составил 178 миллионов долларов США, а в 2024 году этот показатель составил 252 миллиона долларов США. Азербайджан в Узбекистан в основном экспортирует механическое оборудование, лекарства, пластиковые изделия, сахарные изделия и различные химические соединения. Активное участие Южного Кавказа и Центральной Азии в евразийском

пространстве способствует формированию новых экономических трендов в области мощных транспортно-логистических проектов между Китаем и Европой. Это в свою очередь дает стимул к формированию стратегического партнерства между Азербайджаном, Узбекистаном и Турцией, показывает динамику стратегического партнерства и экономической интеграции между этими государствами.

Алятская свободная экономическая зона является центром внимания для бизнес-субъектов Узбекистана. В свою очередь в Узбекистане созданы выгодные условия для иностранных инвесторов. Узбекистан со своим географическим положением и природными ресурсами является важным торговым партнером для Азербайджана. Узбекистан не скрывает свое первенство в будущей роли в Центральной Азии. Этому способствует ряд причин. Основной из них является большой экономический потенциал страны. На сегодняшний день Узбекистан сотрудничает с такими международными финансовыми организациями, как Международный Валютный Фонд, Всемирный Банк и другими международными финансовыми учреждениями. Узбекистан является ведущим транспортным коридором региона.

На сегодняшний день в стране функционирует 10 транспортных коридоров. Одной из перспективных областей двустороннего сотрудничества является сектор энергетики. Компании двух государств – «SOCAR» и «Узбекнефтегаз» успешно сотрудничают в реализации проектов по нефтегазовому сектору. В настоящее время анализируются возможности экспорта электрической энергии из стран Центральной Азии с помощью Азербайджана в Европу. Азербайджан как крупный производитель электроэнергии открывает возможности транзита электроэнергии.

Подписанный в мае 2024 года Меморандум о сотрудничестве в области объединения энергетических систем между Азербайджаном, Узбекистаном и Казахстаном является ярким примером плодотворного и взаимовыгодного сотрудничества.

Культурные и гуманитарные связи. Культурные связи между Азербайджаном и Узбекистаном восходят к древним временам. Тюркские корни, языковые и религиозное единство играют важную роль в углублении связей между двумя народами. Успешное сотрудничество продолжается в таких областях, как медицина, туризм, культура, образование. Показателем дружбы и братства между народами является деятельность азербайджанской диаспоры в Узбекистане. Это способствует экономическому подъему, повышению социального положения, сохранению традиций и обычаев, проживающей в Узбекистане азербайджанской диаспоры.

В мае 2003 года в Узбекистане была учреждена «Ассоциация культурных центров Азербайджана». В Ташкенте действует Центр азербайджанской культуры «Братство», а также «Азербайджанский дом». Представители азербайджанского искусства принимают активное участие в проводимом в Самарканде (28 августа 2003 года) международном музыкальном фестивале «Мелодии Востока». В свою очередь представители Узбекистана

принимают участие в проводимом каждый год в Баку Международном Фестивале Мугама и получают награды. Расширяются связи между Академиями наук и высших учебных заведений двух государств. Это сотрудничество опирается на подписанное межгосударственное соглашение в области образования между двумя государствами проводится консультации в религиозных и военных областях, подписано соглашение о военном сотрудничестве.

Во время 44-дневной Отечественной войны Узбекистан, несмотря на то, что не является членом Организации Договора о коллективной безопасности, проявил активную поддержку Азербайджану. Кроме этого Узбекистан протянул руку помощи в восстановлении освобожденных территорий. Со стороны Президента Узбекистана Шавката Мирзиёева от имени Узбекского народа в освобожденном от оккупации в городе Физули была передана в дар построенная средняя школа № 1 имени Мирзы Улугбека (23 августа 2023 года).

В результате взаимоотношения между Азербайджаном и Узбекистаном, построенные на принципах братства, дружбы, доверия и равенства, постепенно превращаются в модель стратегического партнерства. В будущем эти взаимоотношения должны непременно и целенаправленно расширяться. Развитие этих взаимоотношений способствует стабильности, благополучию и укреплению мира в данном регионе.

Список источников

1. Азербайджано-узбекские отношения. – Гейдар Алиев и Восток. Тюркский мир. VI книга. Баку, 1998. 511с.
2. Договор о братстве и сотрудничестве между Азербайджанской Республикой и Республикой Узбекистан. 27 мая 1996 года. Сборник договоров. I том.
3. Декларация о сотрудничестве между Азербайджанской Республикой и Республикой Узбекистан. Сборник договоров. I том.
4. Гейдар Алиев. Заявление на пресс-конференции. 18 июня 1997 года. X книга. Баку, 2002, 472с.
5. А.Гасанов. Геополитика Азербайджана. Баку, 2015, 1056 с.
6. М.Касумлу. Внешняя политика Азербайджана (1991 года). II часть. Баку, 2015, 664с.
7. Государственный Статистический Комитет Азербайджана (2023). Внешнеторговые связи между государствами. [https:// stat.gov.az/ trade/#](https://stat.gov.az/trade/#)
8. Ф.А.Адилов. (2019) Перспективы развития экономических отношений Республики Узбекистан и Азербайджана. Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире № 26-2, С. 108-112.
9. Köstem S (2019), Turkey's renewed interest in the Caucasus and Central Asia., Turkey's Pivot to Eurasia. Routledge. Geopolitics, identity and beyond: 111-128.

10. Ю.Бабанлы. Внешняя политика Азербайджана и деятельность диаспоры (1991-2011). Баку, 2016, 344 с.

11. М.Тагиева. Р.Гусейнов. Сотрудничество тюркских государств. АТУ. Материалы Международной научно-практической конференции. IV часть, Гянджа, 6-7 мая 2025.

Тагиева Мехрибан Имран кызы, Азербайджанский технологический университет (г. Гянджа, Азербайджанская Республика).

Tagiyeva Mehriban Imran kyzy, Azerbaijan Technological University (Ganja, Azerbaijan).

ORCID: 0009-0006-8328-2446

: tagiyevamehriban@mail.ru

Дата поступления: 15.03.2026

© Тагиева М.И., 2026

ТУРИЗМ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Байрамова Л.И.

Азербайджанский Технологический Университет
(г. Гянджа, Азербайджанская Республика)

Аннотация. Туризм в Азербайджане представлен туристическими базами, базами отдыха и путешествиями по территории Азербайджанской Республики. В списке конкурентоспособности в сфере туризма Азербайджан занимает 39-е место среди 148 стран. Туризм существует в Азербайджане как отдельный сектор экономики. Согласно отчету Всемирного совета по путешествиям и туризму, Азербайджан вошел в число 10 стран с самым быстрым развитием туризма в 2010-2016 годах.

Ключевые слова: Азербайджан, туризм, Карабах, Шуша, Кавказ, горный туризм.

Для цитирования: Байрамова Л.И. Туризм в Азербайджане // Наука и реальность. 2026. № 1 (25). С. 220–225.

TOURISM IN AZERBAIJAN

Bayramova L.I.

Azerbaijan Technological University
(Ganja, Azerbaijan)

Abstract. Tourism in Azerbaijan — tourism bases, recreation centers and travel in the territory of the Republic of Azerbaijan. In the list of competitiveness in tourism, Azerbaijan is ranked 39th among 148 countries. Tourism exists in Azerbaijan as a separate sector of the economy. According to the report of the World Travel and Tourism Council, Azerbaijan was among the 10 countries with the fastest development of tourism in 2010–2016.

Keywords: Azerbaijan, tourism, Karabakh, Shusha, Caucasus, mountain tourism.

For citation: Bayramova L.I. Tourism in Azerbaijan // Science & Reality. 2026. no. 1 (25). pp. 220–225. (in Russian).

Туризм—наиболее распространенный массовый вид активного отдыха.

Значение слова «туризм», происходящего от французского слова «tour», означает «поездка», «путешествие». Туризм отражает социальные, культурные и экономические явления, связанные с перемещением людей из мест их постоянного проживания в другие места, и оказывает значительное влияние на экономику, природу и антропогенную среду.

Временный отъезд граждан, иностранцев и лиц без гражданства из мест их постоянного проживания с различными целями называется «туризмом».

Первобытные путешествия, начинавшиеся вокруг поселений собственного племени, позже сменились длительными морскими и речными путешествиями. Со временем люди стали путешествовать, стремясь узнать о культуре и природе многих стран. Исторически путешественники (Христофор Колумб (1451-1506), Вас-ко да Гама (1469-1524), Фердинанд Магеллан (1480-1524), Джеймс Кук (1728-1779) Жан-Франсуа Лаперуз (1741-1788) и другие) открывали большие континенты и новые земли благодаря путешествиям. Первые путешествия в Азербайджан были связаны с торговлей, религиозными, политическими и познавательными целями. Первыми путешествиями можно считать движение торговых караванов, проходивших через территорию древнего Азербайджана. В древности Азербайджан был известен как важная остановка на Великом Шелковом пути. Многолетние археологические исследования показывают, что античные товары, привезенные по Великому İrək yolu, отправлялись в главные города Кавказской Албании — Габалу, Шамахи и Барду. Часть товаров, доставленных в Азербайджан из Центральной Азии, Индии и Китая, направлялась в Грузию, на побережье Черного моря, вдоль Каспийского побережья в направлении Шамахи-Дербента на Северном Кавказе. Тебриз, Марага, Ардабил, Гянджа, Нахчыван, Ордубад, Нуха (Шеки), расположенные на маршруте İrək yolu, стали важными международными торговыми центрами Азербайджана. Расположенный на пересечении морских и сухопутных путей из России в Иран и Индию, Азербайджан играл важную роль в торговых отношениях между Западом и Востоком в середине XIV века. Историки, путешественники, купцы и дипломаты, посещавшие Азербайджан в разное время (Марко Поло, Руи Гонсалес Кларксвио, Афанасий Никитин, Иосафат Барбаро, Амброзио Контарини, Энтони Дженкинсон, Винченци Алессандре, Садко, Евлия Челеби, Федор Котов), отмечали в своих путевых заметках, что Азербайджан находился в выгодном положении между Европой и Азией.

После того как Азербайджан вошел в состав Российской империи в конце XIX и начале XX веков, развитие туризма и экскурсионного бизнеса в Азербайджане стало ассоциироваться с Россией. В этот период научные и любительские общества (географическое общество, общество любителей природы, общество народных университетов и др.) стали уделять внимание развитию туризма. Во время Второй мировой войны (1939-1945) туристическая экскурсионная деятельность в Азербайджане, как и во всем СССР, была приостановлена. В послевоенные годы широкую популярность приобрели спортивный, любительский, семейный и детский туризм. В сентябре 1950 года была создана Бакинская туристическая база. Под её эгидой во многих регионах страны – Мингечевире, Нафталане, Хаджикенде, Загатале, Шуше, Хачмазе, Сумгаите, Нахчыване и др. – начали функционировать туристические базы и экскурсионные бюро. Создание туристической базы и экскурсионных бюро дало толчок развитию социального туризма в стране в 1970-1987 годах. Для расширения материально-технической базы зарубежного туризма в 1973

году в Баку был создан крупнейший в Азербайджанской Республике гостиничный комплекс – гостиница «Азербайджан», а в 1978 году – комфортабельная гостиница «Москва» под управлением акционерного общества «Интурист».

В результате событий 1988 года между Нагорным Карабахом и Арменией поток внутренних и иностранных туристов в Азербайджан значительно сократился. Введение чрезвычайного положения в Ханкенди, Шуше, Сумгаите, а затем и в Баку привело к приостановке деятельности ряда туристических организаций. С начала 1990-х годов всесоюзные и международные туристические маршруты, действовавшие в Азербайджане, были отменены. Война и нестабильная ситуация на границах также создали другие проблемы в туристической системе. Однако в октябре 1991 года Азербайджанская Республика получила независимость. После 1991 года вступление Азербайджана на новый путь социально-экономического развития и его присоединение к системе открытой рыночной экономики выдвинули на первый план вопрос его участия в международном туризме. В 1999 году по указу Президента Азербайджанской Республики Гейдара Алиева был принят «Закон о туризме». В соответствии с указом Президента в 2002 году была принята «Программа развития туризма в Азербайджане на 2002-2005 годы». Для создания переломного момента в развитии туризма в 2005 году на базе «Министерства молодежи, спорта и туризма» было создано «Министерство культуры и туризма». Объявление 2011 года «Годом туризма» в нашей республике ознаменовало собой коренный поворот в развитии азербайджанского туризма. «Государственная программа развития курортов Азербайджанской Республики на 2009–2018 годы» закладывает основу для планомерного развития и эффективного использования туристических и курортных зон Азербайджана в ближайшем будущем. Государственного туристического агентства за 2022 год, в зимний сезон большинство посетителей Азербайджана приезжают из России, Турции, Ирана и арабских стран, а 40% отдыхающих в отелях зимних туристических регионов — иностранцы [2]. В январе 2023 года Министерство иностранных дел Азербайджана запустило «Портал подачи визовых заявок», который позволяет иностранцам или лицам без гражданства, желающим посетить страну, заполнить электронную анкету для получения визы. Затем они могут утвердить эту анкету и отправить ее в дипломатические представительства и консульства республики для рассмотрения [3].

Карабах расположен в восточной части Малого Кавказа и Обладает значительным туристско-рекреационным потенциалом. Средняя высота территории составляет около 2000 метров над уровнем моря. Регион характеризуется горным рельефом, включающим Карабахский и Муровдагский хребты, где находится одна из высочайших вершин Азербайджана — Гямышдаг (3724 м). Мягкий умеренный климат со среднегодовой температурой около +10,5°C создаёт благоприятные условия для круглогодичного туризма. Наличие рек, ущелий, водопадов и минеральных источников усиливает природную привлекательность региона и расширяет спектр туристических услуг.

Биоразнообразие Карабаха формирует устойчивую основу для развития экологического туризма. В регионе насчитывается около 2000 видов растений, включая лесные массивы, субальпийские и альпийские луга. Фауна представлена бурым медведем, рысью, волком, кабаном, а также редкими видами животных. Символом региона является карабахская лошадь — уникальная аборигенная порода, имеющая многовековую историю. Сохранение природных экосистем и рациональное использование ресурсов создают предпосылки для формирования устойчивых туристических маршрутов. Современное развитие региона позволяет выделить несколько ключевых видов туризма, которые уже функционируют либо обладают высоким потенциалом роста.

Культурно-познавательный туризм занимает ведущую позицию. Восстановление города Шуша, реставрация Шушинской крепости XVIII века, мечети Юхары Говхар Ага, мавзолея Молла Панах Вагифа, дворца Карабахских ханов и других памятников формируют устойчивый интерес со стороны внутренних и зарубежных туристов. Провозглашение Шуши культурной столицей тюркского мира усилило её международное значение.

Освобожденные от оккупации районы богаты природными ресурсами: Эти районы имеют достаточно богатые водные ресурсы. Эти районы также имеют благодатные условия для развития термального туризма. Наличие целебных вод на освобожденных от оккупации территориях свидетельствует о том, что это место имеет большой потенциал в плане лечебно-оздоровительного туризма. Неслучайно санатории в тех краях когда то были целебными местами, куда приезжали люди, страдающие различными заболеваниями. С другой стороны, одно из древнейших в мире поселений человека - Азыхская пещера и другие исторические памятники повышают туристическую привлекательность освобожденных территорий. В этом смысле есть специалисты, утверждающие, что туризм в Освобожденных районах имеет большие возможности по сравнению с другими районами. Территория этого региона расположена на высоте 2000 метров над уровнем моря, в долине реки Тартар, в горах Малого Кавказа, имеет богатую флору и фауну, лечебно важные термальные воды (Горячие воды), исторические памятники. «Например, в Кельбаджаре находится монастырский комплекс под названием «Хотавенг» или «Худавенг», т.е. «Храм Бога». Этот объект был религиозным центром албанского княжества Хачин, которое образовалось в горной части Карабаха после распада Кавказской Албании (в IX в.). Другими словами, регион всегда вызывал интерес у туристов благодаря своим природным ресурсам и истории, и так будет и в будущем. Также Лачинский район обладает большим туристическим потенциалом. Он богат курганами, относящимися к древнему бронзовому веку, и привлекателен для туристов.

Горный и активный туризм развивается благодаря природному рельефу. Возможности треккинга, альпинизма, конных походов, пеших маршрутов и приключенческих туров создают основу для формирования специализированных туристических программ. Улучшение транспортной доступности — открытие аэропортов в

Физули и Зангилане, строительство автомагистралей — значительно расширило возможности посещения высокогорных зон. Кроме того, проектирование и строительство автомобильной дороги Ахмедбейли-Физули-Шуша на основании указа президента сделает Физули, Ходжавенд и Шушу доступными для туристов.

Учитывая широкий туристический потенциал освобожденных от оккупации территорий, Государственным агентством по туризму были представлены проекты однодневных туристических маршрутов «Йолумуз Агдама» и «Физули-Ходжавенд». На основании проектного документа в освобожденной части Агдамского района на основе сотрудничества со Специальной делегацией Президента проведены необходимые инфраструктурные работы, связанные с организацией туристического маршрута «Йолумуз Агдам». Предварительную концепцию развития архитектуры и туризма замка Шахбулаг подготовило Государственное агентство по туризму.

Экологический туризм базируется на сохранении природных экосистем и рациональном использовании природных ресурсов. Организация природных маршрутов, наблюдение за флорой и фауной, экологические экскурсии и образовательные программы способствуют формированию устойчивой модели туризма.

Конный туризм представляет особое направление, связанное с исторической ролью карабахской лошади. Формирование тематических маршрутов и этнокультурных программ может стать уникальным туристическим брендом региона.

Агро и сельский туризм обладает перспективами развития в сельских населённых пунктах, где возможно знакомство туристов с традиционным укладом жизни, национальной кухней, ремёслами и сельскохозяйственным производством.

Религиозный туризм формируется вокруг восстановленных мечетей, мавзолеев и других объектов духовного значения, что расширяет спектр туристических мотивов посещения региона. Масштабные государственные инвестиции в рамках программы восстановления способствуют формированию устойчивой экономической модели региона. Создание специального инвестиционного режима, деятельность Агентства по развитию Карабаха и реализация концепции «зелёной экономики» повышают инвестиционную привлекательность территории.

Статистические данные свидетельствуют о положительной динамике: в 2024 году Азербайджан посетили 2,627 млн иностранных туристов, что на 25,9% превышает показатели 2023 года. В первой половине 2024 года туристический поток непосредственно в Карабах увеличился на 30% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. Открытие региона для иностранных граждан в 2025 году стало качественно новым этапом интеграции Карабаха в международный туристический рынок.

В Карабахе имеются широкие возможности для развития различных видов туризма. Неслучайно в своих выступлениях Президент Ильхам Алиев особо упоминает туризм в качестве основных направлений деятельности на освобожденных землях и подчеркивает богатый туристический потенциал Карабаха и Восточного Зангезура: «Этот

потенциал позволяет нам превратить его в одно из Основные Культурно-исторические туристические зоны Азербайджана. Хотя наши памятники были разрушены, после их восстановления можно будет организовать туры по этим местам» [8]. В настоящее время в Баку и других регионах построены гостиничные сети и туристические развлекательные центры, отвечающие международным стандартам, которые доступны для местных и иностранных гостей.

Список источников

1. Государственное агентство по туризму Азербайджанской Республики. Статистические данные по туристическому потоку за 2021–2024 гг. — Баку, 2024.
2. Зимний туризм в Азербайджане - из каких стран самый большой приток туристов? URL: <https://news.day.az/tourism/1520657.html>
3. МИД Азербайджана запустил портал заявлений-анкет для получения визы URL:<https://news.day.az/politics/1531632.html>
4. Агентство по развитию Карабаха. Официальные отчёты о восстановлении инфраструктуры и инвестиционной политике на освобождённых территориях за 2022–2024 гг. — Баку, 2024.
5. Государственная программа Азербайджанской Республики «Великое возвращение на освобождённые территории». — Баку, 2021.
6. Azərbaycan Respublikasının Dövlət Statistika Komitəsi. Turizm sahəsi üzrə illik hesabatlar 2021–2024. — Bakı, 2024.
7. Azerbaijan.travel. Qarabağ — Azərbaycanın tarixi və mədəni irs mərkəzi. — 2023.
8. Президент Азербайджанской Республики. Официальный сайт. URL: <https://president.az>.

Байрамова Л.И., Азербайджанский Технологический Университет (г. Гянджа, Азербайджанская Республика).

Bayramova L.I., Azerbaijan University of Technology (Ganja, Republic of Azerbaijan).

ORCID: 0009-0000-6002-3181

: l.bayramova@atu.edu.az

Дата поступления: 15.03.2026

© Байрамова Л.И., 2026

Выпускающий редактор: Беянина Е.Ю.
Подготовка оригинал-макета: Беянина Е.Ю.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Авторы несут ответственность за содержание статей, за достоверность приведенных в статье фактов, цитат, статистических и иных данных, имен, названий и прочих сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

Сетевое издание размещается на платформе eLIBRARY.RU
на основании Договора № 105-03/2020 от 17 марта 2020г.

Сетевое издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Регистрационный номер ЭЛ № ФС77 – 78274 от 06.04.2020
Журнал издается с 2020г. Периодичность – 4 раза в год.

Учредитель: Беянина Е.Ю.
Главный редактор: Беянина Е.Ю.
Тел.редакции: +7 913 610 3123
E-mail: belyanina_eu@mail.ru
<https://zhurnalnir.ru>